

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 6 (822)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 6 (822)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 6 (822)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Стебелькова Н. А.</i> Некоторые направления исследования языковых единиц пословичного характера	9
<i>Исакова Л. Д.</i> Цельносистемное типологическое исследование германских языков	17
<i>Уханова М. А.</i> Почему нам смешно: классификация анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса	34
<i>Гусева О. А., Шевелева Е. О.</i> Концептуальные основания семантики английских глаголов, обозначающих смех (опыт фреймового анализа)	45
<i>Кивилева Е. Б.</i> Когнитивный механизм анимализации в метафорической номинации (на примере именовании кораблей американского и британского флотов)	56
<i>Басинская М. В.</i> Корпусный анализ семантики синонимов (на материале английских прилагательных)	66
<i>Трубочкин А. В.</i> Явление коэртиции во фразово-глагольных конструкциях	79
<i>Черемисина Т. И.</i> Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов	91
<i>Беляева И. В., Куликова Э. Г.</i> Заимствование морфем как илиминирование лакун: «ингвовые» формы в русском языке	108
<i>Левицкий А. Э., Доу Чуньяо</i> Возраст человека в зеркале лингвокультуры	122

<i>Иволгин А. В.</i> Особенности коммуникативной структуры журнальной публикации жанра «письмо редактору»	132
<i>Никонова Е. В.</i> Функции языковой составляющей в компьютерной игре	146
<i>Бонадык Н. А.</i> Прагматический аспект передачи оценочных значений при переводе новостных материалов	158
<i>Аллахвердиева А. М.</i> Особенности политического дискурса Терезы Мэй	171
<i>Мухин С. В., Ефремова Д. А.</i> Лексическая тональность древнеанглийской элегии	184
<i>Зененко Н. В., Зененко М. А.</i> Внешний имидж современной Мексики в испанском газетном дискурсе	197

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарев А. П.</i> Россия и Запад: от Н. Я. Данилевского до Ги Меттана – что изменилось?	209
<i>Коржова И. Н.</i> Художественная рецепция стихотворения К. Симонова «Жди меня» в поэзии 1940–1950-х гг.	221

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Барышева Ю. С.</i> Образовательный потенциал современной массовой культуры как агента социализации	236
<i>Юрин А. Н.</i> Переопределяя нацию: развитие дискурса о мигрантах в современной Германии	248

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Stebelkova N. A.</i> Some Approaches to the Study of Proverbial Phrases	9
<i>Isakova L. D.</i> Holistic Typological Description of Germanic Languages	27
<i>Ukhanova M. A.</i> Why Do We Find It Funny? Jokes Classification from Cognitive Dissonance Perspective	34
<i>Guseva O. A., Sheveleva E. O.</i> Conceptual Grounding of Semantics of English Verbs Denoting 'Laughter' (attempt at frame analysis)	45
<i>Kivileva E. B.</i> The Cognitive Mechanism of Animalization in Metaphorical Nomination Illustrated by British and American Naval Names	56
<i>Basinskaya M. V.</i> Corpus-Based Analysis of Synonyms (a case study of English adjectives)	66
<i>Trubochkin A. V.</i> Coercion in Phrasal Verb Constructions	79
<i>Cheremisina T. I.</i> Chinese Borrowings in Modern English as an Element of Cultural and Linguistic Interaction	91
<i>Belyaeva I. V., Kulikova E. G.</i> The Borrowing of Morphemes as Gaps Elimination: "Ing" Forms in the Russian Language	108
<i>Levitsky A. E., Dou Chunyao</i> Age of a Human Being Mirrored in Linguoculture	122
<i>Ivolgin A. V.</i> Features of the Communicative Structure of the Journal Publication of the Genre "Letter to the Editor"	132

<i>Nikonova E. V.</i>	
Functions of the Language Component in a Computer Game	146
<i>Bonadyk N. A.</i>	
The Pragmatic Aspect of Transferring Evaluative Meaning in Translation of News Items	158
<i>Allahverdiyeva A. M.</i>	
The Peculiarities of Political Discourse of Theresa May	171
<i>Mukhin S. V., Efremova D. A.</i>	
Lexical Tone of Old English Elegy	184
<i>Zenenko N. V., Zenenko M. A.</i>	
External Image of Modern Mexico in Spanish Newspaper Discourse	197

LITERARY STUDIES

<i>Bondarev A. P.</i>	
Russia and the West: from N. Y. Danilevsky to Guy Mettan – What Has Changed?	209
<i>Korzhova I. N.</i>	
Artistic Perception of K. Simonov's Poem "Wait for Me" in the Poetry of the 1940s–1950s	221

CULTUROLOGY

<i>Barysheva Yu. S.</i>	
Educational Potential of Modern Mass Culture as Socialization Agent	236
<i>Yurin A. N.</i>	
Redefining the Nation: Evolution of Migration Discourse in Modern Germany	248

УДК 81'26

Н. А. Стебелькова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии
английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: stebelkova2010@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПОСЛОВИЧНОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассматриваются направления исследований языковых единиц пословичного характера. Основной тезис заключается в том, что определение характера представления культурно значимых структур знаний в семантике паремий должно осуществляться в рамках различных научных парадигм. В статье представлены результаты изучения паремий русского и английского языков, связанных с темой богатства, бедности и ролью денег в жизни человека. Выявлены несколько типов когнитивных моделей, формирующих семантику исходных тематических групп пословиц. Результаты сопоставительного анализа позволили установить области сходства и различий в системе понятийных корреляций, присутствующих в семантическом пространстве пословиц английского и русского языков изучаемой тематической сферы.

Ключевые слова: паремия; когнитивная модель; когнитема; сопоставительное исследование; концептуальное пространство; понятийная корреляция; мотивирующая база значения.

N. A. Stebelkova

PhD, associate professor of the Chair of Lexicology
of the English Language, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: stebelkova2010@yandex.ru

SOME APPROACHES TO THE STUDY OF PROVERBIAL PHRASES

The article charts some new approaches to the study of proverbs and sayings in different languages. The author proceeds from the assumption that general theoretical issues concerning the way cultural information is embedded in meaning should be tackled from many different angles. The article presents the results of a comparative study of English and Russian proverbs belonging to the topical area of

wealth, poverty and the role of money in people's life. Different types of conceptual patterns shaping the meaning in target thematic groups of proverbial phrases have been established. A comparative study helped to identify areas of similarity and difference in the network of conceptual correlations present in the semantic space of the units under analysis.

Key words: proverb; cognitive pattern; comparative study; conceptual space; conceptual correlation; motivating base of meaning.

Введение

В статье рассматриваются некоторые направления и перспективы исследования языковых единиц пословичного характера, или паремий. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения всего корпуса паремий национальных языков с целью выявления моделей структурирования знаний о мире и их языкового выражения.

Вопрос о языковом статусе пословиц и поговорок не является до конца решенным. Одни исследователи считают их неотъемлемой частью фольклора, определяя пословицу как некое суждение, содержащее в свернутом виде многовековой опыт народа; другие полагают правомерным относить пословицы и поговорки к фразеологическому фонду языка в силу таких лингвистических свойств, как воспроизводимость, устойчивость, метафоричность. Отсутствие четкого определения лингвистического статуса пословиц не является барьером на пути исследования целого ряда важных проблем, включающих изучение специфики взаимодействия мышления, языка и культуры в единицах пословичного типа; определение характера представления культурно значимых структур знаний в семантике паремий; установление наличия общего и специфичного в семантике и образной основе пословиц при проведении сопоставительных исследований. Нельзя не согласиться с известным исследователем пословиц и поговорок Г. Л. Пермяковым в том, что пословица при всей своей видимой простоте представляет собой весьма непростое образование [Пермяков 1970].

Комплексный подход к изучению пословичных речений

Пословицы обладают большим разнообразием свойств структуры и семантики, что позволяет подойти к их изучению с разных позиций в рамках той или иной научной парадигмы. Так, исследование пословиц в ракурсе когнитивной лингвистики может способствовать

пониманию того, какие структуры знаний о мире обладают первостепенной значимостью для того или иного народа.

Осуществление научного поиска в рамках когнитивного направления исследования неразрывно связано с решением таких конкретных задач, как:

- 1) выявление совокупности концептов, участвующих в формировании ценностной картины мира того или иного народа;
- 2) анализ глубинной картины соотносительности понятийных структур в пределах группы единиц, объединенных общей тематикой;
- 3) построение когнитивных моделей репрезентации знаний и верований, лежащих в основе семантики паремий в отдельно взятой тематической группе единиц.

Когнитивное направление исследования, таким образом, призвано раскрыть способы концептуализации и языкового выражения зафиксированных в коллективном сознании народа представлений о существенных характеристиках явлений или объектов действительности.

В статье представлены результаты предпринятой нами попытки изучения паремий русского и английского языков, связанных с темами богатства, бедности и роли денег в жизни человека. Собранный материал показал, что ядро паремий данной тематики составляют поговорки, т. е. единицы, не обладающие метафоричностью. Это обстоятельство нашло отражение в специфике когнитивных моделей, отражающих сложившиеся представления о богатстве и бедности. В орбиту понятий, соотносимых с понятиями богатства, в частности, входят: счастье, дружба, здоровье, добрая слава. Общая когнитивная модель (или концептуальная схема) реализуется в двух своих разновидностях: 1) модель противопоставления несоизмеримых величин (А лучше В) и 2) модель снятия знака равенства между сопоставимыми величинами. Первая модель достаточно активна как в английском, так и в русском языке. Например: *Health is better than wealth* (*Здоровье дороже богатства*). В английском языке нами было обнаружено несколько вариантов поговорки, выражающих аналогичное значение: *Good health is above wealth. Health is great riches. Wealth is nothing without health* [The Concise Oxford Dictionary of Proverbs 2003]. Только в английском языке присутствует расширенный вариант базовой единицы: *A good wife and health are a man's best wealth* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003].

Выделенная нами модель противопоставления несоизмеримых величин лежит также в основе поговорки *A good name is better than riches* и в русском языке *Добрая слава лучше богатства*. Иллюстрацией второй модели является, например, поговорка *Бедность – не порок* [Даль 2000].

Третьей выделенной нами моделью, лежащей в основе семантики анализируемых единиц, является модель причинно-следственных связей или логического следствия определенного действия. Например: *Lend your money and lose your friend* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003] и в русском языке – *В долг давать – дружбу терять*. *Пожалел алтын – потерял полтину* и т. д.

Представляет интерес предложенная в диссертации Е. В. Ивановой понятие когнитемы [Иванова 2003]. Под когнитемой автор понимает пропозициональную единицу знания, меньшую, чем пословица. Анализ лексического состава и семантики пословиц позволяет установить характер когнитем, выражаемых пословицами, принадлежащими к тому или иному фрагменту картины мира. Использование данного понятия представляется перспективным в процессе проведения сопоставительного исследования с целью установления области совпадений и различий в культурно-маркированных представлениях о той или иной стороне жизни и деятельности человека в рамках определенного национального сообщества.

Так, в русском национальном сознании богатство ассоциируется с безмятежной и комфортной жизнью, например: *Богатому всё праздник*. Е. В. Иванова провела исследование пословичных речений, связанных с понятием труда [Иванова 2003]. К выделенным когнитемам относится, в частности, следующая: *надо трудиться, чтобы что-то получить*, например: *Каков труд, такова и награда*. *Работник оценивается по труду* и т. п. [Даль 2000]. Сходство когнитем в разных языках, которое может быть выявлено при проведении сопоставительного исследования, обусловлено совпадением социально-исторических условий жизни народов, общими закономерностями развития человеческого бытия, дающими единый опыт, единое знание и понимание правил жизни. Сходство в способах представления, а также в диапазоне фиксируемых языком ценностных понятий может быть обусловлено существованием единого источника пословиц, в частности библейских текстов.

Проведенный нами анализ совокупности пословиц, входящих в концептуальное пространство «деньги», позволил установить наиболее характерные для данного фрагмента картины мира когнитемы. В том и другом языке подчеркивается необходимость упорного честного труда для приобретения богатства. *Обманом не разбогатеешь, а обеднеешь* [Даль 2000]. *He that will thrive must rise at five. Cheats never prosper. Cheaters never win, winners never cheat. Honesty is the best policy. Honesty pays* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003].

Мысль о недопустимости обмана в деле приобретения состояния, богатства выражена в достаточно категоричной форме, о чем свидетельствует доминирование такого прагматического типа высказывания, как ассертивы. Однако нельзя не отметить, что понятийная корреляция «труд – богатство» в английском и русском языках получает противоречивое или даже взаимоисключающее толкование, что свидетельствует о способности народа с иронией смотреть на обстоятельства жизни. В прямое противоречие с процитированными выше примерами вступают следующие поговорки: *Honor and profit lie not in one sack. Honesty is ill to thrive by* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]; *От трудов праведных не наживешь палат каменных* [Даль 2000] и т. д. Только в русском языке ярко присутствует понятийная корреляция «богатство / деньги – правда». *Деньги смогут много, а правда – всё. Правда дороже золота. Засыпь правду золотом, а она всплывет* [там же].

Важной когнитемой является отношение к деньгам. В поговорках закреплено положительное отношение к бережливости. Например: *Sparing is the first gaining* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]. *Бережливость лучше прибылька*. В английском языке можно обнаружить целую группу синонимичных единиц, выражающую ценность такого качества, как бережливость. *A penny saved is a penny earned. Thrift is a great revenue. Willful waste makes woeful want* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]. Наличие денег является мерилем человеческих отношений. Например: *Rich folks have many friends. Wealth makes many friends!* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]. *С деньгами мил, а без денег постыл. За свой грош везде хорош* [Даль 2000].

Не меньший интерес для исследователя представляют образные паремии, включающие лексемы определенного тематического ряда, такие, например, как наименования животных. Свообразие

структуры семантики и образной основы значения пословиц в данной группе единиц обуславливает необходимость комплексного подхода к их анализу, т. е. сочетание когнитивного, лексико-семантического и функционально-коммуникативного аспектов исследования. Мы уже использовали понятие когнитивной модели при описании тематической группы пословиц, связанных с концептами «бедность / деньги». В лингвистической литературе отсутствует сколько-нибудь конкретное определение когнитивной модели в преломлении к пословицам, и задача ее построения представляется достаточно сложной. Мы можем предположить, что в основе когнитивной модели образных паремий лежит механизм взаимодействия двух уровней семантики: глубинного и поверхностного.

На первом этапе анализа языкового материала в рамках лексико-семантического подхода необходимо, с нашей точки зрения, раскрыть роль лексической образности в организации совокупного значения.

Лексическая образность пословицы может базироваться на символических значениях лексем, обозначающих животных. В некоторых пословицах символическое значение отдельного компонента выступает в качестве доминанты в мотивирующей базе значения всей единицы. Например, *when the fox preaches, take care of your geese* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]. Лиса является символом хитрости у многих народов. Позиция доминантной лексемы в структуре образа в данном примере усиливается с помощью приема персонификации. Глагол *preach* (проповедовать, выступать с нравоучительными беседами), относящийся к человеку, в сочетании с лексемой *fox* повышает экспрессивность пословицы, сообщая ей шутливо-иронический оттенок.

Символические значения рождаются на основе опыта, приобретаемого человеком в процессе взаимодействия с окружающим миром. Инструментом отражения социально-культурного, эстетического или этического опыта в паремиях, содержащих лексемы – наименования животных, выступает иносказание, т. е. суждение, выражающее скрытый смысл в образно-экспрессивной форме. Суждение, выраженное в целом ряде пословиц, носит назидательный характер; прагматическая заданность такого рода суждения заключается в стремлении осудить определенные качества человека, такие, например, как: лень, хитрость, жадность, чрезмерная осторожность и т. д. Анализ языкового

материала показал, что лексическая образность может служить способом отражения опыта поведения человека в определенной жизненной ситуации. Например, референции к опыту поведения, зафиксированные в поговорках *не менять лошадей на переправе, брать быка за рога* и т. п.

Обобщение опыта, обозначенного прототипической ситуацией, сопровождается формированием абстрактного значения и приданием семантическому содержанию пословицы определенной синтаксической формы. Форма повелительного наклонения порождает значение побудительного действия или прескрипции, предписывающей субъекту определенную линию поведения. Например: *Catch your bear before you sell its skin (act prudently). The bull must be taken by its horns (meet perils fearlessly)* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003]. Лексическая образность может также строиться на стереотипах восприятия, т. е. отражать некий опыт наблюдений за поведением животных. Например: *barking dogs seldom bite (a man who utters threats in a loud voice need not be taken seriously)* или *the best fish swim near the bottom (the best things are hard to come by)* [The Concise Oxford Dictionary ... 2003].

Выводы

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что в необычных единицах когнитивная модель, лежащая в основе значения, строится на соотношении понятий по параметру логикопонятийных или ценностно-ориентированных связей. В образных паремиях в основе когнитивной модели лежит механизм взаимодействия концептуальных и семантических структур различного уровня абстракции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 415 с.
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М. : Наука, 1970. 270 с.
- Семененко Н. И Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 191 с.
- Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 546 с.
- The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2003. 364 p.

REFERENCES

- Ivanova E. V.* Poslovichnaja konceptualizacija mira (na materiale anglijskih i ruskih poslovic) : dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2003. 415 s.
- Permjakov G. L.* Ot pogovorki do skazki. Zametki po obshhej teorii klishe. M. : Nauka, 1970. 270 s.
- Semenenko N. N.* Lingvokul'turologicheskoe opisanie struktury i semiotiki paremii : dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2002. 191 s.
- Dal' V. I.* Poslovicy i pogovorki russkogo naroda. M. : Jeksmo-Press, 2000. 546 s.
The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2003. 364 p.

УДК 81.44

Л. Д. Исакова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
второго иностранного языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: lsakova_ld@mail.ru

ЦЕЛЬНОСИСТЕМНОЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Близкородственные языки, имеющие общий источник происхождения, обнаруживают множество сходств в их типологической характеристике и сходства в тенденциях типологического развития. Целносистемное исследование близкородственных языков позволяет проследить действие основных типологических тенденций в рассматриваемой группе языков. В современных германских языках (за исключением исландского) наблюдается тенденция развития к изолирующему типу. Действие данной тенденции проявляется на морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом уровнях. Сопоставление нескольких близкородственных языков предоставляет возможность определить степень действия данной типологической тенденции в различных языках. Характерные типологические свойства отдельных языков зависят от индивидуального исторического развития языковых систем. Однако под действием общих типологических тенденций в близкородственных языках обнаруживаются много сходного в функционировании языковых единиц отдельных языков.

Ключевые слова: агглютинация; аналитизм; близкородственные языки; формосвязывание; формоизоляция; флексия; языковой уровень; языковое средство; синтетизм; типологическая тенденция; целносистемная типология; порядок слов.

L. D. Isakova

Advanced Doctor (Philology), Associate Professor,
Professor at the Department of Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: isakova_ld@mail.ru

HOLISTIC TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF GERMANIC LANGUAGES

Closely related languages have developed from one and the same origin, and therefore they have many similar typological features and demonstrate similar typological trends. The whole system study of closely related languages allows to trace the functioning of the main typological trends in a given group of languages. There is a trend to isolating type in Modern Germanic languages (with the exception of Icelandic). This trend is manifested on the morphological, syntactic and lexico-semantic levels. The comparison of several closely related languages gives an opportunity to reveal the degree of the development of this typological trend in different languages. Characteristic traits of the typology of the languages are

connected with their historic development, with their individual language systems. But common typological trend of closely related languages is being manifested in the functioning of individual system elements.

Key words: agglutination; analytism; closely related languages; form binding; form isolation; inflexion; language level; language means; synthetism; typological trend; whole system typology; word order.

Introduction

In the process of typological analysis of closely related languages a good result could be received after the consideration of whole systems of the languages of a given group. The whole system comparison of closely related languages allows to demonstrate the features which unite and differentiate these languages. The closely related languages have developed from one and the same origin and so they inevitably have many features in common. The system similarity of given languages is based to a great extent on material elements (similar sound elements of lexemes, i.e. substantial similarity), which is typical only for related languages.

During the whole system analysis a leading typological feature inherent to the language system is found out. The leading feature determines the mode of word binding in the spoken chain, either with inflexion or by syntactic means, i. e. word order and auxiliary words. All the languages are divided to form binding and form isolating ones according to the fact whether the relations between words in the spoken chain are expressed or non-expressed in the words themselves [Солнцев 1995].

There is a common trend of typological development which could be often observed in closely related languages. Old Germanic languages were form binding, inflected languages, which widely used inflexion for expression of grammatical meanings. In inflectional languages the word is opposed to the morpheme and to the word combination [Широкова 2006, с. 194]. Modern Germanic languages remain form binding ones, but from the point of view of the whole system typology they demonstrate the trend of development to an isolating type with the exception of Icelandic. Depending on the degree of closeness to the isolating type L. Yermolayeva arranges Modern Germanic languages in such a way: Afrikaans – English – Danish – Norwegian – Swedish – Frisian – Dutch – German [Ермолаева 1987].

The Icelandic language does not manifest a firm trend to the isolating type.

Isolation is a syntactic phenomenon, but it becomes apparent on the other levels of the language system. Characterizing languages according to form binding or form isolation means arrangement of languages according to the whole system typological feature.

Comparison of typological features of closely related languages allows to demonstrate these feature in dynamics, as the development of a common typological trend. Determining the productive system links, new and vanishing phenomena makes also a dynamic effect.

The number of facts, characterizing the deviation of a Germanic language from the form binding state shows the degree of functioning of isolating trends in a given language. These trends are the most active in Afrikaans and English and the least in German.

Isolation trend in Germanic languages

Isolation trend in Germanic languages is evident on different language levels and in interlevel correlations. The syntactic level becomes more important than the morphological one. The word order of the SVO type becomes more and more steady, the subject moves forward to the position before the predicate. Isolation trend results in a more rigid word order and in a progressive elimination of inflexion. We can observe unification and disappearance of inflected means; as a result, agglutinative means develop, which is simpler and less synthetic than inflected means, because every agglutinative marker has only one meaning and can be joined to a stem, which can be used also without these affixes. Inflected morphological means are substituted with agglutinative or analytical means. Analytical means are auxiliary words used as a formant, which, when combined with words having lexical meaning, represent an analytical word form.

If we consider the structure of a language as a global linguistic phenomenon, determined with a functioning productive mechanism, then we can trace evolution in Germanic languages: elimination of inflexion and rise of analytism; moreover, we observe the transfer to affixation of the agglutinative type. Inflexion means develop from the synthetic to analytical type. It should be noted a trend to analysis (development of analytical means) in West Germanic languages and a trend to agglutination in Northern Germanic (Scandinavian) languages. So we observe in tins

case an areal ordering of languages. External and internal inflected patterns are productive only in Icelandic.

Agglutinative features can be found on the syntactic level, too. A ramified paradigm of word combinations with infinitives illustrates this fact. High frequent combinations of non-finite verb forms with nouns, adjectives, verbs give evidence of agglutinative trends [Лукин 1995].

It is observed in the noun system a trend to substitution of morphological means with syntactic ones, to expression of relational meanings with a combination of the preposition and noun and by means of word order. Basic grammatical information of a noun phrase is represented in an analytical way, by means of the article being in the head of a noun phrase in Germanic languages. Grammatical meanings must be characterized by the property of obligatory expression [Плунгян 2011, p. 20].

Auxiliary words are being used more frequently to express grammatical meanings, a syntactic mode of binding named adjoining becomes widespread.

The syntactic level determines to a considerable extent the system of parts of speech and the choice of a lexico-semantic word variant. The connection of the lexico-semantic level with the syntactic one becomes tighter, and the connection with the morphological level is looser. Semantic variation and polysemy, dependency of meaning from syntax are being spread. The number of phraseological patterns increases. It could be observed that the number of words with fuzzy and broad lexical meaning increases and it results in paradigmatic ordering of the lexicon.

Thus, analytism develops, and it is not only morphological, but also syntactical and lexical analytism. Syntactical analytism means, for example, a broad use of prepositions for binding words. Lexical analytism is represented with the development of different analytical word combinations, designating one concept.

In such word-combinations the word with a fuzzy lexical meaning in the main serves for the transmission of grammatical meaning. The more lexical analytism is developed in a language, the more there are words with broad meaning.

The trend to isolation in the word formation of Germanic languages is represented in productivity of such patterns as conversion and word composition. In general, as inflected means decrease in German languages, the area of word formation is widened.

In order to demonstrate the trend to isolation in Modern Germanic languages it is proposed to compare one of the most advanced in developing to the isolating type languages, that is English, and the least advanced, that is German, and the language which occupies an intermediate position according to this point of view, that is Swedish. The degree and forms of development of the isolation trend in given languages will be different.

English

English is to a great extent close to the isolating type remaining a form binding language.

An extremely small number of morphological means used to express relational meanings is accompanied with the increase of the importance of syntactic means. There is a rigid word order in Modern English. The order SVO is being kept as in a simple narrative sentence, as well in a subordinate clause. The subject precedes the predicate. Topicalization of the subject is observed, the subject represents the topic in functional sentence perspective. Besides, there are two zones according to the degree of rigidity of word order in the structure of the English sentence [Еропова 1990, p. 75]. There are the subject, predicate, direct and indirect objects in the central zone, and the more rigidly fixed word order is noted in this zone, grammatical relations between words are determined with their mutual distribution. The peripheral zone consists of circumstances and prepositional objects, which have a great degree of freedom in the word order and can precede the central zone or they can be either inside it or after it. There are some rules in these processes. For example, circumstances defining action precede a predicate, and circumstances designating resulting action follow it.

Rigid word order can be also found in the frame of several syntactic groups, for example there is a rule of succession in the occurrence of several single preceding attributes.

The English language demonstrates a trend to analysis on the morphological level. Analytical forms are widely used to express grammatical categories of time, voice and modality.

Verb forms in interrogative and negative sentences are derived analytically. This mode is used also to express a noun category of definiteness / indefiniteness.

The noun has two cases: the common and the possessive case; the possessive case is expressed in an agglutinative mode.

Synthetic means are used most frequently in the system of English pronouns. Suppletive forms, internal flexion and agglutination are used to form the object case.

Two basic verb forms are derived from the infinitive with the productive agglutinative means – dental suffixes. Internal flexion as a means to derive basic verb forms occurs in irregular verbs and it is an unproductive mode. Existence of three basic forms which are the same (*to cut – cut – cut*) well corresponds with an image of the language with isolating trends.

To express relations of words in a sentence only one agglutinative marker *-s* is used in the noun system (possessive case) and in the verb system (expression of person and number). In other cases analytical means (auxiliary verbs, personal pronouns in the nominative case preceding verbs), lexico-syntactic (prepositions) and syntactic (word order in a sentence) means are used. Isolation trend corresponds with a trend to use the form of the third person form without an agglutinative marker: “he go” instead of “he goes”, and also with other violations of agreement in person and number, for example when a subject is expressed with a noun designating a group of persons: “the committee has the task” and “the committee have the task”, where it is possible to use the verb either in singular, or in plural. There appears a trend to the absolute and invariable verb form.

To derive the norm plural form is used agglutinative *-s* as a productive means. All the other different means to derive noun plural forms are nonproductive in English.

At the same tune there are some cases in English when new synthetic forms arise from analytical ones. It is the contact ordering of formal elements that favours to this process. Arising of new inflections can be illustrated with short colloquial forms of auxiliary verbs used to express:

- time category: ‘*ll*, ‘*s*, ‘*re*, ‘*ve*, ‘*d*;
- person: ‘*ll*, ‘*re*, ‘*s*.

It’s possible to mark new agglutinative: *n’t*, *let’s* [Биренбаум 1990].

While significant words are ordered rigidly, auxiliary elements can be independent and mobile in English. Acquiring general meaning, they can form a group of words.

The article in English is quite independent from the noun. It expresses only noun determination in a concrete speech situation and forms a noun phrase. The possessive case marker *-s* can relate not only to a single noun, but to a whole group of words: *the professor of Oxford’s lecture*.

Besides this, the possessive case marker can be used even with different complex word groups, for example, with abbreviations in the written form: *Bybee et al's obligation*.

The lack of morphological markers in direct and indirect objects and in stead of it their syntactic expression lead to the fact that it is possible to transform an active construction into a passive one with the transformation both of a direct and indirect object into a subject:

He wrote me a letter → A letter was written to me → I was written a letter.

In English, which is close to the isolating type, it is observed a weak differentiation of parts of speech, because there are few morphological means, participating in this differentiation. And if it is stated, that there are no distinctions between noun and verb in Austronesian, then linguists come to a conclusion, that English is on the way to a state of the Austronesian type [Anward et al. 1997, p. 169].

Simultaneously with reduction of inflexional forms in English one can observe an intensive development of word formation means. Inflexion and word formation affixes are used in English almost equally: about twenty words have inflexional forms and about twenty words have derivational affixes in a text with hundred words. In comparison, there are fifty five inflexions and sixteen derivational affixes in Icelandic [Кубрякова 1972, p. 187].

At the same time, in comparison with affixation, word compounding is more widely spread in English. English is close to the isolating type not only due to productivity of word compounding in English, but also due to the syntactic, spoken character of composites, which are close in their structure to free word combinations. The most productive pattern of word compounding in Modern English is N + N (noun stem + noun stem), along with this it is allowed a great freedom of semantic relations as in nominative word combinations and as a sequence of it in compound words as well. The usage of word combinations, consisting of two nouns, is practically not limited in semantic. Almost every noun can be used prepositionally as an attribute.

Along with compound words, word combinations are widely used in English in the same function. Word combination represents an analytical type of nomination, in contrast to word compounding as a synthetic type.

Weak differentiation of parts of speech is a cause of a such phenomenon in English as conversion, i. e. transfer of one part of speech to another. A lexeme transformed to a lexeme of the other part of speech, acquires all the grammatical features of a new part of speech. Conversion relates to phenomena of polyfunctionality, which are inherent for languages changing their structure from noun – verb to the structure nominativity – verbality [Vogel 1996]. These properties are not fixed on a certain lexeme, but found out on the syntactic level, when one and the same lexeme demonstrates the property of nominativity or verbality. This phenomenon is wide-spread in English. Many lexemes can be used either as verbs, or as nouns, that is, they are polyfunctional words. At the same time every noun can be contextually used to express verbality. Conversive relations between words are the result of word polyfunctionality.

As a rule an English word is polysemantic. A concrete lexico-semantic variant realizes on a syntagmatic level.

The direct word order is spread in English, the subject should represent a topic. The rigid word order is compensated with a more free lexical combinability. As a result, the semantic range of verbs can be much broader than in languages with morphological markers of cases. A verb of active action can combine with nouns having the meaning of process, state, event, place, time, cause etc. Thus, verb combinability and respectively its lexico-semantic structure broaden. The rigidity of the syntactic word order favours the combinability and broadening of lexico-semantic structure of words in languages which are close to the isolating ones. Word combinability in these languages is considerable. Verbs of action or state of living beings can be used in very unusual combinations, e. g. in the phrase “This room sleeps four people” noun, designating location, is used as the subject [Lazard 1994, p. 253].

As a result of development of word polysemy and combinability increases the importance of semantic relations between components of word combinations and sentences, and also contextual interdependence of words develops. Word combinations substituting separate words appear. In such verb-noun word combinations as, for example, “to make use” the verb with a broad meaning has the function to express grammatical meaning, and the verbal noun bears lexical meaning. This analytical mode to express concepts is productive in English, it demonstrates the trend to a separate expression of grammatical and lexical meanings [Николаевская 2010, p. 243].

All these features, observed on morphological, syntactic, lexical levels in English are interrelated, they reflect the functioning of the isolation trend in a given language.

German

German is on the last position in the group of Germanic languages having the trend to isolation. Synthetic means designating the meaning of grammatical categories, are kept in German to the most extent.

The case system is reducing in the noun system. The system of four cases is observed only in nouns of masculine gender of weak and strong declension.

To express a relation category of case an analytical means, that is a variable article is used. There are additional (synthetic) means: the agglutinative ending of the Genitive of the strong declension *-(e)s* and the agglutinative ending of the oblique case of the weak declension *-(e)n*.

Nouns of neuter gender and plural norms have a three cases system with a variable article, agglutinative *-(e)s* for the Genitive of nouns of neuter gender and with agglutinative *-(e)n* for the Dative case of plural nouns.

The nominative and accusative cases of nouns of neuter gender and of plural number are represented with one syncretical form which unites the functions of different cases.

Syncretical forms are observed in the two-cases system of declension, including norms of feminine gender where synthetic cases markers are absent completely.

Thus, we observe the reduction of the noun case system to two-, three- or four components, and only residual synthetic markers remain. The case category is marked mainly with an analytical means, that is the article.

To express the category of number an analytical means the article “die”, suffixes (*-e*, *-er*, *-en*, *-s*) and rare internal flexion are used.

Categories of gender, number and case for adjectives are reflected in German; they give formal confirmation of noun meanings in adjectives used in attributive function.

Transfer from agreement to reflection leads to the destruction of the adjective categories.

The paradigm of the strong declension includes five endings (*-er*, *-es*, *-e*, *-em*, *-en*), and the weak declension paradigm includes only two

endings (-e, -en). It is rather difficult to differentiate adjective forms in gender, number and case in most instances.

There is an elaborated inflexion in the German verb system. But we observe in it a gradual transfer of several functions from using morphological means to syntactic ones, and thus morphological markers are being respectively destroyed.

The trend to analytical development is observed, as in other languages of the West Germanic sub-group, in the area of morphological verb forms in the German language. Analytical forms are used to express time, mood and voice. If there are two alternative types of forms manifesting one meaning, the more preferable is the analytical type; for example, in order to express the meaning of irrealty the analytical forms of konditionalis are more often used than synthetical forms of the konjunktive preterite.

The categories of person and number are expressed with flective means. There are three grammemes of the first, second, and third person to manifest the person category in the singular presence form of the real mood. And to express the person category in other cases there are two grammemes (of the second and non-second person). The grammemes of the non-second person are amalgamated, syncretic, and they include the meanings of the first and third person. Syncretic forms manifest a trend to reduction of the number of forms designating the person, for they duplicate the designation of the person and number with a predicative combination (the combination of a personal pronoun or a noun in the nominative case with a verbal form). The predicative combination has two components in Germanic languages and the subject existence is obligatory. Thus, morphological functions of the person and number are partly expressed with syntactical means in German.

Agglutinative means are used to designate time: the suffix *-te* in the indicative preterite. They are also used to express a reflected category of obliqueness / non-obliqueness: the suffix *-e*.

The voluntative / non-voluntative category is limited with a formal expression of desire in the second person of the singular. In other cases desire or will is expressed with syncretic forms, for example, the second person of the plural: *Sagt!* 'say!' – (*ihr*) *sagt* 'you say'.

Agglutinative means are used in formation of basic forms of weak (regular) verbs: The basic forms of strong (irregular) verbs use the suffix *-en*, prefix *ge-* and unproductive internal flexion (ablaut). Residual

instances of internal flexion occur in forms of the presence singular in several strong (irregular) verbs. But in general the internal flexion as a synthetic means is reproductive in the German verb morphology.

There is a relatively free word order in German. The predicate has a fixed position: its finite form is on the second place in a simple sentence, and non-finite form is in the end of sentence. More free word order is provided with a sufficient amount of morphological means, expressing relational categories which serve to bind or relate words in the spoken chain.

As to languages with the rigid word order, it is only the theme which is subject to topicalization, that of location of the first position in a sentence. In German with its more free word order, a rheme can also take the initial position, and then the rheme is stressed.

Word formation is greatly developed in German. Word compounding is extremely productive, but compounds in German are notable for a great unity of components, they have a definite phonetic form and distinctly differ from word combinations. According to compounding patterns words could derive from any word combination, for example:

das Wasser für ein Landhaus “the water for a country house” –
das Landhauswasser.

It is possible to use connective *-s* and *-n* in composites. Composites can participate in the formation of new composites. If there is a trend to analysis in the grammar of German, then we see a trend to synthesis in the vocabulary.

A peculiar word-formation type is also wide-spread, that is a syntactic concretion when a syntactic group is transformed into a composite by means of word compounding and word formation simultaneously: *frei lassen* “make free” – *die Freilassung*.

Besides, syntactic concretions in the form of verbal norms are spread more than other forms.

Synthetic phenomena take very strong positions in the vocabulary of German. An elaborated system of word formation is very productive in modern times. A great inventory of various productive suffixes, prefixes, semi-suffixes, semi-prefixes gives evidence to this fact.

Word formation means are used, for example, to convey verbal aspect meanings: *blicken* “look” – *erblicken* “see”, *blühen* “blossom” – *erblühen* “blossom out”.

German is related to languages which definitely differentiate parts of speech. Due to morphological contrast between noun and verb there is no conversion in German. Non-affixal, zero derivation can be noted on the word-formation level: *leben* “live” – *das Leben* “life”, and there are phenomena of syntactic hyper-categorization on the syntactic level: *kommen* “come” – *(dein) Kommen* “(your) coming” [Vogel 1996, p. 274].

We can observe also analytical trends in the German vocabulary. They can be illustrated with the most different analytical combinations with a nominative function. The patterns of non-phraseological fixed combinations are not so widely spread in German as in English, but they are all the same productive.

Swedish

There is also an isolation trend in Swedish. In contrast to means of the morphological level the syntax plays a great role in it.

There are only two cases in the noun system: the common case and the genitive case. As in English, relational meanings in the noun system are conveyed basically by means of the word order and prepositions. A prepositional-nominal system arises to express grammatical meanings in the noun system, the system comprises morphological and syntactic means to convey relations between words in the spoken chain. As in English, there are only two cases. The possessive (genitive) case is marked in agglutinative mode (marker *-s*).

The category of gender (the common and neuter gender), which is manifested in article and adjective forms, is inherent in the Swedish noun system.

Both analytical (the article) and agglutinative (suffixes of the plural number) means are used for derivation of nouns of the plural number.

The preposed indefinite article in Swedish has two forms: of the common and neuter gender (*en, ett*). The definite article has forms of the common, neuter gender (*-(e)n, -(e)t*) and three variants of the plural form (*-na, -a, -en*). The definite article is post-positional, it joins to a noun in agglutinative mode. An article having the form of the common or neuter gender (*den, det*) precedes a noun in the definite form with an adjective.

There are two markers (*-t* and *-a(e)*) in the system of adjectives.

Thus, we can note weak development of formal means expressing grammatical categories in the noun system of Swedish. These means are

analytical (a preposed indefinite and free standing article) and in most cases agglutinative (a post-positional definite article, a possessive case marker of nouns, suffixes designating the plural number, adjective forms). The agglutinative *-s* of the genitive has in Swedish the same syntagmatic mobility as in English and it can relate not only to a noun, but to a word group altogether.

The use of analytical and agglutinative means is typical also for the system of the Swedish verb.

Analytical forms express categories of time, mood, voice, action representation (non-finite forms of the verb).

Agglutinative markers are wide-spread in the Swedish verb system. The verb stem occurs only in imperative forms (except of verbs of the 1st conjugation, having the suffix *-a*).

The internal inflexion is used to derive basic forms of verbs of the IVth conjugation, but this type is unproductive in Modern Swedish.

Forms of the passive voice in Swedish are derived both in analytical mode by means of the auxiliary verb *bliva* and by means of joining of the agglutinative *-s* to an active voice form. The agreement of the gender and number in a complex form of the participle II with a subject gives evidence of the use of synthetic mean in formation of the passive in Swedish:

Pojken blir kallad.	‘The boy is called.’
Barnet blir kallat.	‘The child is called.’
Flickorna blir kallade.	‘The girls are called.’

Therefore it’s possible to make a conclusion, that the use of agglutinative and analytical means is typical in the modern Swedish morphology. Along with this agglutinative means prevail. There is a trend of development to agglutination in Scandinavian languages. This trend is a result of the functioning of the more general trend to the isolation type, because agglutinative means are less bound with a stem than inflexion means, typical for Old German languages and testify to a less degree of synthesis inherent to the morphological system of the language.

With no grammatical and a limited set of derivational means for expressing aspect meanings lexico-constructive means are used in Swedish, they are represented as verbal analytical and semi-analytical constructions. Different modes of action: inchoative, processive, finite, iterative, resultative, effective are manifested with combinations with certain verbs.

Such constructions, *as hålla på* + infinitive include a non-semantic verb. This construction expresses the meaning of a durative process. It is widespread in Swedish. The construction has eight correspondences in German to convey the same meaning [Schneider 1977, p. 98–101].

The lack of an elaborated system of relational categories, expressed in Swedish with inflexion means favours the wider use of syntactic means. There are many features of the rigid word order in Swedish: an inflected part of a verb takes the second place in the narrative sentence, the subject aims at the beginning of a sentence, an indirect object precedes a direct object if there are no prepositions, an indirect prepositionless object precedes an indirect prepositional object, there is a strict word order SVO in a subordinate clause etc.

Productivity of word combinations and constructions with non-finite verbal forms characterize the trend to agglutination. Different infinitive phrases are quite often used in Swedish instead of subordinate clauses: the object with the infinitive after the verbs: *se* ‘see’, *höra* ‘hear’, *säga* ‘say’, *vänta* ‘wait’, *minnas* ‘remember’ and so on.

The grammaticalized dropping of auxiliary verbs in the perfect or past perfect tense in subordinate clauses corresponds to the general trend to agglutination. A non-finite verbal form supin functions as a predicate in such a case.

The fact that analytical combinations are wide-spread leads to expansion of the group of modal verbs used with infinitives. A number of new verbs with modal meaning come into existence, e. g.: *låta* ‘let’, *bruka* ‘be in habit of’. To designate the possibility to perform an action four verbs exist: *kunna* ‘can’, *orka* ‘can’, *få* ‘may’, *hinna* ‘attain’.

As there are no case markers in Swedish (except the markers of the possessive case), transformations of active verbal constructions into passive one are possible, while both the direct and indirect objects are transformed into the subject:

Jag skrev honom ett brev. ‘I wrote him a letter’. → Brevet skrevs (blev skriven) av mig till honom. ‘The letter was written by me to him.’

Jag skrev honom ett brev. ‘I wrote him a letter.’ → Han skrevs (blev skriven) ett brev av mig. ‘He was written a letter by me.’

Thus, there are features of analytism and agglutination in Swedish syntax, manifested in the productivity of different analytical combinations and of combinations with infinitive verbal forms.

Parallel to inflexion means there are also derivational means, which are developed in Swedish. Affixal word-formation is one of the most important modes to derive new words. There are verbs with separable prefixes in Swedish (as in German) and verbs with particles following the verbs (as in English): *avkorta* ‘shorten’, *komma bort* ‘be lost’.

English phrasal verbs represent an analytical mode of verb derivation, German verbs with separable prefixes unite analytical and synthetic mode. Both types occur in Swedish.

The fact, that two derivational processes have parallel development in Swedish, is continued with verbs representing both types: *påfylla and fylla på* ‘pour out.’

One of the most important modes to derive new words in Swedish is word compounding. It has two functions: creation of one-word nominative units, expressing lexical concept, and the function of syntactic means to convey relations arising in the process of speech communication. The most widespread composites in Swedish are words derived according to the pattern N + N with a connecting morpheme or (more often) without it. The major part of the composites are binomial, even if they consist of many stems.

Swedish belongs to the languages which definitely discern the verb and the noun, therefore there are no real instances of the derivational conversion.

Conclusion

Comparison of three Germanic languages allows to represent the trends of the isolation type in separate closely related languages. This type is being shown by productivity of analytical and agglutinative means for grammatical forms, by the increase of the degree of rigid word order, by syntactic means for expression of grammatical meanings, by spreading of analytical word combinations.

REFERENCES

- Биренбаум Я. Г.* Современный язык в свете морфологической классификации // Всесоюз. конф, по лингвистической типологии : тезисы докладов. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 21–22.
- Егорова А. Н.* Влияние порядка слов в английском предложении на функционирование глагола (в сопоставлении с немецким) // Типология языков: теоретические и прикладные аспекты: сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1994. Вып. 364. С. 71–77.

- Ермолаева Л. С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М. : Высшая школа, 1987. 128 с.
- Кубрякова Е. С.* О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М. : Наука, 1972. С. 172–188.
- Лукин О. В.* Типологический статус категории репрезентации действия в германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.
- Николаевская Р. Р.* Английский язык: эволюция аналитизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 19 (598). 262 с.
- Плунжан В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учебное пособие. М. : РГГУ, 2011. 670 с.
- Солнцев В. М.* Введение в теорию изолирующих языков. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.
- Широкова А. В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков. 3-е изд. М. : Добросвет : КДЧ, 2006. 200 с.
- Anward J., Moravcsik E., Stassen L.* Parts of speech: A challenge for typology // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1–2. P. 167–183.
- Lazard G.* Revue article of “R.M.W. Dixon. Ergativity. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. XXII, 271 p.” // *Linguistic typology*. 1997. Vol. 1–2. P. 243–268.
- Schneider K.* Aktionsart, aktionsart och aspekt i svenskan och danskan jämförda med tyskan och nederländskan / Turun yliopiston julkaisuja. Turku 1997. Sarja B. Osa 143. 154 s.
- Vogel P. M.* Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversation und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen. B., NY : Walter de Gruyter, 1996. 311 S.

REFERENCES

- Birenbaum Ja. G.* Sovremennyy jazyk v svete morfologicheskoy klassifikacii // Vsesojuz. konf. po lingvisticheskoy tipologii: tez. dokl. M. : Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. S. 21–22.
- Egorova A. N.* Vlijanie porjadka slov v anglijskom predlozhenii na funkcionirovanie glagola (v sopostavlennii s nemeckim) // Tipologija jazykov: teoreticheskie i prikladnye aspekty: sb. nauch. tr. MGLU. M., 1994. Vyp. 364. S. 71–77.
- Ermolaeva L. S.* Oчерки по сопоставител'noj grammatike germanskih jazykov. M. : Vysshaja shkola, 1987. 128 s.

- Kubryakova E. S.* O sootnoshenii paradigmaticeskikh i slovoobrazovatel'nyh rjadov v germanskih jazykah // Istoriko-tipologicheskie issledovanija morfolo-
gicheskogo stroja germanskih jazykov. M. : Nauka, 1972. S. 172–188.
- Lukin O. V.* Tipologicheskij status kategorii reprezentacii dejstvija v germanskih
jazykah : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993. 24 c.
- Nikolaevskaja R. R.* Anglijskij jazyk: jevoljucija analitizma // Vestnik Moskovskogo
gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. Vyp. 19 (598). 262 s.
- Plungjan V. A.* Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie
znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira : uchebnoe posobie. M. :
RGGU, 2011. 670 s.
- Solncev V. M.* Vvedenie v teoriju izolirujushhijh jazykov. M. : Izdat. firma
«Vostochnaja literatura» RAN, 1995. 352 s.
- Shirokova A. V.* Sopostavitel'naja tipologija raznostrukturnyh jazykov. 3-e izd.
M. : Dobrosvet : KDCh, 2006. 200 s.
- Anward J., Moravcsik E., Stassen L.* Parts of speech: A challenge for typology //
Linguistic Typology. 1997. Vol. 1–2. P. 167–183.
- Lazard G.* Revue article of “R.M.W. Dixon. Ergativity. Cambridge : Cambridge
University Press, 1994. XXII, 271 p.” // Linguistic typology. 1997. Vol. 1–2.
P. 243–268.
- Schneider K.* Aktionalitet, aktionsart och aspekt i svenskan och danskan jamforda
med tyskan och nederlandskan / Turun yliopiston julkai suja. Turku 1997.
Sarja B. Osa 143. 154 s.
- Vogel P. M.* Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversation und verwandten
Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen. B., NY : Walter de
Gruyter, 1996. 311 S.

УДК 81-114.2

М. А. Уханова

старший преподаватель кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации заочного факультета
Московского государственного лингвистического университета;
аспирант кафедры лексикологии факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: umhanova@mail.ru

ПОЧЕМУ НАМ СМЕШНО: КЛАССИФИКАЦИЯ АНЕКДОТОВ ПО СПОСОБУ СОЗДАНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

В статье рассматривается явление когнитивного диссонанса в анекдотах на английском языке. Автор выдвигает гипотезу о взаимосвязи процесса порождения комического эффекта и способе формирования когнитивного диссонанса и предлагает классификацию анекдотов. В основу методологии анализа положена теория грамматики конструкций, которая позволяет под новым углом посмотреть на механизм создания юмористического эффекта, а именно: преодолеть ограничения семантической теории юмора и взглянуть на анекдоты с позиции глубинных ментальных процессов.

Ключевые слова: анекдот; когнитивный диссонанс; грамматика конструкций; фрейм; когнитивная лингвистика; комический эффект; теории юмора.

М. А. Ukhanova

Senior Lecturer, Department of linguistics
and intercultural communication, the Faculty of Correspondence Education,
PhD student of Lexicology Department, the Faculty of English,
Moscow State Linguistic University; e-mail umhanova@mail.ru

WHY DO WE FIND IT FUNNY? JOKES CLASSIFICATION FROM COGNITIVE DISSONANCE PERSPECTIVE

The following article focuses on the notion of cognitive dissonance as presented in English jokes. The author argues that the nature of humorous effect and the process of cognitive dissonance creation are closely interrelated and therefore the article presents a respective classification of jokes. The analysis is based on Construction Grammar theory which enables to study the roots of humorous effect from a new perspective; in particular, to go beyond the limits of semantic grounds of humour theories and deal with jokes taking into account both different language levels and deep mental processes.

Key words: joke; cognitive dissonance; construction grammar; frame; cognitive linguistics; humorous effect; humour theories.

Введение

В многочисленных исследованиях юмор трактуется как интеллектуальная способность, культурологическое явление, объект психологического изучения, который, несомненно, является неотъемлемой частью обыденной жизни. Мы шутим, чтобы установить контакт друг с другом, разрядить обстановку, получить одобрение. Удачная шутка может, подобно профессиональному дипломату, разрешить конфликт, а может вызвать резонанс или заставить человека чувствовать себя глупо. Так почему же та или иная фраза нам кажется или не кажется смешной? Природа порождения юмора интересовала ученых на протяжении нескольких столетий. Множество работ посвящено изучению комического с позиции психических и биологических теорий, поскольку принято считать, что понимание юмора – параметр когнитивного развития, свойственный только человеку. Помимо этого, во второй половине XX в. получили широкое распространение лингвистические теории юмора, среди которых можно выделить семиотические, семантические, лингволитературные и другие исследования. Подобный интерес связан во многом с развитием когнитивной лингвистики и новой возможностью «препарировать юмор» благодаря развитию нового когнитивного исследовательского аппарата с применением таких понятий, как схемы, фреймы, сценарии, терминалы, лексико-грамматические конструкции. С их помощью лингвисты пытаются объяснить глубокие ментальные процессы порождения юмора и его восприятия в сознании человека, а также их соотношение с языковой формой.

К наиболее выдающимся исследованиям в этой области можно отнести теорию бисоциации А. Кестлера, семантическую теорию скриптов В. Раскина, формальную теорию С. Аттардо. Данные исследователи осуществили попытку рассмотреть юмор не только с позиции психоанализа и биологических, ментальных процессов, но и учитывая лингвистическую основу юмора. А. Кестлер подчеркивал тесную связь между юмором и креативностью, которая, в свою очередь, имеет «двухплановую природу» [Koestler 1964, с. 27]. Юмористический эффект по Кестлеру достигается при бисоциации, столкновении двух ассоциативных контекстов [там же].

В. Раскин, также разделяя идеи о том, что природа юмора заложена в столкновении ситуаций, а не языковых смыслов, связывает порождение комического эффекта с понятием скрипта, являющегося

когнитивной структурой, несущей в себе определенную информацию. По его мнению, комический текст соотносится с двумя разными скриптами и эти два скрипта составляют оппозицию [Раскин 1985]. Теория Раскина строится на двух этапах: порождении комического текста говорящим и распознавании комического текста слушающим. При соотнесении друг с другом скрипты могут частично совпадать, при этом, если скрипты находятся в оппозиции, совпадение порождает юмор [Раскин 1985]. Иными словами, слушающий испытывает когнитивный диссонанс. Е. С. Шмелева в изучении каламбурных заголовков отталкивается от теории Кестлера и проводит разграничение между понятиями когнитивного диссонанса и бисоциацией, рассматривая последнее как более широкое явление, лишь обозначающее столкновение разных смыслов в одной языковой ситуации, в то время как когнитивный диссонанс затрагивает соотношение каламбурной единицы с контекстом [Шмелева 2017].

Поскольку нас интересует взаимодействие языкового наполнения анекдота и наложение контекстов, как неотъемлемая часть порождения комического эффекта, в данной работе мы будем оперировать понятием «когнитивный диссонанс». Целью статьи является выявление особенностей преодоления когнитивного напряжения на разных языковых уровнях, а также разработка классификации англоязычных анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса.

Когнитивный диссонанс и анекдот

Когнитивный диссонанс рассматривался исследователями в первую очередь как психологическое явление. Л. Фестингер определял его как «существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний», т. е. испытав психологический дискомфорт, человек будет стремиться нейтрализовать его и прийти к консонансу [Фестингер 1999, с. 18]. В дальнейшем данное понятие получило широкое распространение в лингвистике. При этом исследователи фокусируются на особенностях порождения и преодоления когнитивного диссонанса в разных типах дискурса. Так, В. З. Демьянков, рассматривая тексты с двойной адресацией, приходит к выводу, что читатель склонен выдвигать и подтверждать или опровергать свои гипотезы касательно всего текста по мере его освоения, основываясь на своем собственном восприятии мира, и в конечном счете ему

приходится реконструировать намерения автора и устранять несоответствия со своими личными гипотезами [Демьянков 2011].

Опираясь на исследования в области когнитивной лингвистики, а также теории порождения и преодоления когнитивного диссонанса, мы позволили себе предположить, что столкновение контекстов и, как следствие, порождение комического эффекта происходит не только на лексическом уровне. Д. С. Солобуто в изучении англоязычной художественной прозы приходит к выводу, что когнитивный диссонанс может рассматриваться на разных языковых уровнях (грамматическом, лексическом, синтаксическом) и «выходить за рамки текста, не будучи связан со значениями отдельных слов или языковой игрой, касаться фоновых знаний читателя» [Солобуто 2015, с. 286].

Можно предположить, что данная гипотеза также применима к юмористическому дискурсу. Под анекдотом мы понимаем злободневный комический рассказ-миниатюру с неожиданной концовкой. Данный жанр подразумевает, что реципиент сталкивается с текстом малого формата и отчасти готов испытать когнитивный диссонанс, поскольку предвкушает юмористический конец истории. Однако от способа порождения и преодоления когнитивного диссонанса зависит понимание или непонимание анекдота в целом. Проанализировав 600 анекдотов популярных ресурсов Интернета, мы пришли к выводу, что подобные тексты могут быть объединены в разные категории не только по их тематике, но и по схожести языковой формы, а именно по способу формирования и преодоления когнитивного диссонанса, отчего будет зависеть восприятие комического эффекта.

У нас появились основания предположить, что в текстах малого формата (анекдотах) можно говорить о порождении когнитивного диссонанса на одном из следующих уровней:

- 1) лексическо-синтаксическом;
- 2) фонетическом;
- 3) нелингвистическом, надтекстовом уровне.

Теоретическая база исследования и этапы анализа

В качестве инструмента анализа была использована теория грамматики конструкций Ч. Филлмора и А. Голдберг [Fillmore 1988; Goldberg 2003], а в методологии исследования определены следующие этапы:

- 1) вычленение лексико-грамматических конструкций в тексте шутки;
- 2) определение количества конструкций и фреймов;
- 3) выделение ключевых слов, способствующих активизации фреймов;
- 4) анализ механизмов, задействованных в процессе формирования юмористического эффекта (метонимия, коэртиция, омонимия и др).

Формирование когнитивного диссонанса на лексическо-синтаксическом уровне

Согласно теории грамматики конструкций, многие словосочетания и модели, оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя как единые блоки. При этом элементы и значения каждого из языковых уровней (синтаксический и семантический) находятся в тесной взаимосвязи друг с другом [Fillmore 1988; Goldberg 2003]. На данную теорию опирается Е. В. Рахилина при изучении каламбуров в русском языке. По ее мнению, каламбурный эффект создается при наложении конструкций, однако полного совмещения достичь почти невозможно: «обычно с языковой точки зрения безупречной является только одна конструкция, а другая должна так или иначе “подстроиться” под нее – при этом, как правило, нарушаются условия ее построения» [Рахилина 2010, с. 144].

Анализ шуток с позиции грамматики конструкций позволяет поновому оценить языковое наполнение комического текста, предположить, что юмористический эффект достигается не только благодаря многозначности, как было принято считать ранее, а за счет создания когнитивного диссонанса одновременно на уровне синтаксиса и на лексическом уровне. Рассмотрим анекдот:

I was picking up my girlfriend, her dad looked at me very sternly and said,
'I want her home by midnight, young man!'

I said, 'What do you mean? You already own her home!'

В данном анекдоте происходит наложение двух лексико-грамматических конструкций: *to want sth* и *to want sb to do sth*, за которыми стоят три фрейма: *to have a desire to possess something*, *to feel that you would like someone to do something* и *to possess something*.

Как мы видим, количество фреймов превышает количество конструкций. Ключевые слова *looked sternly, by midnight* и совпадение формы личного и притяжательного местоимений *her* актуализируют в нашем восприятии одновременно несколько фреймов, за счет чего создается комический эффект. А интеракция конструкций, формирующих значение ключевой единицы в тексте шутки, инициирует механизм конструирования значения через полисемию.

Приведем еще один пример:

Dentist: This will hurt a little.

Patient: ОК.

Dentist: I've been having an affair with your wife for a while now.

С точки зрения синтаксиса присутствует одна конструкция *to hurt sb.* Однако в нашем восприятии происходит ситуативное наложение двух фреймов *to cause physical injury* и *to cause emotional pain*. Фрейм *to cause physical injury* запускается ключевым словом *dentist*, мы понимаем, что все люди боятся стоматологов, *to cause emotional pain* – фразой *affair with your wife*. Таким образом, происходит создание отдельного ментального пространства – *to suffer both physically and emotionally*. Именно так себя будет чувствовать наш пациент после злополучного похода к этому врачу.

Формирование когнитивного диссонанса на фонетическом уровне

Часто комический эффект в анекдотах создается за счет игры слов, где элементы не связаны или слабо связаны семантически. Иными словами, за счет омонимов, паронимов и омографов. Таким образом, мы выделяем отдельную категорию анекдотов, в которых когнитивный диссонанс реализуется на фонетическом уровне. Например:

Q: How does a snowman get to work?

A: By icicle.

Комический эффект создается за счет изменения конструкции *to get by sth (as a means of transport)*, и она же накладывается на конструкцию *to get to work*. Таким образом, мы достраиваем правильную конструкцию *to get to work by something*, при этом происходит диссонанс между услышанным *by icicle* и ожидаемым *by bicycle*.

Q: Why is it so wet in England?

A: Because many kings and queens have reigned (rained) there.

В данной шутке мы выделяем конструкции *to be so wet* и *kings and queens*. Ключевое слово *wet* актуализирует фрейм *rainy weather*; *a kings and queens* актуализирует фрейм *to rule*, при этом в нашем восприятии происходит смешение этих фреймов, поскольку традиционно Англия ассоциируется у нас с монархией и дождливым климатом, что и порождает комический эффект.

Формирование когнитивного диссонанса на нелингвистическом, «надтекстовом» уровне

К третьему типу диссонанса можно отнести анекдоты, в которых он создается на нелингвистическом уровне, т. е. невозможно проследить наложение конструкций ни на лексико-синтаксическом, ни на фонетическом уровне. Например:

My email password has been hacked. That's the third time I've had to rename the cat.

Невозможно выстроить семантическую связь между кошкой и паролем, но в восприятии человека активизируется соответствующее экстралингвистическое знание о том, что типичным паролем к почте является кличка питомца. При этом, можно предположить, что данный анекдот с большей вероятностью окажется несмешным для реципиента, поскольку не у всех людей рождаются ассоциации между паролем от почтового ящика и кличкой домашнего любимца.

Отсутствие наложения ключевых конструкций шутки *to hack the password* и *to rename the cat* заставляет реципиента прикладывать больше усилий для преодоления когнитивного диссонанса и, соответственно, понимания шутки. При этом, именно в данной категории анекдотов преодоление когнитивного диссонанса особенно важно, так как в противном случае не будет разрешено когнитивное напряжение, нам будет не смешно, и мы будем продолжать испытывать дискомфорт. Рассматривая эту категорию анекдотов, необходимо принимать во внимание не только лингвистические факторы, но и фоновые знания, жизненный опыт слушающего. Данный пример наглядно иллюстрирует это предположение:

- Q: Daddy, why are all those cars beeping their horns?
 A: Because there's a wedding going to happen.
 Q: Don't we beep the horn as a warning signal, Daddy?
 A: Exactly, son.

На первый взгляд, юмористический эффект в данном анекдоте достигается благодаря полисемии слова *signal*: 1) a sound that gives information и 2) warning. Однако употребление конструкции *something is going to happen* также может служить предвестником чего-то неприятного, так как в нашем восприятии есть устойчивая модель *something bad is going to happen* (примеры употребления из Британского национального корпуса: *somebody kicked you in the guts. You always think it's not going to happen to me; It was interesting, particularly because of the present uncertainty about what's going to happen about students' grants; The public knows something nasty is going to happen to their health service, and here it is* [British National Corpus]). Соответственно, употребление данной конструкции в сочетании со словом *wedding* будет также способствовать порождению когнитивного диссонанса. Исходя из этого, мы можем предположить, что наложение целых конструкций *there is a wedding going to happen* и *beep the horn as a warning signal* будет являться источником когнитивного диссонанса, поскольку в нашем восприятии происходит смешение фреймов *warning* и *wedding*. Таким образом, юмористический эффект достигается и на основе механизма конструирования значения, и на уровне синтаксиса. Однако важно отметить, что в данном примере когнитивный диссонанс не обязательно будет сопряжен с комическим эффектом. Легко предположить, что в силу жизненного опыта подобные ассоциации со свадьбой будут не у всех реципиентов, более того, для кого-то они могут оказаться не просто непонятными, но и оскорбительными.

О создании когнитивного диссонанса на «надтекстовом» уровне можно также говорить в анекдотах с привлечением реалий, культурологических феноменов, подобные тексты в целом непонятны без дополнительной информации:

- Q: What is the state flower of West Virginia?
 A: A satellite dish.

В данном анекдоте иронически высмеивается любовь жителей Западной Вирджинии к спутниковому телевидению. Ввиду

определенного рельефа штата проведение кабельного телевидения в отдаленные пункты было дорогостоящим, поэтому на каждом доме «выросли цветы» из спутниковых тарелок. Без этой страноведческой информации понимание анекдота не представляется возможным.

Выводы

Таким образом, восприятие анекдота напрямую зависит от способа порождения и преодоления когнитивного диссонанса. Поскольку анекдот выполняет определенные социальные функции, от «дешифровки» анекдота зависит успешность коммуникативного акта. Так, при чтении художественной прозы, по мнению Д. С. Солобуто, читатель воспринимает когнитивный диссонанс на лексическом, грамматическом и фонетическом уровне как средство выразительности, особенность стиля автора, и не стремится разрешить его, в то время как преодоление когнитивного диссонанса на «надтекстовом» уровне часто требует от читателя дополнительных усилий (например, поиск дополнительного контекста) или знаний [Солобуто 2015]. Что касается юмористического дискурса и анекдотов, в частности, мы приходим к следующим выводам: пытаясь «декодировать» шутку реципиент стремится снять когнитивное напряжение на всех языковых уровнях одновременно. Именно поэтому в понимании анекдотов особую роль играет уровень владения языком и наличие лингвострановедческих познаний («Модуль 1. Знание языка» по Демьянкову [Демьянков 2011]). Наибольшую сложность для понимания будут представлять анекдоты, в которых когнитивный диссонанс испытывается на «надтекстовом» уровне. В данном случае помимо разного рода фоновых знаний будет иметь значение житейский опыт говорящих, их социальные роли и статус.

Особый интерес для дальнейшего изучения представляют анекдоты, в которых происходит наложение конструкций и фреймов в различном соотношении, поскольку в данном случае когнитивный диссонанс реализуется одновременно и на семантическом, и на синтаксическом уровне. Первоначальные результаты позволяют предположить, что отчасти юмористический эффект достигается благодаря неравному количеству фреймов и конструкций (на фоне одной конструкции может актуализироваться более, чем один фрейм). Однако данная гипотеза требует детального изучения.

Сложность, а вместе с тем и перспектива дальнейшего исследования данной проблемы, заключается в необходимости точного и однозначного вычленения конструкций в тексте шутки. Поскольку в современной когнитивной лингвистике понятие конструкции интерпретируется достаточно широко [Рахилина 2010], мы можем предположить, что и текст малого формата может являться определенного рода конструкцией. Дальнейшие исследования помогут подтвердить или опровергнуть данные гипотезы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянков В. З.* Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур : сб. научных трудов. М. : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. Вып. 9. С. 33–40.
- Рахилина Е. В.* Грамматика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
- Солобута Д. С.* Когнитивный диссонанс в лингвостилистической перспективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. С. 130–138.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб. : Ювента, 1999. С. 1–25.
- Шмелёва Е. С.* Каламбур: когнитивный диссонанс или бисоциация? // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 762–764.
- British National Corpus (BNC). URL : www.english-corpora.org/bnc/.
- Fillmore et al.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The Case of Let Alone // *Language*. 1988. Vol. 64, No. 3. P. 501–538.
- Goldberg A.* Constructions: a new theoretical approach to language // *Trends in Cognitive Science*. 2003. Vol. 7, No. 5. P. 219–224.
- Hilpert M.* Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. P. 17–23.
- Koestler A.* The Act of Creation. London : Hutchinson, 1964. P. 25–49.
- Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, Boston ; Lancaster : D. Reidel Publishing Company, 1985. P. 270–286.
- Reader's Digest Jokes : [интернет-ресурс анекдотов на английском языке]. URL : www.rd.com/jokes/

REFERENCES

- Dem'jankov V. Z.* Kognitivnyj dissonans: kognicija jazykovaja i vneязыkovaja // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых

- struktur : sb. nauchnyh trudov. M. : Institut jazykoznanija RAN ; Tambov : Tambovskij gos. un-t im. G. R. Derzhavina, 2011. Vyp. 9. S. 33–40.
- Rahilina E. V.* Grammatika konstrukcij / otv. red. E. V. Rahilina. M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2010. 584 s.
- Solobuto D. S.* Kognitivnyj dissonans v lingvostilisticheskoj perspektive // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. S. 130–138.
- Festinger L.* Teorija kognitivnogo dissonansa / per. A. Anistratenko, I. Znaesheva. SPb. : Juventa, 1999. S. 1–25.
- Shmeljova E. S.* Kalambur: kognitivnyj dissonans ili bisociacija? // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2017. № 29. S. 762–764.
- British National Corpus (BNC). URL : www.english-corpora.org/bnc/
- Fillmore et al.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The Case of Let Alone // Language. 1988. Vol. 64, No. 3. P. 501–538.
- Goldberg A.* Constructions: a new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Science. 2003. Vol. 7, No. 5. P. 219–224.
- Hilpert M.* Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. P. 17–23.
- Koestler A.* The Act of Creation. London : Hutchinson, 1964. P. 25–49.
- Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, Boston ; Lancaster : D. Reidel Publishing Company, 1985. P. 270–286.
- Reader's Digest Jokes : [интернет-ресурс анекдотов на английском языке]. URL : www.rd.com/jokes/

УДК 81'373

О. А. Гусева, Е. О. Шевелева

Гусева О. А., кандидат филологических наук; доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: gouseva_olga80@mail.ru

Шевелева Е. О., кандидат филологических наук; доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: shevelev28@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СМЕХ (опыт фреймового анализа)

В статье представлен опыт фреймового анализа языковой реализации эмоционального концепта «смех» в современном английском языке. Цель исследования – выявить семантическую и концептуальную организацию данного концепта. В фокусе внимания находятся концептуальные основания семантического поля «смех», представленного английскими глаголами, объективирующими данный концепт. Проведенное исследование может способствовать дальнейшему изучению концепта «смех», поскольку сравнение фреймов, их наложение друг на друга может наглядно продемонстрировать точки их пересечения и области расхождения. Это может способствовать решению ряда лексикографических задач, в частности важнейшую задачу разграничения близких по значению синонимов и поиска более точных единиц-эквивалентов в разных языках.

Ключевые слова: смех; концептуальные основания; семантическое поле; фреймовый анализ.

O. A. Guseva, E. O. Sheveleva

Guseva O. A., PhD, Associate Professor of the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: gouseva_olga80@mail.ru

Sheveleva E. O., PhD, Associate Professor of the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: shevelev28@mail.ru

CONCEPTUAL GROUNDING OF SEMANTICS OF ENGLISH VERBS DENOTING 'LAUGHTER' (attempt at frame analysis)

The article describes an attempt to carry out the frame analysis of the language units representing the emotional concept "laughter" in contemporary English. The aim of the article is to reveal the semantic and conceptual organization of the concept. The authors concentrate on the conceptual grounding of the corresponding semantic

field 'laughter' represented by English verbs which objectify the concept. The research may contribute to the analysis of the given concept further on, as the comparison of the frames may reveal the areas where they overlap or differ. It may also help solve some lexicographic issues, such as the task of differentiation between close synonyms or finding more suitable equivalents in different languages.

Key words: laughter; conceptual grounding; semantic field; frame analysis.

Введение

Когнитивную лингвистику последних лет отличает введение в сферу научного анализа разнообразных приемов и методов описания языковых образований различной степени сложности. Исследователи стремятся найти оптимальные способы изучения лингвистических явлений для объяснения механизма бытия этих явлений в сознании человека и в пространстве языка.

Одним из таких методов, зарекомендовавших себя, с одной стороны, как четкий, эффективный способ схематизации представлений о любом по сложности лингвистическом объекте в сознании X-язычного социума, с другой – как концептуальный фильтр, определяющий специфику языковой репрезентации ментальных образований, служит фреймовый метод. Многочисленные исследования свидетельствуют о методологическом «взрослении» фрейма, который из формализованной модели представления знаний приобрел статус инструмента анализа разноструктурных единиц языка, повышающего степень экспланаторности проводимого исследования.

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных изучению языковой реализации одного из фундаментальных категорий человеческого бытия – эмоционального концепта «смех». В предыдущих исследованиях были рассмотрены ассоциативные связи в устойчивых словосочетаниях с ключевым элементом «laugh» [Гусева 2016], проведено сопоставление семантики глаголов, обозначающих смех и улыбку в современном английском и русском языках [Гусева 2018а], изучены особенности формирования концепта «смех» в его взаимосвязи с концептом «улыбка» [Гусева 2018б]. В данной работе авторы ставят перед собой новые задачи в изучении важного антропоцентрического концепта «смех».

Предметом настоящего исследования являются механизмы концептуализации такого фрагмента картины мира англоязычного

социума, как «смех», а именно те концептуальные основания, на которых базируется семантическое поле «смех».

Объектом изучения выступают особенности семантики группы английских глаголов, объективирующих эмоциональный концепт «смех».

Цель статьи – выявить семантическую и концептуальную организацию смысловой сферы «смех» в современном английском языке.

Поставленная цель определяет **шаги** проводимого исследования, которые, по сути, представляют собой алгоритм установления семантических особенностей заданной языковой группировки и выявления ее концептуального базиса – фрейма.

Шаг 1. Отбор материала исследования из лексикографических источников.

Шаг 2. Предварительная классификация отобранных единиц.

Шаг 3. Лексикографическое описание имени концепта – лекси-мы *to laugh*.

Шаг 4. Построение исходного фрейма изучаемой смысловой сферы.

Шаг 5. Лексикографическое описание глагольных лексем, репрезентирующих концепт «смех» в современном английском языке.

Шаг 6. Уточнение структуры исходного фрейма. Построение детализированного фрейма изучаемой смысловой сферы.

Прежде чем перейти к реализации поставленных задач, необходимо пояснить некоторые термины, которыми мы пользуемся в нашем исследовании.

Терминологический аппарат проводимого исследования

Во избежание терминологической путаницы остановимся кратко на ключевых терминах.

Под термином «концепт» мы понимаем некую смысловую сферу, фрагмент концептуальной картины мира, имеющий определенное языковое воплощение в виде лексических единиц различной частеречной принадлежности.

Под «эмоциональным концептом» мы имеем в виду ту сферу человеческого мировосприятия, которая напрямую связана с его антропоцентрической природой – способностью выражать эмоции. Одним из способов выражения эмоций безусловно является смех. Соответственно,

под «антропоцентрическим концептом» мы понимаем определенный фрагмент действительности, представляющий собой свойство, присущее человеку как *homo sapiens* и отраженное в его опыте и сознании.

Лексическая единица, обозначающая смех в той или иной его разновидности, будет именоваться в дальнейшем «единицей-репрезентантом» изучаемого концепта.

«Фрейм» рассматривается нами с двух основных позиций: во-первых, с классической позиции, как «структура сознания, отражающая языковое знание говорящего» [Уланова 2000, с. 133], как концептуальный базис, организующий понимание и категоризирующий опыт; во-вторых, как своего рода концептуальный фильтр, сквозь который пропускаются значения языковых единиц и который определяет взаимоположение этих единиц в языковом пространстве.

«Семантическое поле» трактуется нами как «инвентарь лексических средств, вербализующих ту или иную ментальную сущность (в нашем случае концепт), объединенных общностью содержания и связанных системными отношениями» [Шевелева 2015, с. 7].

Установление ключевых единиц-репрезентантов концепта «смех»

В нашем понимании ключевые единицы-репрезентанты изучаемого концепта – это те лексические единицы (лексемы), предметно-логическое ядро значения которых в словарной дефиниции выражено непосредственно при помощи компонента *laugh*. Указанный компонент выступает главным дескриптором, дающим основания считать ту или иную лексему ключевой единицей-репрезентантом.

Материалом настоящего исследования послужили наиболее употребительные стилистически нейтральные глагольные лексемы, в ядре значения которых присутствует выделенный дескриптор. Здесь важно подчеркнуть, что в английском языке имя избранного концепта «laughter» является, с морфологической точки зрения, семантически мотивированной, одноморфемной деривационно-производной единицей, образованной по конверсии от глагола *to laugh*. Следовательно, в семантическом плане ключевую роль в определении семантических особенностей поля «смех» играют именно глаголы – та часть речи, которая определяет категориальное значение смысловой сферы «смех» как процессуальное.

Соответственно, номенклатуру ключевых английских глаголов, обозначающих «laughter», составляют такие лексические единицы (ЛЕ), как *to laugh, to giggle, to cackle, to chuckle, to snigger, to titter*. Из анализа исключены единицы *to chortle, to snicker, to roar, to guffaw* и *to cachinnate* ввиду того, что они имеют яркую стилистическую окраску; некоторые из них (в частности глагол *to cachinnate*) обладают крайне низкой частотностью и в большинстве случаев не включены в современные лексикографические источники, а употребление глагола *to snicker* ограничено только американским вариантом английского языка.

Компонентный состав отобранных для анализа ЛЕ словарных дефиниций позволяет провести предварительную классификацию этих единиц. Первым из наиболее очевидных критериев классификации является такой градуальный признак, как «интенсивность» в своей разновидности «громкость»¹. Немаркированной (нейтральной) интенсивностью характеризуются глаголы *to laugh* и *to giggle*. К «громким» глаголам мы относим глагол *to cackle* (компонент *loud*), к «тихим» – *to chuckle, to snigger, to titter* (компоненты *quiet, quietly*).

Второе классификационное основание – тип выражаемой эмоции. Смеющийся человек, который нервничает или смущен будет обозначаться при помощи глаголов *to giggle* или *to titter*. Если смеющийся человек не хочет выставлять свои эмоции напоказ – *they chuckle*.

Еще один важный параметр – отношение окружающих к факту смеха. В семантике глаголов *to cackle* и *to snigger* присутствует компонент *in an unpleasant way*, который объективирует вышеуказанный параметр.

Построение фрейма концепта «смех»

На начальном этапе методика построения фрейма предполагает изучение семантики имени концепта². В связи с этим рассмотрим лексикографические трактовки единицы *to laugh* по нескольким авторитетным источникам.

To laugh v – to make the sounds and movements of your face that show you are happy or think something is funny [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 2005]

To laugh – v1 to make the noise with your voice that shows something is funny;

¹ О «громкости» как одной из разновидностей «интенсивности» см. [Шейгал 1981].

² Подробнее см. диссертационную работу Е. О. Шевелевой (2015).

To laugh – v2 to show that you think that something or somebody is stupid and deserves no respect [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2002];

To laugh v – to smile while making sounds with your voice that show you think something is funny or you are happy [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2008].

Анализ компонентного состава приведенных дефиниций позволяет выделить следующие семантические признаки:

- 1) одушевленный субъект – человек;
- 2) звук;
- 3) мимика;
- 4) эмоции;
- 5) оценка;
- 6) источник.

Как следует из трактовок ключевой лексики, эмоции являются своего рода катализатором смеха, и оценка характеризует эмоции субъекта в момент совершения действия. Кроме того, элементом, отграничивающим смех от иных близких по характеристикам способов выражения эмоций, таких, к примеру, как крик или ор, служит особая мимика – улыбка:

to laugh v – **to smile** while making sounds with your voice that show you think something is funny or you are happy [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2008].

Таким образом, семантика единицы *to laugh* в одной из трактовок указывает на прямую связь смеха с улыбкой¹.

Логическое объединение вышеуказанных признаков позволяет построить схему, отражающую представления о том, что такое «смех» в самом общем виде.

Рис. 1. Исходный фрейм концепта «смех»

¹ О синкретичности концептов «смех» и «улыбка» подробнее см. [Гусева 2018].

Очевидно, что выявленный фрейм служит лишь абстрактной схемой, позволяющей в общем виде категоризировать действия смеющегося человека. Поэтому необходимо уточнить исходный фрейм, детализировав его дополнительными концептуальными элементами.

Процедура детализации фрейма может идти в двух направлениях: посредством анализа семантики единиц-репрезентантов концепта в лексикографических источниках и путем рассмотрения функционирования данных единиц в дискурсе. Поскольку мы ограничены рамками статьи, рассмотрим сематические признаки отобранных «смеховых» глаголов в их словарной реализации. Важно отследить дополнительные концептуальные признаки, которые присутствуют в совокупной семантике поля «смех» и, соответственно, входят во фрейм, но находятся в латентном состоянии до включения единиц в контекст.

Глагол *to giggle* определяется в OALD как «to laugh in a silly way because you are amused, embarrassed or nervous». Глагол *to cackle* имеет следующее толкование: «to laugh in a loud, unpleasant way». Глагол *to chuckle* толкуется как «to laugh quietly and inwardly». Глагол *to snigger* определяется как «to laugh in a quiet unpleasant way, especially at something rude or at somebody's problems or mistakes». Словарь ABYLLingvo дополняет семантику глагола *to snigger*: «...in a half-suppressed, typically scornful way». Глагол *to titter* дефинируется в OALD так: «to laugh quietly, especially in a nervous or embarrassed way».

Как следует из приведенных дефиниций, субъект может быть только одушевленным, а именно человеком. При этом примеры контекстов употребления лексических единиц показывают, что некоторые глаголы (например, *to giggle*, *to cackle*) чаще используются для номинации женского или детского смеха или смеха высоким по тону голосом. Семантика глагола *to snigger* позволяет выявить дополнительные признаки «сила» через компонент «suppressed» – «ended by **force**» и «фаза» (в своей разновидности «завершенность») – через компонент «ended». Данные компоненты детализируют фрейм в части «звук» и определяют тип глагола *to snigger* – это так называемый «тихий» глагол. Кроме того, рассмотрение совокупной семантики единиц-репрезентантов концепта «смех» позволяют установить разнообразие источников эмоции, вызывающей смех. Ими, к примеру, могут быть грубые слова или поступки, а также неприятности, возникшие у третьего лица.

Выделенные признаки позволяют детализировать исходный фрейм, представив его в более развернутом виде¹:

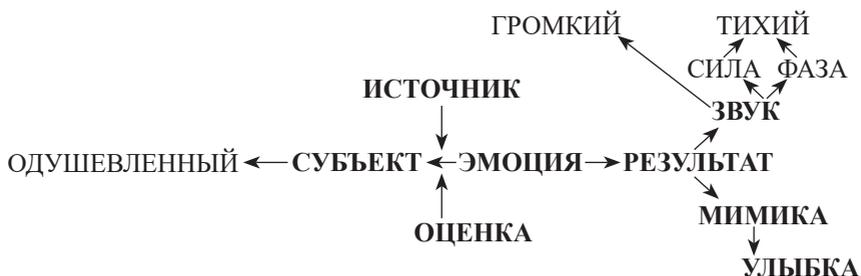

Рис. 2. Детализированный фрейм «смех»

Элементы выявленного фрейма отражают важнейшие, онтологически сущностные характеристики понятия «смех». Семантическое поле «смех» во всей совокупности своих репрезентантов опирается на построенный фрейм, который в семантике каждого из единиц-репрезентантов концепта предстает различными гранями. Такое свойство фрейма – фокусировка – позволяет ему высвечивать семантически релевантные признаки в смысловом содержании одной единицы и затемнять их в другой.

Заключение

Установление концептуальных оснований разнообъемных массивов лексических единиц, служащих репрезентантами соответствующих концептов на языковом уровне, является на сегодняшний день интересным и перспективным направлением научного поиска. Проведенное исследование позволило нам сделать ряд выводов:

1) ключевую роль в совокупной семантике поля «смех», а также в отражении категориального значения смеха играют глаголы; само имя концепта – отглагольный дериват, что свидетельствует о процессуальности смеха, о его динамическом характере;

2) семантика имени концепта базируется на шести концептуальных признаках: субъект, источник, эмоция, оценка, звук, мимика. Данное обстоятельство подчеркивает неразрывную связь смеха с важнейшими элементами невербальной коммуникации;

¹ На рисунке 2 ключевые элементы фрейма выделены жирным шрифтом.

3) в совокупной семантике единиц-репрезентантов концепта «смех» проявляются дополнительные концептуальные признаки: «одушевленный субъект», «интенсивность» (громкость), «фаза» (остановка звучания) посредством «силы» – которые позволяют увидеть более разветвленную структуру концепта.

Проведенное исследование может способствовать дальнейшему изучению концепта «смех». Необходимо более детально проследить функционирование единиц-репрезентантов избранного концепта в дискурсе. Представленная методика может быть применена к изучению похожего концепта в русском языке. Сравнение выстроенных фреймов, их наложение друг на друга может наглядно продемонстрировать точки их пересечения и области расхождения. Это, в свою очередь, может способствовать решению ряда лексикографических задач, в частности важнейшую задачу разграничения близких по значению синонимов и поиска более точных единиц-эквивалентов в разных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г.* Семантика слова : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1987. 128 с.
- Гусева О. А.* Лексические средства представления смеха в английском и русском языках // I Международная научно-практическая конференция «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (14–16 февраля 2018 г., г. Москва) : сборник материалов / отв. ред.: Н. Г. Брагина, А. Г. Жукова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 78–80. URL : www.pushkin.institute/science/konferencii/peresekaya_granicy/Peresekaya_granicy_2018_sbornik.pdf.
- Гусева О. А.* Лингвистические концепты «смех» и «улыбка» в английском и русском языках // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV: Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка : материалы Круглого стола. 2 ноября 2018 г. / Московский государственный лингвистический университет ; гл. ред. О. К. Ирисханова. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2018. С. 378–385.
- Гусева О. А.* Механизмы языкового представления основных характеристик смеха как вербальной реакции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 13 (752). С. 136–142. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/13_752.pdf.
- Уланова С. Б.* Фрейм как структура репрезентации знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. Рязань, 2000. С. 133–141.

- Шевелева Е. О.* Семантические доминанты смыслового пространства «Power» («Сила») в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 230 с.
- Шейгал Е. И.* Интенсивность как компонент семантики слова : дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 196 с.
- ABBYY LinguoX6. Kenna Bourke 2006. Oxford University Press.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Third edition. Cambridge University Press, 2008. 1699 p.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. Oxford University Press, 2005. 2100 p.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary
MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners
OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby

REFERENCES

- Beljaevskaja E. G.* Semantika slova : uchebnoe posobie dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov. M. : Vysshaja shkola, 1987. 128 s.
- Guseva O. A.* Leksicheskie sredstva predstavlenija smeha v anglijskom i ruskom jazykah // I Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Peresekaja granicy: mezhkul'turnaja komunikacija v global'nom kontekste» (14–16 fevralja 2018 g., g. Moskva) : sbornik materialov / otv. red.: N. G. Bragina, A. G. Zhukova. M. : Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2018. S. 78–80. URL : www.pushkin.institute/science/konferencii/peresekaya_granicy/Peresekaya_granicy_2018_sbornik.pdf.
- Guseva O. A.* Lingvisticheskie koncepty «smeh» i «ulybka» v anglijskom i ruskom jazykah // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXXV: Vzgljad v budushhee: novye perspektivy kognitivnyh issledovanij jazyka : materialy Kruglogo stola. 2 nojabrja 2018 g. / Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet ; gl. red. O. K. Irishanova. Tambov : Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2018. C. 378–385.
- Guseva O. A.* Mehanizmy jazykovogo predstavlenija osnovnyh charakteristik smeha kak verbal'noj reakcii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 13 (752). S. 136–142. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/13_752.pdf.
- Ulanova S. B.* Frejm kak struktura reprezentacii znanij // Kognitivnye aspekty jazykovoj kategorizacii : sb. nauch. tr. / pod red. L. A. Manerko. Rjazan', 2000. S. 133–141.

- Sheveleva E. O.* Semanticheskie dominanty smyslovogo prostranstva «Power» («Sila») v sovremennom anglijskom jazyke : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 230 s.
- Shejgal E. I.* Intensivnost' kak komponent semantiki slova : dis. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 196 s.
- ABBYY Linguox6. Kenna Bourke 2006. Oxford University Press.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Third edition. Cambridge University Press, 2008. 1699 p.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. Oxford University Press, 2005. 2100 p.

SPISOK USLOVNYH SOKRASHCHENIJ

- CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary
MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners
OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby

УДК 81'373

Е. Б. Кивилева

кандидат филологических наук; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kivilevakate@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ АНИМАЛИЗАЦИИ
В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ
(на примере именовании кораблей
американского и британского флотов)**

В статье рассматриваются особенности метафорической номинации военно-морских артефактов с точки зрения использования конкретных когнитивных механизмов в номинативном творческом процессе. В частности, анализируется действие когнитивного механизма анимализации во вторичной номинации объектов. Автор предлагает обратиться к лексическим концептам как к блокам обобщенных знаний о животном мире и воспользоваться такой формой репрезентации концепта как фрейм. Особое внимание в статье уделяется взаимодействию когнитивных механизмов метафоризации, анимализации и стереотипизации, задействованных в актах вторичной номинации по трансформации имен-анимализов в имена военных кораблей.

Ключевые слова: концептуальная метафора; анимализация; лексический концепт; фрейм; когнитивные механизмы вторичной номинации; стереотипизация.

E. B. Kivileva

PhD, Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in Political Science, the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: kivilevakate@mail.ru

**THE COGNITIVE MECHANISM OF ANIMALIZATION
IN METAPHORICAL NOMINATION ILLUSTRATED
BY BRITISH AND AMERICAN NAVAL NAMES**

The paper looks at the specific features of metaphorical nomination of naval artefacts in terms of cognitive mechanisms involved in the creative nomination process. The article considers animalization as a cognitive mechanism involved in the process of secondary nomination. The premium is placed on lexical concepts as parts of generalized knowledge about the animal world domain while resorting to the frame as a form of concept representation. The author particularly stresses the interrelationship existing between metaphorization, stereotyping, and animalization

as cognitive mechanisms underlying nomination patterns that transform common nouns belonging to the domain of wildlife into warships' proper names.

Key words: conceptual metaphor; animalization; lexical concept; frame; cognitive mechanisms of metaphorical nomination; stereotyping.

Введение

Языковая деятельность человека в первую очередь созидательна, а не разрушительна, что делает ее особенно ценной в условиях современного турбулентного мира. Созидательный характер номинативной деятельности обнаруживается и в искусстве присваивать имена окружающим объектам, что в некотором смысле объединяет номинативную деятельность человека и Творца. Называя, мы ставим объект в ряд «ранее активированных объектов» обозначенного отрезка мира, а называя объект метафорически, мы его «ре-активируем», как будто создавая его заново в рамках новой перспективы видения.

Так, к вторичному номинативному творчеству можно было бы подходить как к личному, авторскому взгляду на вещи, формируемому не без участия социального, культурного и бытового опыта индивидуума, реализуемому согласно конвенциональным правилам языка (или вопреки им) и транслируемому обществу посредством новой лексической оболочки.

Военный дискурс и вторичная номинация военных кораблей становятся одной из сфер приложения этого универсального метафорического принципа, который опирается не только на объективные и общепризнанные факты, но и на обыденное мышление, субъективные впечатления и представления о предметах и явлениях. Один из наиболее древних и значимых факторов влияния на процесс метафоризации также связан с созиданием – это стремление субъекта номинации «анимализировать», т. е. одушевлять объекты вокруг себя.

Репрезентация знаний о мире живой природы

Человечество взаимодействует с миром живой природы на протяжении многих столетий и поэтому обладает множеством концептуальных знаний, позволяющих категоризовать и идентифицировать элементы окружающего пространства. Из телесного или «воплощенного» (embodied) опыта [Johnson 1987; Lakoff 1993; Evans 2010;

Мерло-Понти 1999] такого общения мы получаем первичные «образ-схемы» (базовые выводы о некоторых признаках, отличающих один предмет от другого). Из них вырастают более сложные зооморфные лексические концепты о животном как о представителе целого класса себе подобных, которые позднее «обрастают» ассоциациями и символами.

В терминах фреймовой семантики Ч. Филлмора [Филлмор 1988] знания о животном можно представить как фрейм со слотами. Например, родовому лексическому концепту «animal» соответствуют такие характеристики, как инстинкты, осознанные действия, чувственное восприятие и когнитивные процессы:

Таблица 1

Лексический концепт ANIMAL

ANIMAL			
sense organs	response to stimuli	conscious thought	voluntary movement

Указанные характеристики живых существ конкретизируются и могут быть репрезентированы в отдельных признаках – слотах фрейма «animal»:

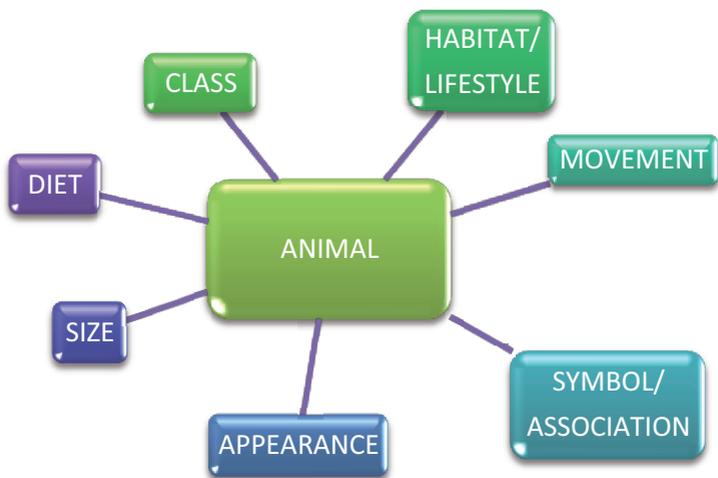

Рис. 1. Фреймовая репрезентация концепта ANIMAL

Представленные признаки могут восприниматься фактически или метафорически (некоторые изначально ассоциативны), более того, через их призму могут «пропускаться» признаки других объектов, т. е. каждый из них способен участвовать в метафорических проекциях между доменами «WARSHIPS» и «ANIMAL WORLD».

В результате базой для формирования концептуальной метафоры *SHIP (ARTEFACT) IS AN ANIMAL*, лежащей в основе анималистических имен кораблей, служат как зоологические характеристики животных (образ жизни, размер, поведение), так и ассоциативные (например, «Owl» как символ мудрости, «Bear» – силы, «Dove» – мира, «Lion» – солнца, «Dolphin» – верности и любви и др.).

Анималистическое название корабля может по традициям именованаречения во флотах разных стран как инициировать отсылку к концептуальной метафоре, так и быть иницируемым ею. Направление данного процесса зависит от экстралингвистических факторов, однако объединение в поле концептуальной метафоры домена цели «MARINE VESSELS» и домена источника «ANIMAL WORLD», которые прежде не рассматривались как сходные, выявило в них сходства и выстроило между ними общее поле [Indurkha 1992]. Например, имена подводных лодок во флотах Великобритании и США варьируются в рамках концептуальной области «ANIMAL WORLD» от опасных и хищных («Scorpion», «Shark», «Buffalo») до относительно безобидных животных, птиц и рыб, которые имеют, на первый взгляд, мало общего с военной техникой («Otter», «Seahorse», «Opossum», «Starfish», «Salmon»).

Когнитивные механизмы вторичной номинации артефактов и анималистическая метафорическая номинация

Процесс вторичной номинации военной техники происходит при участии нескольких взаимосвязанных когнитивных механизмов, в числе которых метафора, анимализация, метонимия, фокусирование, стереотипизация, аналогия и др. [Кивилева 2017]. Концептуальная метафора *WARSHIP IS A LIVING BEING* управляет некоторыми указанными механизмами, другие действуют достаточно самостоятельно. Таким внешним воздействием на процесс вторичной номинации военных кораблей британского и американского флотов может обладать механизм анимализации, поскольку его действие не иницируется метафорой, а предвосхищает ее [Кивилева 2017].

Метафорической номинацией, опираясь на идеи Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1981] и О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014], мы называем вторичную номинацию, когда именуемый стремится видоизменить образ референта, передать некую преобразованную мысль, заимствуя уже имеющуюся форму из другой концептуальной области.

Под когнитивно-номинативным механизмом анимализации мы понимаем процесс присвоения неодушевленным предметам характеристик млекопитающих, птиц, рыб, насекомых через вторичные наименования.

Для примера рассмотрим активизацию концептуальной метафоры *КОРАБЛЬ – ЭТО ЗВЕРЬ* в названии британского военного корабля – в данном случае эсминца «HMS Ferret» («Корабль Ее Величества “Хорек”»).

Следуя ранее обозначенной нами традиции «воплощать», или «пропускать через себя», новое знание, говорящий автоматически приписывает человеческие качества животному. Изучая данные словарей и языковых корпусов по лексеме *ferret*, мы встречаем следующие описания:

- derived from the Latin *furittus*, meaning “*little thief*”, a likely reference to the common ferret penchant for secreting away small items
- a small aggressive animal with a long thin body, kept for chasing rabbits from their holes, killing rats, etc.
- a detective

Ferret sth out – to find out a piece of information or find someone or something, after looking in many places or asking many questions: *I know his name but I haven't managed to ferret out where he lives.*

Ferret about / around – to search for something that is lost or hidden among a lot of things by moving things around with your hands, especially in a closed space: *I was just ferreting around in my drawer for my passport* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2005].

(KBDS conv) Obnoxious little man isn't he? He's like a ferret!

(AMUW fact prose) His eyes were small and wide-set, bright like a ferret's.
A knife scar showed pale on his left cheek.

(EVCW fact prose) Just like a ferret, that man. Never misses anything [British National Corpus].

(2015FICSouthernRev) ...her mother seemed to signal again as her hand clung like a ferret to her daughter's during Dr. Gaynor's last visit

(2014SPOKCNN Live Event) We use to say he was like a ferret. He moves so quickly. He was totally animated...

(2004FICMassachRev) She looks like a ferret, dark eyes ringed hollow with thick eye liner that never smears, no matter... [Corpus of Contemporary American]

Таким образом, на первом этапе анимализации складывается нелестная антропоморфная модель образа животного (см. рис. 2).

Неприятные качества, описывающие животное, вряд ли можно отнести к зоологическим характеристикам. Запасливость и самозащита (образ жизни, инстинкты) с точки зрения поведения человека и его психологической оценки рассматриваются как жадность / vorоватость и озлобленность.

На втором этапе процесса анимализации некоторые метафорически обобщенные характеристики, включая антропоморфные, проецируются на артефакт и укладываются в описательную модель (см. рис. 3).

Соответственно, механизму анимализации, лежащему в основе вторичной номинации военного артефакта, присуща двухступенчатость. В результате метафорической номинации корабль рассматривается в переосмысленном виде с учетом как реальных, так и приписываемых признаков фрейма «ferret»: «вредный» характер хорька наследуется кораблем и изображает последнего злобным существом, способным на маневры исподтишка.

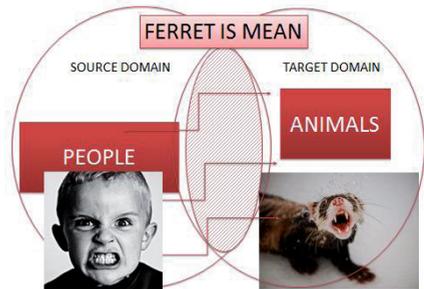

Рис. 2. Персонификация животного

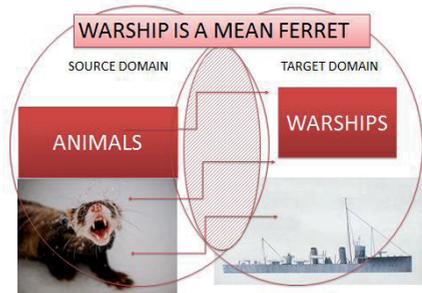

Рис. 3. Персонификация артефакта

Приведем другой пример. Американская плавучая база «USS Beaver» («Корабль Соединенных Штатов “Бобр”») обращает внимание на переносное значение существительного *beaver* – *a person who works very hard* и ссылается на общее восприятие бобра как трудолюбивого существа:

- an animal with a wide flat tail and strong teeth that lives in water and on land and can build dams (= barriers across rivers), made of pieces of wood and mud
- an official symbol of Canada
- the fur of the beaver, used in making hats and clothes

Beaver away (at something) – to work very hard at something

Eager beaver – an enthusiastic person who works very hard [Oxford Advanced Learner’s Dictionary 2005].

(CBCW_newsp_other_social) *evasiveness* and a realistic progression from a young, ambitious *eager beaver* on the music hall circuit

(JXTW_fict_prose) I can’t complain about Silvia. She’s working like a *beaver* and improving in leaps and bounds.

(K2DW_newsp_other_sports) *Thistle*, is one to watch. Apart from the penalty he worked like a *beaver* [British National Corpus].

(1995FICBk:HarmonyFleshBlack) professional paths did not cross. But *Ophelia* was an *eager beaver*, and everything

(1994FICMov:EdWood) He grins at Actor 1, aka Paul Marco, a young *eager beaver* who’s loyal like a dog.

(2006SPOKCNN_LiveSat) *McNair* made an enclosure inside a stack of mail bags sort of like a *beaver dam*, crawled inside it [Corpus of Contemporary American].

Прототипное поведение животного закрепляется как значение концепта (см. рис. 4).

Соответственно, именно такое восприятие впоследствии транслируется и на военный корабль, что завершает образ артефакта как объекта, наделенного прототипными человеческими чертами, например работоспособностью (см. рис. 5).

Отмеченный выбор преимущественно в пользу прототипных признаков фреймов определяет тесную связь анимализации со

стереотипизацией. Так, метафора, лежащая в основе обозначений военных кораблей «Wasp», «Elephant», «Hawk», «Bear», «Scorpion», «Ostrich», «Jackal» создается и интерпретируется не на основании научных данных, а на основании стереотипов (*WASP – STINGING, ELEPHANT – THE BIGGEST OF ALL, HAWK – WAR-LIKE HUNTING, OSTRICH – HIDING FROM DANGER*). Уподобление артефакта живому существу образует видимое сходство [Leezenberg 1995], и метафора трактуется исходя из стереотипного понимания действительности.

Заключение

Таким образом, метафорическая номинация единиц военных флотов имеет стереотипный анималистический характер. Другими словами, во многих случаях не референты и не их качества, а скорее персонификация и культурно сформированные стереотипы определяют метафорическую интерпретацию. Действие когнитивного механизма анимализации, как правило, не инициируется метафорой, напротив, концептуальная метафора попадает под действие анималистического восприятия неодушевленных объектов как исторической и культурной мировой традиции «одушевлять». Он зависит не столько от научного знания, сколько от обыденного мышления и стереотипов, связанных с определенным концептом; опирается на личный и социальный опыт, традиции именования и воображение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с. (Studia philologica).

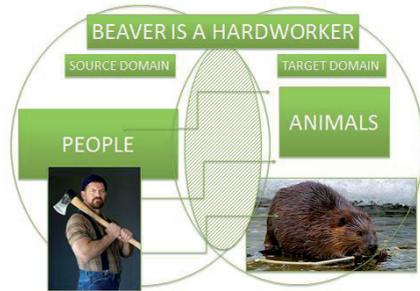

Рис. 4. Персонификация животного

Рис. 5. Персонификация артефакта

- Кивилева Е. Б.* Механизмы номинации единиц военной техники: на материале названий американских и британских кораблей : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 236 с. : ил.
- Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова / АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1981. 200 с.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр., под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М. : Ювента Наука, 1999. 608 с.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 52–91.
- British National Corpus. Mark Davies at Brigham Young University. URL : corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 05.03.2019).
- Corpus of Contemporary American. Mark Davies at Brigham Young University. URL : corpus.byu.edu/coca/ (дата обращения: 05.03.2019).
- Evans V.* From the spatial to the non-spatial: the “state” lexical concepts of in, on and at // Evans V., Chilton P. Language, Cognition and Space: The State of The Art and New Directions. Equinox Publishing, 2010. P. 215–248.
- Indurkha B.* Metaphor and Cognition: an Interactionist Approach. Dordrecht : Kluwer Academic Publ., 1992. 456 p.
- Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago : University of Chicago Press, 1987. 233 p.
- Leezenberg M.* Contexts of Metaphorical, Semantic and Conceptual Aspects of Figurative Language Interpretation. Amsterdam, 1995. 261 p.
- Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Cambridge : Cambridge Press, 1993. P. 202–251.
- Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2005. URL : www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 20.05.2019).

REFERENCES

- Irishanova O. K.* Igry fokusa v jazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s. (Studia philologica).
- Kivileva E. B.* Mehanizmy nominacii edinic voennoj tehniky: na materiale nazvanij amerikanskih i britanskih korablej : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 236 s. : il.
- Kubryakova E. S.* Tipy jazykovyh znachenij: Semantika proizvodnogo slova / AN SSSR, In-t jazykoznanija. M. : Nauka, 1981. 200 s.
- Merlo-Ponti M.* Fenomenologija vosprijatija / per. s fr., pod red. I. S. Vdovinoj, S. L. Fokina. M. : Juventa Nauka, 1999. 608 с.
- Fillmor Ch.* Frejmy i semantika ponimanija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1988. Вып. HHIII. S. 52–91.
- British National Corpus. Mark Davies at Brigham Young University. URL : corpus.byu.edu/bnc/ (дата obrashhenija: 05.03.2019).

- Corpus of Contemporary American. Mark Davies at Brigham Young University.
URL : corpus.byu.edu/coca/ (data obrashhenija: 05.03.2019).
- Evans V.* From the spatial to the non-spatial: the “state” lexical concepts of in, on and at // Evans V., Chilton P. *Language, Cognition and Space: The State of The Art and New Directions*. Equinox Publishing, 2010. P. 215–248.
- Indurkha B.* *Metaphor and Cognition: an Interactionist Approach*. Dordrecht : Kluwer Academic Publ., 1992. 456 p.
- Johnson M.* *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago : University of Chicago Press, 1987. 233 p.
- Leezenberg M.* *Contexts of Metaphorical, Semantic and Conceptual Aspects of Figurative Language Interpretation*. Amsterdam, 1995. 261 p.
- Lakoff G.* *The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought*. Cambridge : Cambridge Press, 1993. P. 202–251.
- Oxford Advanced Learner’s Dictionary*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
URL : www.oxfordlearnersdictionaries.com (data obrashhenija: 20.05.2019).

УДК 81-114.2

М. В. Басинская

преподаватель кафедры лексикологии
английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: basinskaya.m@mail.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СИНОНИМОВ (на материале английских прилагательных)

В статье проводится когнитивно-корпусный анализ синонимичных английских прилагательных *sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green*. С опорой на данные лингвистического корпуса и базовые методы корпусного анализа (анализ коллокаций и конкорданса) устанавливаются общие и дифференцирующие концептуальные характеристики исследуемых прилагательных, определяющие особенности их семантики на языковом уровне. На основе сопоставления коллокативных профилей синонимичных прилагательных, рассматриваемых в статье, выявляется объективируемая ими когнитивная структура. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что исследуемые лексические единицы формируют концептуальную общность, обладая как общими, так и дифференцирующими концептуальными признаками. Наличие дифференцирующих признаков в значениях исследуемых синонимов служит основой для обоснования их неполной синонимии и нетождественности их семантики.

Ключевые слова: синонимы; имена прилагательные; корпусный анализ; коллокативный профиль; концептуальный анализ.

M. V. Basinskaya

lecturer at the Department of English Lexicology,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University;
e-mail: basinskaya.m@mail.ru

CORPUS-BASED ANALYSIS OF SYNONYMS (a case study of English adjectives)

The article is devoted to the problem of semantic differentiation of close synonyms. The article provides the corpus-based cognitive analysis of the synonymous English adjectives *sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green*. With the help of corpus data and basic methods of corpus analysis (collocation and concordance analysis) mutual and differential conceptual characteristics of the adjectives under investigation are defined. On the basis of comparing the collocation profiles of the synonymous adjectives the cognitive structure objectified by them is identified. As a result of the analysis it is shown that the lexical units under study form a conceptual entity and possess mutual and diversifying conceptual features. The discovered

differential conceptual characteristics give ground to describe the adjectives under consideration as nonidentical synonyms, manifesting considerable difference in their meanings.

Key words: synonyms; adjectives; corpus analysis; collocation profile; conceptual analysis.

Введение

Проблема лексической синонимии, в частности дифференциация близких синонимов, является одной из центральных в современной лингвистике. В этой связи наше внимание привлекли близкие по значению прилагательные *sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green*. Данные прилагательные, обладая сходной семантикой, активно участвуют в образовании новых номинативных единиц, а также обнаруживают значительные изменения сочетаемостных характеристик, что говорит о трансформации их семантической структуры. Как известно, изменение значения прилагательных знаменует возникновение целой системы новых атрибутов, что свидетельствует о процессе субкатегоризации выделенных ранее явлений и, соответственно, заслуживает более детального изучения [Кубрякова 2004; Вежбицкая 1988].

В рамках когнитивного подхода синонимы рассматриваются как единицы одного ментального пространства, но соответствующие в нем разным образам описываемой действительности [Кубрякова 2004; Болдырев 2001]. Таким образом, цель анализа, представленного в настоящей статье, заключается в том, чтобы выяснить на основе лингвистического корпуса, какую специфическую информацию передает каждая из единиц выбранного номинативного ряда.

Преимущества когнитивно-корпусного подхода при анализе семантики лексических единиц

Обращение к лексикографическим источникам позволило выявить следующие значения исследуемых прилагательных (см. табл. 1, с. 68).

Однако данных, предоставленных в словарях, оказалось недостаточно для понимания того, какая структура знания стоит за значениями, реализуемыми анализируемыми прилагательными. Например, для выполнения поставленной задачи словари предлагают недостаточное количество примеров сочетаемости, а в тезаурусах исследуемые прилагательные часто определяются друг через друга.

Таблица 1

Значения прилагательных *sustainable, ecological, green, environmental, eco-friendly*

Значение Прилагательное	relating to the environment	concerned with the protection of the environment	not causing damage to the environment
sustainable			+
ecological	+	+	+
green		+	+
environmental	+	+	
eco-friendly			+

Для достижения поставленной цели нами был проведен когнитивно-корпусный анализ изучаемых слов для определения общих и дифференцирующих признаков, формирующих структуры знания, стоящие за исследуемыми лексическими единицами и определяющие особенности их семантики. В соответствии с данной задачей мы привлекли данные языкового корпуса *Corpus of Contemporary American English* и использовали ключевые методы корпусной лингвистики: анализ коллокаций и контекстов их употребления, представленных в конкордансе [*Corpus of Contemporary American English*]. Обращение к анализу ближайшего лингвистического окружения описываемых единиц продиктовано тем, что сочетаемость лексических единиц не случайна, так как отражает некоторые их существенные характеристики, которые могут быть названы когнитивными [Кубрякова 2004; Рахилина 2008]. Таким образом, анализ коллокативных профилей исследуемых единиц позволит описать концептуальные характеристики данных прилагательных и обнаружить как области сходства, так и дифференцирующие черты концептуальных структур изучаемых слов.

Составление и анализ коллокативных профилей исследуемых прилагательных

Для анализа наиболее частотных коллокаций с исследуемыми прилагательными нами были выбраны следующие параметры поиска по корпусу: + 4 коллоката в постпозиции к анализируемой единице. Поиск коллокатов в постпозиции по отношению к целевому слову обусловлен тем, что именно в атрибутивной конструкции прилагательные приписывают существительному постоянные признаки. Кроме того, при формировании поискового запроса мы применили статистический критерий взаимной информации (*mutual information*), используемый в выбранном нами корпусе. Создатели корпуса *Corpus of Contemporary American English* считают, что коллокации, статистический показатель которых выше 3.0, являются устойчивыми сочетаниями и могут быть подвергнуты дальнейшему анализу [*Corpus of Contemporary American English*]. Однако при выявлении наиболее устойчивых коллокаций необходимо также учитывать распределение частоты их употребления по временным отрезкам. Так, некоторые слова даже при условии высокого показателя критерия взаимной информации могут оказаться «словами-однодневками», словами, многократно употребляющимися лишь в одном источнике, или частота их употребления будет неуклонно падать, что говорит о том, что они становятся всё менее актуальными в современном языке.

Поиск по корпусу коллокаций прилагательных *sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green* позволил выявить около 3 тыс. примеров сочетаемости данных лексических единиц. Из полученного списка коллокаций, опираясь на предоставленный в корпусе контекст употребления, мы отобрали лишь те коллокации, в которых реализуются интересующие нас значения. Релевантные для дальнейшего анализа словосочетания были объединены в 53 семантические группы, которые, в свою очередь, были объединены в более крупные семантические поля «экономика», «общество», «защита окружающей среды» (см. табл. 2, с. 70–72).

В ходе анализа также был выявлен ряд абстрактных существительных-коллокатов, сгруппированные в соответствии с их значением в 11 семантических групп (см. табл. 3, с. 73).

Таблица 2

**Фрагмент коллокативных профилей прилагательных
sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green**

Семантическое поле «Экономика»						
Прилагательные	sustainable	ecological	eco-friendly	environmental	green	
Семантические группы коллокативов						
1. Промышленное и сельскохозяйственное производство						
а) промышленное производство						
методы производства	+	+	+		+	
продукция	+	+	+	+	+	
материалы			+	+	+	
предприятия			+			
б) сельскохозяйственная деятельность:						
методы и технологии ведения сельскохозяйственной деятельности	+	+				
продукция	+					
предприятия			+			

Продолжение таблицы 2

Семантическое поле «Экономика»					
Прилагательные	sustainable	ecological	eco-friendly	environmental	green
Семантические группы коллокатов					
2. Предпринимательство					
способы и принципы ведения бизнеса	+	+			+
финансирование	+				
компания	+	+	+		+
реализация продукции	+		+	+	+
услуги			+		
3. Инновации					
экологически чистые технологии	+	+			+
Семантическое поле «Защита окружающей среды»					
1. Регулирование в сфере защиты окружающей среды					
проблемы окружающей среды		+		+	
защита окружающей среды		+		+	

Продолжение таблицы 2

Семантическое поле «Защита окружающей среды»						
Семантические группы коллокатов	Прилагательные	sustainable	ecological	eco-friendly	environmental	green
экологическая безопасность			+		+	+
контроль за состоянием окружающей среды					+	
контроль за деятельностью организаций			+		+	+
специалисты по вопросам окружающей среды			+		+	
2. Потребление природных ресурсов						
управление природными ресурсами					+	
источники ресурсов		+				
добыча природных ресурсов		+				
добыча биоресурсов		+				
использование природных ресурсов		+				
использование источников энергии		+		+		+
3. Загрязнение						
отходы		+		+		+

Таблица 3

Коллокативные профили прилагательных
sustainable, ecological, eco-friendly, environmental, green

Прилагательные	Семантическая группа	sustainable	ecological	eco-friendly	environmental	green
моральная ответственность			+		+	
цель		+			+	+
борьба					+	
решение		+		+		+
подход		+		+	+	
альтернатива		+		+		+
выбор		+		+		+
преимущество		+				+
изменение		+		+		+
борьба / результат борьбы		+			+	
будущее		+				+
баланс / нарушение баланса			+			
связи			+			
богатство / бедность			+			

Анализ коллокаций, полученных с помощью корпуса, показал, что исследуемые прилагательные проявляют различную сочетаемость, обнаруживая как области пересечения, так и области несовпадения. Прилагательное *sustainable* в отличие от своих синонимов вступает в сочетание с существительными из таких семантических групп, как, например, «потребление природных ресурсов», «источники ресурсов», «добыча природных ресурсов». Прилагательные *ecological* и *environmental* проявляют значительное сходство семантических характеристик, так как их коллокаты входят в такие группы, как «проблемы окружающей среды», «защита окружающей среды», «специалисты по вопросам окружающей среды», «информирование о состоянии окружающей среды», «образование». Уникальными группами коллокатов для прилагательного *environmental* оказываются следующие: «организации по защите окружающей среды», «защитники окружающей среды», «административные органы». Для прилагательного *eco-friendly* такими группами оказались «предприятия», «услуги»; а для лексической единицы *green* – «работа», «политические движения».

Анализ абстрактных существительных-коллокатов показал, что уникальной семантической группой прилагательных *ecological* и *environmental* является группа со значением «моральная ответственность»; для *ecological* – группы «баланс / нарушение баланса», «связи», «богатство / бедность»; для *environmental* – «борьба / результат борьбы».

Кроме того, при анализе сочетаемостных характеристик важно учитывать то, что количество коллокатов из одной и той же семантической группы для каждого прилагательного оказывается различным. Таким образом, можно предположить, что семантические группы, представленные наибольшим числом коллокатов, характеризуют дифференцирующие признаки анализируемых слов. Например, для прилагательного *sustainable* самыми большими по количеству коллокатов группами являются «добыча природных ресурсов» (10 коллокатов), «методы и технологии ведения сельскохозяйственной деятельности» (15 коллокатов).

Описание общих и дифференцирующих концептуальных признаков исследуемых прилагательных

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что исследуемые лексические единицы формируют концептуальную общность,

обладая как общими, так и дифференцирующими концептуальными признаками. Область сходства определяется тем, что семантика исследуемых прилагательных формируется на основе концепта «окружающая среда». Однако данные прилагательные вербализуют различные аспекты данного концепта, что на когнитивном уровне обуславливает различия в их семантике. Например, семантика прилагательного *sustainable* складывается на основе представлений о том, что окружающая среда это прежде всего источник природных ресурсов. Следовательно, дифференцирующим концептуальным признаком, определяющим семантику прилагательного *sustainable*, является признак «сберегающий природные ресурсы» (см. табл. 4).

Таблица 4

Дифференцирующие концептуальные признаки прилагательных *sustainable, ecological, green, environmental, eco-friendly*

Прилагательные	Дифференцирующий признак
<i>sustainable</i>	not exhausting natural resources
<i>ecological</i>	preserving ecological balance
<i>green</i>	protecting the environment as a political principle
<i>environmental</i>	protecting the natural world
<i>eco-friendly</i>	not causing damage to the environment and people

Концептуальной основой для формирования семантики прилагательного *ecological* является представление о том, что окружающая среда – это сложная сбалансированная система, характеризующаяся наличием множества внутренних связей. При помощи прилагательного *eco-friendly* находит свое языковое выражение один из главных принципов экоцентризма: «что хорошо для природы, то хорошо и для человека». Таким образом, *eco-friendly* – это «безопасный для окружающей среды и человека».

Значение лексемы *environmental* непосредственно связано с этимологически заложенным в ней концептом «окружающая среда». В данном случае окружающая среда понимается как комплекс живой и неживой природы, который постоянно находится под влиянием

человека. Таким образом, семантика прилагательного *environmental* формируется на основе оппозиции «негативное влияние – защита». Данные концептуальные признаки определяют семантику прилагательного и его сочетаемостные характеристики. Например, ряд семантических групп коллокатов прилагательного *environmental* (например, «защита окружающей среды», «организации по защите окружающей среды», «законодательство», «административные органы», «управление природной средой», «контроль за состоянием окружающей среды») указывают на то, что окружающая среда предстает в сознании носителей языка как нечто, за что мы несем ответственность, то что нужно защищать и контролировать и чем нужно разумно управлять, в частности, с помощью законодательства, административных органов и общественных движений.

Дифференцирующим концептуальным признаком, определяющим семантику прилагательного *green*, является признак «защита окружающей среды как политическое убеждение». Наличие данного признака объясняет вхождение данного прилагательного в сочетания с существительными из такой семантической группы, как «политические и общественные движения».

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что лингвистический корпус дает намного более обширный, а следовательно, более надежный материал для исследования семантических и концептуальных характеристик синонимичных единиц. С опорой на корпусные данные нам удалось выявить дифференцирующие признаки в значениях исследуемых синонимов, наличие которых служит основой для обоснования их неполной синонимии, и продемонстрировать, что в едином номинативном ряду фактически участвуют единицы с нетождественной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. С. 25–45.
- Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под. общ. ред. д. ф. н., проф. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 39–81. (Studia philologica).

- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
- Суворина Е. В.* Лингвокогнитивные характеристики слов emotion(s) и feeling(s) и их коллокаций в современном английском языке (на материале текстовых и корпусных данных) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 240 с.
- Cambridge Dictionaries Online : [сайт]. URL : dictionaryblog.cambridge.org (дата обращения: 03.02.2019).
- Collins English Dictionary Online : [сайт]. URL : www.collinsdictionary.com (дата обращения: 03.02.2019).
- Corpus of Contemporary American English : [сайт]. URL : corpus.byu.edu/coca/.
- Divjak D.* Extracting prototypes from corpus data: a distributional account of representing near-synonymous verbs // Proceedings of Verb. Interdisciplinary Workshop on Verbs: The Identification and Representation of Verb Features. Pisa (Italy), 4–5 November 2010 [available as electronic version only].
- Longman Online Dictionary : [сайт]. URL : www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 03.02.2019).
- Macmillan Dictionary Online : [сайт]. URL : www.macmillandictionary.com (дата обращения: 03.02.2019).
- McEnergy T.* Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation. Lancaster University. URL : www.lancaster.ac.uk/study/free-courses/corpus-linguistics-method-analysis-interpretation/.
- Merriam Webster Online Dictionary : [сайт]. URL : nws.merriam-webster.com/orendictionary/ (дата обращения: 03.02.2019).
- Oxford Dictionaries Online : [сайт]. URL : www.oxforddictionaries.com (дата обращения: 03.02.2019).
- Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

REFERENCES

- Boldyrev N. N.* Koncept i znachenie slova // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: nauchnoe izdanie. Voronezh, 2001. S. 25–45.
- Golubkova E. E.* Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod / pod. obshh. red. d. f. n., prof. V. I. Zabolotkina. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. S. 39–81. (Studia philologica).
- Kubryakova E. S.* Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akademija

- nauk, In-t jazykoznanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 c. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).
- Rahilina E. V.* Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost'. M. : Russkie slovari, 2008. 416 s.
- Suvorina E. V.* Lingvokognitivnye harakteristiki slov emotion(s) i feeling(s) i ih kollokacij v sovremennom anglijskom jazyke (na materiale tekstovyh i korpusnyh dannyh) : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 240 s.
- Cambridge Dictionaries Online : [sajt]. URL : dictionaryblog.cambridge.org (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Collins English Dictionary Online : [sajt]. URL : www.collinsdictionary.com (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Corpus of Contemporary American English : [sajt]. URL : corpus.byu.edu/coca/.
- Divjak D.* Extracting prototypes from corpus data: a distributional account of representing near-synonymous verbs // Proceedings of Verb. Interdisciplinary Workshop on Verbs: The Identification and Representation of Verb Features. Pisa (Italy), 4–5 November 2010 [available as electronic version only].
- Longman Online Dictionary : [sajt]. URL : www.ldoceonline.com/ (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Macmillan Dictionary Online : [sajt]. URL : www.macmillandictionary.com (data obrashhenija: 03.02.2019).
- McEnery T.* Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation. Lancaster University. URL : www.lancaster.ac.uk/study/free-courses/corpus-linguistics-method-analysis-interpretation/.
- Merriam Webster Online Dictionary : [sajt]. URL : nws.merriam-webster.com/pendictionary/ (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Oxford Dictionaries Online : [sajt]. URL : www.oxforddictionaries.com (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

УДК 81'37

А. В. Трубочкин

соискатель кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: nalugu@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ КОЭРЦИИ ВО ФРАЗОВО-ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Статья посвящена изучению семантики английских фразовых глаголов (ФГ) с точки зрения теории грамматики конструкций. Впервые ФГ, склонные к развитию многозначности, рассматриваются как лексико-грамматические конструкции, обладающие так называемой силой коэрции («вынужденного приспособления» к структурным и семантическим свойствам конструкции), проявляющейся в зависимости от контекстуального окружения. Конструкция обладает свойством аналогической аттракции, допуская в свой состав новые глаголы при условии тождественности описываемых ситуаций, облегчая задачу извлечения из памяти необходимых единиц номинации или создания новых ФГ по их образцу.

Ключевые слова: фразовые глаголы; грамматика конструкций; коэрция; аттракция; фразово-глагольная конструкция; колексемный метод; коллострукция; аналогия.

A. V. Trubochkin

Post-Graduate Student at the Department of English Lexicology,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nalugu@mail.ru

COERCION IN PHRASAL VERB CONSTRUCTIONS

The article views English phrasal verbs (PhVs) as lexico-grammatical constructions. Being likely to develop polysemy, PhVs undergo the process of coercion or “forced cohesion” to the requirements of the construction that depend on contextual factors. Construction reveals the features of attraction involving new verbs provided the event is identical, and facilitates and diversifies the naming process by the speakers.

Key words: phrasal verbs; construction grammar; coercion; attraction; phrasal verb construction; co-lexeme method; collostruction; analogy.

Введение

В статье рассматриваются особенности изучения семантики фразовых глаголов (ФГ) с точки зрения теории грамматики конструкций [Fillmore 1983]. Целью статьи является рассмотрение свойства ФГ «подстраиваться» под значение определенной лексико-грамматической

конструкции, в которой они употребляются. Выбор теории грамматики конструкций [Fillmore 1983] в качестве методологической основы обусловлен, с одной стороны, возможностью рассмотрения ФГ как лексико-грамматических конструкций, т. е. групп слов, строящихся по модели продуцирования аналогичных лексических конструкций и, с другой стороны, возможностью корпусной обработки информации об их частотности и функционировании. Поэтому с точки зрения грамматики конструкций ФГ рассматривается как неделимая лексическая единица языка и обладает такой семантикой, которая не образуется прямым сложением значений элементов конструкции.

Методы корпусно-когнитивного исследования, описываемые ниже, позволяют поставить вопрос о закономерностях функционирования ФГ и центростремительных силах, способствующих вовлечению всё большего количества новых глаголов в категорию фразовых, в том числе и неисконного происхождения, и попытаться дать объяснение действию таких сил. Мы предполагаем, что между элементами конструкции, в нашем случае – это глагол и частица, действует особая сила их взаимного притяжения, в результате влияния которой возникает эффект семантического приспособления глагола.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили представители трех синонимических кластеров типа YX:ZX – 14 ФГ из группы *writing / recording* (общее значение – *записывать*) с частицей *down*, 22 ФГ из группы *movement down from upright* (общее значение – *согнуться*) с частицей *down* и 45 ФГ из группы *leaving* (общее значение – *покинуть*) с частицей *out* на базе корпуса iWEB (14 млрд слов).

Инструментом исследования был выбран колексемный метод, как наиболее удобный способ оценки силы притяжения элементов конструкции (в данном исследовании – глагола и частицы), что в сочетании с корпусным анализом предоставляет возможность диагностировать именно реальные структуры английского языка [Голубкова 2009; Голубкова, Трубочкин 2019].

Предварительные результаты исследования

Результаты исследования показали, что не только глагол и частица притягиваются к конструкции, что свидетельствует о наличии

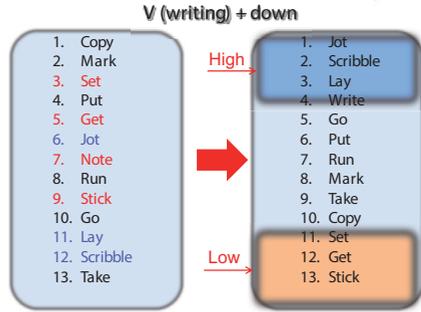
взаимной связи между ними внутри конструкции, но и то, что частица притягивается к конструкции в несколько раз сильнее, чем глагол.

Это может свидетельствовать о том, что во фразово-глагольной конструкции частица более устойчива, чем глагол.

Этот факт вполне согласуется с тем, что частицы представляют собой закрытый класс элементов, в то время как глагол занимает открытую пополняющуюся позицию. Чем более широкой семантикой он обладает (сравните *get* и *jot*), тем менее привязан глагол к частице. Частица же ведет себя так, как будто бы «ищет» конструкции с глаголом, в которых она будет выполнять регулярную указательную функцию на определенную концептуальную структуру, а глагол модифицирующую функцию по отношению к конструкции, поэтому другие глаголы «приглашаются» в такую конструкцию в зависимости от их способности подстроиться под нее.

Подобное «взаимодействие с принуждением», т. е. вынужденное приспособление глагола к «требованиям» конструкции при незначительном изменении семантики самой конструкции получило название *коэрсии* (от англ. *coercivity*) [Hilpert 2014], определяющей целостность и однозначность конструкции, репрезентируемой ФГ. Иными словами, коэрсию можно характеризовать, введя показатели *аттракции* и *порога аттракции* (притяжение и порог притяжения глагола и частицы). Значение аттракции должно быть выше порога аттракции.

Cluster redistribution after the analysis

Co-lexeme analysis of V (writing)+down

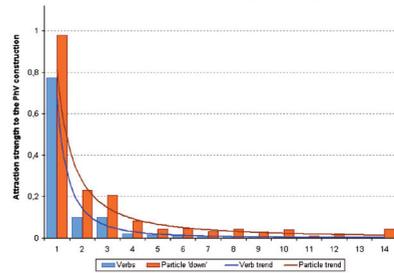

Рис. 1. Кластер Writing / Recording: аттракция глагола и частицы к конструкции V+[Object]+down

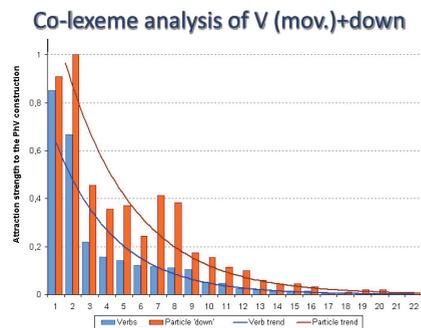
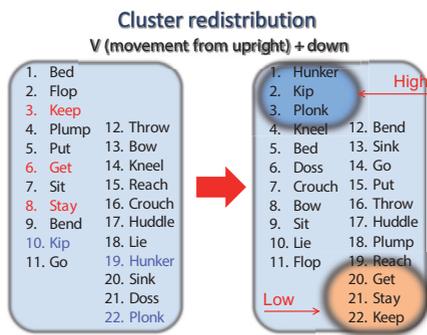

Рис. 2. Кластер Movement down: аттракция глагола и частицы к конструкции V+[Object]+down

является ядром ФГ-конструкции. Иными словами, изменение частицы в конструкции влечет изменение ее структурной модели. В случае изменения частицы – ядра ФГ-конструкции без соответствующих изменений других элементов, конструкция претерпевает семантический коллапс, т. е. происходит разрушение текущей конструкции, поскольку мы меняем устойчивый элемент. Другими словами, происходит потеря передаваемого смысла или в лучшем случае происходит переключение текущей концептуальной структуры на другую, с которой работает уже другая модель ФГ-конструкции с новым ядром – другой частицей (иной фразовый глагол). Следовательно, глаголы, допускаемые в одну конструкцию, могут не допускаться в другую. Продуктивность глагола

На рисунках 1 и 2 видно, что красные столбцы гистограмм (аттракция частицы) доминируют над синими (аттракция глагола) в каждом случае, т. е. сила аттракции частицы к ФГ-конструкции превышает силу аттракции глагола к этой же конструкции. Кроме того, в большинстве случаев, это превышение в разы больше.

Результаты исследования показывают, что частица более устойчива в ФГ-конструкции, чем глагол, ибо сила аттракции частицы к ФГ-конструкции настолько велика, что это помещает частицу, как бы, на место основного элемента ФГ-конструкции, образующего ее ядро, т. е. базового элемента, участвующего в образовании модели ФГ-конструкции.

Исходя из этих заключений, можно сделать вывод о том, что мы не можем изменить частицу, оставаясь в рамках одной и той же структурной модели, ибо частица

(слабая позиция в конструкции) оказывается ограниченной рамками той концептуальной сущности, которая стоит за частицей.

Понятие коэрции

Указанный выше процесс можно схематично продемонстрировать на примерах, приведенных на рисунке 3.

Таким образом, частица (сильная позиция) может «захватывать» всё новые глаголы, помещенные в глагольную (слабую) позицию, насколько допускает аналогия. При этом, удерживаемому частицей элементу в слабой позиции ничего не остается, как семантически подстроиться под других актантов-участников ФГ-конструкции, вступив

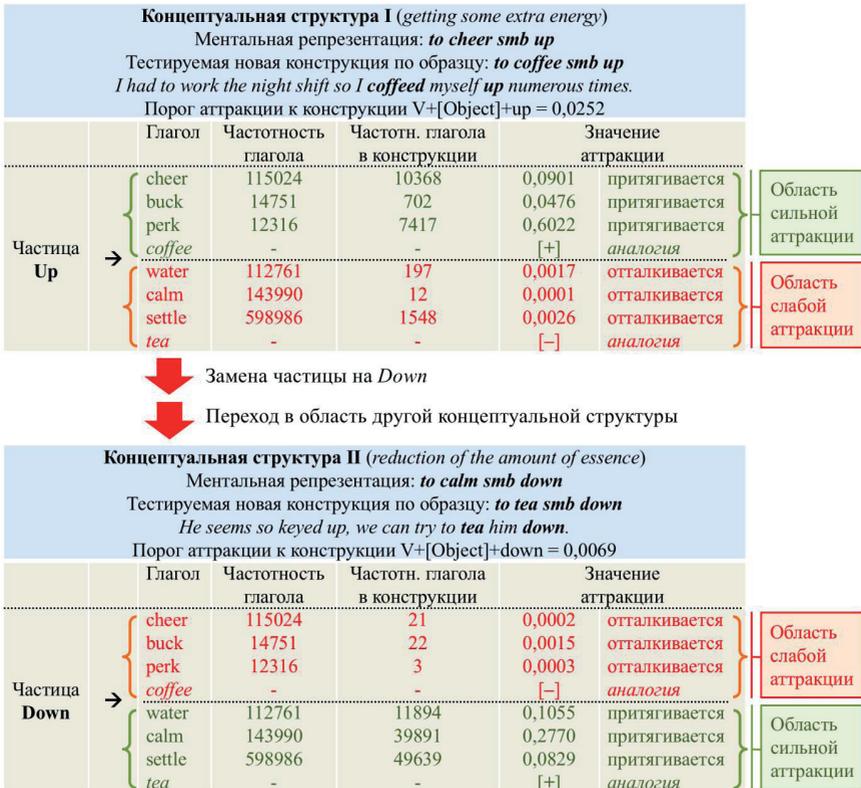

Рис. 3. Показатель аттракции глагола к конструкциям V+[Object]+up и V+[Object]+down

с ними во взаимодействие и согласование на грамматическом и семантическом уровнях для обеспечения семантико-грамматической целостности конструкции. Таким образом происходит вынужденное семантическое приспособление более слабого элемента под воздействием более сильного, т. е. происходит явление *коэрции*. В данном исследовании ФГ-конструкций, семантика глагола перестраивается под воздействием семантики частицы, т. е. это явление вынужденного приспособления происходит внутри ФГ-конструкции между составляющими ее лингвистическими компонентами, что справедливо обозначить как эффект коэрции. В результате коэрцитивного эффекта происходит как бы «сращивание» глагола с частицей – ядром конструкции, – и в конечном итоге образование нового ФГ по модели ФГ-конструкции и расширение синонимического кластера.

Однако глагол, являясь менее стабильным элементом ФГ-конструкции, вносит свой семантический вклад как модификатор общего значения конструкции в определенных ее семантических аспектах, например, *manner, strain, speed* или *duration of action* и др. [Голубкова 2002], т. е., претерпевая коэрцитивный эффект, глагол модифицирует значение ФГ-конструкции.

Важно отметить, что глагол изменяет свою семантику под действием концептуальной структуры, восходящей к базовому концепту, указателем которого является частица ФГ-конструкции. Таким образом, частица как бы «подавляет» семантику глагола. Другими словами, глагол претерпевает коэрцитивный эффект, активируемый концептом / концептами, которые репрезентирует частица. Сравните, *climb* и *climb down, take* и *take back* или *stay* и *stay away*.

Частица-ядро конструкции открывает опции для реализации той или иной конструкции, которые без участия глагола, находятся в неактивном состоянии. Иначе говоря, глагол семантически подстраивается под семантику конструкции, в которую он погружен, т. е. является семантически более слабым по отношению к частице. Таким образом осуществляется взаимодействие между глаголом и частицей, результатом которого является эффект коэрции.

Коэрцитивный потенциал

По результатам проведенного исследования обнаружено, что сила аттракции частицы к ФГ-конструкции, в подавляющем большинстве

случаев, превышает силу аттракции глагола к этой же конструкции в разы (см. рис. 1 и 2). Это косвенно свидетельствует о высокой внутренней коэрции, т. е. о существенном «мощном» коэрцитивном эффекте, транслируемом через частицу на глагол, что также может служить объяснением другого факта: глагол в сочетании с частицей не просто изменяет свою семантику, а даже способен принять антонимическое значение. Здесь будет правильно сказать, что уже не глагол, а конструкция с участием глагола и частицы – ФГ-конструкция порождает такое значение, которое, как видно из примеров *climb – climb down, take – take back, stay – stay away*, никак не образуется линейным сложением значений ее компонентов, а является результатом коэрции или семантического давления [Добровольский 2016]. Отсутствие линейного способа образования значения конструкции, в свою очередь, еще раз свидетельствует о соотносимости характеристик конструкции с концепцией теории грамматики конструкций.

В поисках источника коэрцитивного потенциала, мы опираемся на выводы Е. С. Кубряковой, Л. Талми применительно к анализу ФГ-конструкций. Так, модель ФГ-конструкции, «активирует определенную сцену-прототип, а сцена ассоциирована с определенным языковым фреймом» [Кубрякова 1985]. Следовательно, за ФГ-конструкцией стоит концептуальная структура, обозначением которой являются глагол, частица и особые связи между ними. Результаты исследования показывают, что средством номинации таких концептов в английском языке выбирается частица при формировании ФГ. Таким образом, ФГ-конструкция является «подсказкой», по образцу которой можно по аналогии образовывать всё новые ФГ. Например :

1) в семантической структуре высказывания *I wanted to go to university in Moscow, but after **thinking it over**, I thought it would be better in St Petersburg* выделяются агенс, объект действия и некоторое условие полноты процесса получения оценки способом обдумывания. Слоты ФГ-конструкции составляют ситуационную структуру глагола («the event structure of the verb») [Hilpert 2014] *to think over* через которую узнается конструкция *X **thinks it over***. Тогда, используя принцип коэрции, мы можем изменить, например, способ получения информации (manner), заменив *think* на, к примеру, *count – считать*. Тогда конструкция по принципу коэрции подстроит семантику нового глагола, в результате чего получится новый вариант коллострукции:

I wanted to go to university in Moscow, but after *counting it over*, I thought it would be better in St Petersburg¹.

И, как результат этого коэрцитивного эффекта – образование нового фразового глагола *to count over* по образцу ФГ-конструкции;

2) рассмотрим пример другой конструкции *I'm going to search around his messages because I think I heard him speaking about it yesterday*, где сама конструкция имеет общее значение рассмотрения / изучения объекта, и *I'm going to eye around his messages because I think I heard him speaking about it yesterday*², где, с опорой на принцип коэрции, создается новый фразовый глагол *to eye around* по модели *X searches around Y*;

3) третий пример иллюстрирует конструкцию *X comes by, Although she loves her, she rarely comes by at her mother's*, где ФГ-конструкция имеет значение нанесения неожиданного визита. По ней образуется новый фразовый глагол *to burn by*, значение которого вынужденно подстраивается под семантику конструкции, но с некоторой модификацией скорости выполнения действия, которую привносит глагол *to burn* – *Although she loves her, she rarely burns by at her mother's*³.

Заключение

Таким образом, семантика ФГ обеспечивается некоторой лексико-грамматической конструкцией, в которую погружен ФГ.

Коллокационный анализ трех синонимических кластеров ФГ позволил сделать вывод, что частица проявляет более высокую степень аттракции к конструкции и является ее ядром, что вполне согласуется с положением о том, что английский язык является языком сателлитно-ориентированным [Talmy 1978].

Глагол, подстроившись семантически, а точнее сказать, интегрировавшись в конструкцию [Добровольский 2016], становится ее коллексемой, что определяется силой аттракции глагола слотом конструкции, завершает целостность конструкции как лексической единицы.

¹ Пример взят у носителя английского языка Марка Уильямса (Mark Williams), Лондон, Великобритания.

² Там же.

³ Там же.

Конструкция соотносится с фреймом, слотами которого с разной аттракцией притягиваются глаголы, производя ту или иную модификацию значения ФГ-конструкции. Выбор глагола определяется целями говорящего и побуждается ситуацией.

Другими словами, глагол не может подавлять семантику частицы, но при этом вносит свой вклад в модификацию значения всей ФГ-конструкции и является, по сути, всегда «подкоэрцитивным» элементом, т. е. постоянно подверженным коэрцитивному эффекту, транслируемому на глагол через частицу.

Таким образом изменяется семантика ФГ, представляя собой результат «давления» смысла конструкции [Добровольский 2016] на семантические и синтаксические свойства интегрируемого элемента – в данном случае, фразового глагола. Важно отметить, что структура конструкции при этом не изменяется.

Коэрция может быть выражена количеством коллексем захватываемых коллострукцией и служить в качестве центростремительной силы, где аттракция является индикатором наличия коэрции. Поэтому, используя весь коэрцитивный потенциал конструкции мы можем создавать новые фразовые глаголы по аналогии. Таким образом, коэрцию можно вполне считать инструментом или принципом образования новых фразовых глаголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубкова Е. Е. Использование корпусных данных при изучении словосочетаний устойчивого характера (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 572. С. 30–36.
- Голубкова Е. Е. Диалектная вариативность лексики как проявление альтернативных способов концептуализации действия (на материале фразовых глаголов английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 19 (730). С. 152–158.
- Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). М. : ГЕОС, 2002. 174 с.
- Голубкова Е. Е., Трубочкин А. В. Фразовые глаголы как грамматические конструкции (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. Н.-Новгород : ДЕКОМ, 2019. С. 604–609.

- Добровольский Д. О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2016. № 3. С. 11–19.
- Кубрякова Е. С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М. : Наука, 1992. С. 84–90.
- Кубрякова Е. С.* Коммуникативные единицы языка. // Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики. М. : МГИИЯ им. М. Тореца, 1985. Вып. 252. С. 138–151.
- Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М. : Институт языкознания РАН, 1997. 326 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Рахилина Е. В.* Лингвистика конструкций. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Goldberg A. E.* Constructions: a new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7, Issue 5. P. 219–224.
- Davies M.* The Intelligent Web-based Corpus iWEB (14 billion words). Provo, USA : BY University, 2018. URL : corpus.byu.edu (дата обращения: 22.10.2018).
- Greis S., Stefanovich A.* Extending colostruational analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’ // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 9, Issue 1. 2004. P. 79–129.
- Fillmore Ch.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Радуга, 1983. Вып. XII. P. 74–122.
- Hilpert M.* Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014.
- Talmy L.* Figure and Ground in Complex Sentences // Working Papers on Language Universals. Standford, 1978. P. 627–649.
- Talmy L.* Language typology and semantic description / ed. Tymothy Shopen. Cambridge ; London ; N. Y. : Cambridge University Press, 1985. 427 p.
- Talmy L.* Path to Realization: A Typology of Event Integration // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on the Grammar of Event Structure. 1991. P. 480–519.

REFERENCES

- Golubkova E. E.* Ispol'zovanie korpusnyh dannyh pri izuchenii slovosochetanii ustojchivogo haraktera (na materiale anglijskogo jazyka) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. Vyp. 572. S. 30–36.

- Golubkova E. E.* Dialektnaja variativnost' leksiki kak projavlenie al'ternativnyh sposobov konceptualizacii dejstvija (na materiale frazovyh glagolov anglijskogo jazyka) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 19 (730). S. 152–158.
- Golubkova E. E.* Frazovye glagoly dvizhenija (kognitivnyj aspekt). M. : GEOS, 2002. 174 s.
- Golubkova E. E., Trubochkin A. V.* Frazovye glagoly kak grammaticheskie konstrukcii (na materiale anglijskogo jazyka) // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXXVII: Integrativnye processy v kognitivnoj lingvistike: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. 16–18 maja 2019 g. N.-Novgorod : DEKOM, 2019. S. 604–609.
- Dobrovol'skij D. O.* Grammatika konstrukcij i frazeologija // Voprosy jazykoznanija. M. : Nauka, 2016. № 3. S. 11–19.
- Kubrjakova E. S.* Glagoly dejstvija cherez ih kognitivnye harakteristiki // Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvija. M. : Nauka, 1992. S. 84–90.
- Kubrjakova E. S.* Kommunikativnye edinicy jazyka. // Kommunikativnaja lingvistika i problemy semantiki. M. : MGIIJa im. M. Toreza, 1985. Vyp. 252. S. 138–151.
- Kubrjakova E. S.* Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. M. : Institut jazykoznanija RAN, 1997. 326 s.
- Kubrjakova E. S.* Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akademija nauk, In-t jazykoznanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).
- Rahilina E. V.* Lingvistika konstrukcij. M. : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN ; Azbukovnik, 2010. S. 18–79.
- Goldberg A. E.* Constructions: a new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7, Issue 5. P. 219–224.
- Davies M.* The Intelligent Web-based Corpus iWEB (14 billion words). Provo, USA : BY University, 2018. URL : corpus.byu.edu (data obrashhenija: 22.10.2018).
- Greis S., Stefanovich A.* Extending collostructional analysis: a corpus-based perspective on 'alternations' // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 9, Issue 1. 2004. P. 79–129.
- Fillmore Ch.* Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M. : Raduga, 1983. Vyp. XII. P. 74–122.
- Hilpert M.* Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014.
- Talmy L.* Figure and Ground in Complex Sentences // Working Papers on Language Universals. Stanford, 1978. P. 627–649.
- Talmy L.* Language typology and semantic description / ed. Tymothy Shopen. Cambridge ; London ; N. Y. : Cambridge University Press, 1985. 427 p.

Talmy L. Path to Realization: A Typology of Event Integration // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on the Grammar of Event Structure. 1991. P. 480–519.

УДК 81'37

Т. И. Черемисина

кандидат филологических наук; доцент кафедры лексикологии
английского языка факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: cherymisinat@gmail.com

КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В статье рассматриваются историко-культурологические особенности процесса заимствования из китайского языка в английский в рамках англо-китайского культурно-языкового взаимодействия. Основное внимание уделяется характеристике, описанию и систематизации способов и особенностей заимствования китайской лексики в современном английском языке и тенденциям данного процесса.

Ключевые слова: языковое взаимодействие; иноязычные заимствования; ассимиляция; транслитерация; способы словообразования; китайские иероглифы.

T. I. Cheremisina

PhD, Associate Professor; Faculty of English,
Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University;
e-mail: cherymisinat@gmail.com

CHINESE BORROWINGS IN MODERN ENGLISH AS AN ELEMENT OF CULTURAL AND LINGUISTIC INTERACTION

The article discusses historical and cultural peculiarities of the process of borrowing from Chinese into English in the framework of the Anglo-Chinese cultural-language interaction. The focus is on characterising, describing and systematising the ways and features of borrowing Chinese vocabulary in modern English and the trends of this process.

Key words: language interaction; linguistic borrowing; assimilation; transliteration; abbreviations; word-building means; Chinese characters.

Введение

На сегодняшний день английский и китайский языки являются наиболее распространенными языками в мире. Словарный объем характеризует их как наиболее крупные и ведущие мировые языки. Тем не менее оба языка с пользой для себя продолжают впитывать обогащающие их иностранные слова. При этом значительная часть заимствований приходится на их взаимопроникновение. Ранее

проведенное нами исследование наглядно показало, что английские заимствования в китайский язык существенно превосходят заимствования из других языков. Китайские заимствования в английский язык не столь многочисленны: китайский язык занимает лишь третье место среди восточных языков-доноров английского языка, значительно уступая индоевропейским языкам. Однако тенденции развития этого процесса заслуживают тщательного изучения.

Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования в плане проникновения английского языка в китайский язык мы описали ранее [Черемисина 2017]. В настоящей статье мы остановимся на характеристике заимствований из китайского языка в английский язык как встречного направления современного китайско-английского языкового взаимопроникновения.

При этом особое внимание важно уделить как систематизации традиционно сложившегося пласта заимствований, а именно, не заполняемых иными способами лексических и фразеологических лакун, обусловленных наличием присущих китайскому этносу и языку специфики, так и новых понятий. Данный аспект, в противоположность традиционно изучаемым, всё еще остается малоизученным с лингвистической точки зрения и в этой связи представляет собой большой интерес.

Немаловажным представляется также отследить историко-культурологические особенности данного процесса и специфику закрепления китайских слов в языке-реципиенте, а также трансформации более ранних заимствований под воздействием внутренних фонетических регуляторов китайского языка с учетом диалектного своеобразия языка-донора.

История и характер заимствований из китайского языка в английский

В англоязычной и китайской историографии принято считать, что заимствования из китайского языка в английский начались более тысячи лет назад. Так, «Oxford English Dictionary» приводит доказательства того, что в 888 г. н. э. фонетически видоизмененное китайское слово *silk* 絲 (丝) *sī* «шёлк» пришло в английский язык из Китая по Шелковому пути «silk road» 絲綢之路 *sīchóu zhī lù* [Oxford English Dictionary 1989; Богаченко 2003].

Однако реальное и репрезентативное проникновение китайских слов в английский язык началось только в XVII в. при китайской династии Мин с началом торговых обменов с Западом и усилилось при династии Цин особенно после Опиумных войн и так называемого принудительного открытия Западом Китая. Именно в тот период десятки китайских слов начали входить в обиход англоязычного мира.

Китайский язык проникал в английский различными способами. Следует отметить, что на протяжении последних полутора веков появилось немало подобных возможностей. Наиболее эффективные из них – это, начиная с династии Мин, проникновение заимствований через:

- торговцев и моряков;
- поселившихся в Китае при династии Цин миссионеров и синологов;
- китайских иммигрантов в США в период «золотой лихорадки» во второй половине XIX в.;
- селтльменты западных поселенцев в Шанхае;
- британскую колонизацию Гонконга и португальскую колонизацию Макао;
- японский, корейский, вьетнамский и малайский языки.

Более поздними причинами роста численности заимствований являются массовая эмиграция китайцев как из материкового Китая, так и с Тайваня в США, Канаду и страны Западной Европы после окончания Второй мировой войны и образования в 1949 г. КНР. Последние две волны проникновений поднялись после начала проведения в КНР «политики реформ и открытости внешнему миру», сопровождавшихся массовым направлением в страны Запада на учебу и стажировку китайских студентов, аспирантов и ученых, а также в процессе возвращения на рубеже тысячелетий Гонконга и Макао в лоно материкового Китая из-под 99-летней колониальной зависимости и сопровождавшей этот процесс эмиграции китайцев.

Немаловажными являются и всё более широкое межэтническое, в том числе и языковое, контактирование на фоне усиления глобализации современного мира, а также взаимопроникновение посредством СМИ, Интернета, рекламы, бизнеса, туризма, студенческих, научных, технических, дигитальных, культурных, спортивных и иных обменов.

Парадоксально, но логистическое своеобразие данного процесса привело к тому, что далеко не все этнические китайцы, абсолютное большинство которых проживает в КНР и владеет общегосударственным языком *mandarin*, или путунхуа, а также в большинстве своем как минимум одним из региональных диалектов, способны воспринимать заимствованные в английский язык китайские слова как элементы своей родной речи. Это обусловлено тем, что большая часть заимствованных в английский язык на ранних этапах этого процесса китайских слов была заимствована не из путунхуа, который исторически охватывает северо-восток Китая, а из диалектов китайского языка, таких как юэ, минь и хакка, в основном распространенном в прибрежных регионах юго-восточного Китая, т. е. в провинциях Гуандун, Фуцзянь, а также на Тайване и Хайнани. Только выходцы из этих регионов Китая, как следует из выборочного опроса групп этнических китайцев, естественно воспринимают такие слова в англоязычной речи.

Ярким примером этого является слово *tea* 茶 *chá* «чай», обозначающее, как известно, чайное растение, его высушенные листья и напиток, получаемый при заливании высушенных листьев чайного растения горячей водой. Считается, что английское слово *чай* в форме *tea* происходит от «t'e», т. е. чай на китайском диалекте минь, на котором говорили китайцы в порту Сямэнь, провинция Фуцзянь, откуда в Великобританию поступили первые партии китайского чая.

Поскольку все заимствования из китайского языка, имеющего в языке-доноре только иероглифический вариант, записаны в языке-реципиенте латинским письмом, они априори уже частично ассимилированы графически. При этом примерно треть всех слов до настоящего времени оформляется более чем одним графическим вариантом. Одной из главных причин графической вариативности заимствованных китайских слов в английском является использование различных систем латинизации при транскрибировании подобных заимствований. До недавнего времени в англоговорящих странах применялись собственные системы латинизации заимствований, а в КНР – своя система «*pinyin*» 拼音 *pīnyīn* «пиньинь», название которой стало ассимилированным английским словом. Это вызывало расхождение в написании заимствованных слов.

Однако переход западных стран на китайскую латинизированную систему транскрибированного письма пиньинь вызвал еще больше

трудностей, поскольку, во-первых, данные системы письма сильно отличаются друг от друга, а во-вторых, пиньинь не охватывает диалектные заимствования. Часто графическая вариативность появляется также вследствие развития слова в принимающем языке в силу опосредованного характера заимствования, фонетических особенностей языка-донора и языка-реципиента, а также из-за искажения первоначальной формы слова при транскрибировании и написании [Богаченко 2003]. Но это распространяется не на все заимствованные фонетики.

Поясним это на таком примере. Заимствованное слово «guanxi» 关系 *guānxi* «связи» произносится по-английски как «гуанкси», а по-китайски «гуаньси», поскольку чтение латинских букв «п» и «х» в этих языках различно: «п» в пиньинь читается не как английское «н», а как «нь» (для обозначения носового «н» или «ŋ») используется написание «ng»); «х» в пиньинь читается не как английское «кс», а как мягкое «с», соответственно.

Другой типичный пример указанного расхождения: денежная единица Китая в формах «уан» 元 *yuán* «юань» и аббревиатура китайского обозначения «юаня» 人民币 *RénMínBì* RMB, а также «jiao» 角 *jiǎo* «цзяо» «гривенник» зафиксированы в словарях как английские слова, в том числе и в приобретающем всё большую популярность интерактивном словаре *translate.google.com*. Интересно, что слово «юань» как термин используется в английском языке уже и для обозначения не только китайской валюты, но и денег в широком смысле. В то же время китайская национальная валюта, имеющая аббревиатурное название «RMB» и произносимая по-китайски как «жэньминьби» 人民币 «*RénMínBì*», произносится на английский манер АЭМБи и не подлежит обратному устному переводу. Даже владеющие английским языком китайцы нередко не могут воспринять название своей государственной валюты, произносимой как АЭМБи.

Количественные и качественные параметры процесса заимствований в англоязычной и китайской историографии

Многие англосаксонские исследователи отмечают, что некоторые китайские слова прочно вошли в систему английского языка и не воспринимаются как заимствованные. Однако при более внимательном рассмотрении иноязычное происхождение большинства из них легко обнаруживается.

Это явление обусловлено множеством причин. Вхождение в язык данных единиц происходило в период развитой письменности, что повлияло на сохранение звуковой оболочки слова. Поскольку китайский язык и его диалекты не принадлежат к языкам индоевропейской семьи, они не имеют ничего общего с ними в образовании корней слов, флексий и т. п. Культура носителей китайского языка и его диалектов очень сильно отличается от культуры англоязычного Запада, большинство реалий не имеет в историко-культурной ретроспективе точек соприкосновения, поэтому нередко трудно подобрать какой-либо подходящий эквивалент в принимающем слово языке, что вызывает необходимость прямых фонетических заимствований.

В большинстве своем они сохраняют иноязычный облик в произношении, только частично ассимилируются семантически, прочно ассоциируясь, если не напрямую с языком страны-источника, то, по крайней мере, с восточным регионом Азии [Богаченко 2003].

В этом плане своеобразно выглядит стремление некоторых западных авторов, которые ревниво относятся к китайскому происхождению такого, например, слова, как «ketchup» [kə'hjəp] 茄汁 iā zhī «кетчуп», считать его и некоторые другие подобные слова (в свете традиционно присущих им отголосков неокOLONИализма и культурно-исторического превосходства западной цивилизации над восточной) исконно западными словами, описывающими продукты западной цивилизации. Трудно поверить в серьезность непрекращающихся с XVII в. дискуссий по данному поводу, хотя изначально это всего лишь название разновидности популярного на юге Китая соуса [Rooth 2011; Allen 2012].

Отметим, что существуют две не совпадающие оценки динамики и статистики процесса проникновения китайского языка в английский. Одна оценка дается англосаксонскими исследователями, другая – китайскими. Первые считают, что заимствования из китайского языка в английский невелики и ограничиваются исключительно словами преимущественно из сферы кулинарии, одежды, искусства, истории и политики. Однако такие зафиксированные «Oxford English Dictionary» заимствования насчитывают 259 слов [Oxford English Dictionary 1989]. Китайский язык, как следует из проведенного в историографии изучения массива этого словаря, – второй по численности среди заимствований в английский язык из восточноазиатских языков

с иероглифической письменностью. Первое место, по материалам данного словаря, занимает японский язык (366 слов), третье – корейский (11 слов) [Богаченко 2003]. Однако данный массив является преимущественно пассивным, поскольку большинство таких слов не известны широким слоям населения англоязычного мира.

Анализ не только академических словарей и научных статей, но и практики активного применения китайских слов в живом английском языке показывает, что реально их количество меньше и не превышает 100 слов. Но и эта цифра не означает, что все китайские слова, пришедшие в английский язык, являются общеупотребительными и широко используются в повседневной речи.

В качестве примеров таких заимствованных оригинальных слов и понятий, которые используются без восприятия их в качестве заимствований из китайского языка, англосаксонскими исследователями обычно приводятся «kowitz» 磕头 kē tóu «унизить», «заставить пресмыкаться», «быть раболепным»; «gung ho» [gəng 'hō] 工和 gōng hé «бездумно восторженный и нетерпеливый, особенно в отношении участия в боевых действиях или войнах»; «guanxi» 关系 guānxi «китайская система социальных сетей и влиятельных связей, которые облегчают деловые и другие отношения». Подчеркнем, что вышеприведенные и подобные им заимствования, которые зафиксированы в словарях и переходят из одной статьи специализирующихся на данном вопросе англоязычных авторов в другую, известны лишь весьма узкому кругу англоговорящих лиц.

Несколько более широко используется произведенный от китайского географического названия крупнейшего китайского города Шанхай глагол «to shanghai» 上海 shànghǎi, который получил в современном английском языке расширительное значение «обманом подчинить своей воле» и который мы описали ранее [Черемисина 2006].

При этом англосаксонскими исследователями нередко подчеркивается, что даже за 40-летний период проведения КНР политики реформ и открытости внешнему миру в вопросе заимствований китайских слов в английский язык мало что изменилось, и перспектив расширения данного явления западные исследователи не просматривают. Характерным в этом смысле является название одной из широко цитируемых статей по данному вопросу, которая так и называется: «Why so little Chinese in English?» [Greene 2013].

Иной, а точнее диаметрально противоположной, точки зрения придерживаются исследователи данного процесса в КНР. Последние полемизируют данный двусторонний процесс взаимопроникновения английского и китайского языков и в качестве зеркальной реакции на зафиксированные в китайском языке и закрепленные в китайских словарях не менее 140 активно используемых английских слов и еще большего числа производных от английского языка аббревиатур стремятся не только отстоять паритет в данном процессе, но и стать лидером в этой своеобразно понимаемой ими лингвистической гонке. По их мнению, несмотря на то что китайские слова составляют пропорционально небольшую часть заимствований в современный английский язык, статистически подкрепленными они называют 1000–1300 единиц подобных заимствований. Так, китайскими исследователями на китайских ресурсах приводятся некорректные примеры того, что в столь авторитетном словаре, как «Oxford English Dictionary» указывается, что более 1300 английских слов в качестве источника имеют китайский язык [Oxford English Dictionary 1989]. Найти подтверждение этому нам не удалось.

По цитируемым китайскими специалистами данным американского агентства «Global Language Monitor» (GLM), с 1994 г. объем заимствованных китайских слов в английский возрос с 5 % до 20 % от общего числа заимствований, а китайский «вклад» в этот процесс стал значительнее, чем из любого другого языкового источника. Другие китайские источники, ссылаясь на «Global Times», указывают на закрепление в английском языке только в 2005 г. более 4 тыс. слов с китайскими корнями [Kui Zhu 2011], что не соответствует действительности.

Отметим, однако, что такое некорректное и явно существенное завышение количества заимствований китайских слов в английский используется, как правило, преимущественно в китаезычной специальной литературе, предназначенной для внутрикитайского использования, и носит ярко выраженную пропагандистскую окраску. Одним из примеров такого механизма увеличения числа дополнительных заимствований из китайского в английский язык является способ подсчета составных терминов и выражений, в состав которых входит слово «китайский» или корень этого слова в качестве самостоятельных лексических единиц. Иногда статьи китайских авторов с подобными

недостовверными данными без критического осмысления перепечатываются в США, Канаде и Великобритании.

Наряду с этим, западные исследователи отмечают неоднократно предпринятые китайскими официальными лицами, журналистами и пользователями интернет-сетей попытки внедрить в английский язык ряд кáлек с китайского языка, которые иногда носят весьма странный и не понятный носителям английского языка характер. Так, одна из таких неудачных кампаний была связана с продвижением понятия «ungelivable» или «ungeliable» в качестве надуманного производного английского термина для заимствованного китайского выражения «bù gěilì» 不给力 bù gěilì «не дает силы / энергии»).

Другая кампания была связана с «навязыванием» английскому языку выражения «smilence» 笑而不语 xiàoérbùyǔ «тихо улыбаться», «улыбаться, ничего не сказав». Другими примерами подобных псевдоанглийских аналогов китайских понятий являются «contraficient», «contraroborative», «deprivappointing», «disficient», «disphatic», «displete», «dispotent», «disvigorative», «elimpotent», «elimvigorative», «energevating», «enervigorative», «inanimated», «removergizing», «reinforcing», «unergizing», «unvigorative». Зафиксированный пик таких кампаний пришелся на 2010 г., когда в самом Китае проводилась кампания по противодействию проникновению английских заимствований в китайский язык.

Способы введения в английский язык из китайского заимствованной лексики и ее семантическая классификация

Проведенная нами на основании англоязычных источников выборка массива закрепившихся в английском языке китайских заимствований показала, что закрепились в языке-реципиенте только около 100 слов с китайскими корнями. Если принять во внимание ранее репрезентативно зафиксированный массив из 140 слов и 284 аббревиатур английского происхождения в китайском языке [Черемисина 2017], то можно с полной уверенностью констатировать, что китайский язык вобрал в себя значительно большее количество английских слов, чем английский язык китайских.

Оговоримся, что при анализе массива английских заимствований в китайский язык нами не учитывались названия химических

элементов, единиц измерения в физике, названий лекарств, производные от имен собственных, технические, компьютерные, финансовые и иные термины. Аналогично нами не учитывались и те термины из истории, культуры и искусства Китая, которые, по представлению китайских исследователей, должны были обязательно укорениться в английском языке, но являются лишь факультативно используемыми и только в специальной литературе.

В качестве таких слов в китайских исследованиях и историографии указываются понятия, характерные для пекинской оперы, названия китайских национальных музыкальных инструментов, китайские мифологические личности и животные. Фактически они известны, и то лишь частично, только тем англоязычным группам лиц, которые интересуются Китаем или находятся в силу тех или иных обстоятельств профессионального или семейного характера в тесном контакте с китайцами.

Что касается способов заимствования китайских слов в английский язык, то в основном используются четыре:

- фонетические заимствования / транслитерация;
- семантические заимствования / смысловой перевод;
- параллельные фонетические и семантические заимствования;
- смешанные формы заимствования.

Наиболее яркими примерами данных способов заимствования могут служить следующие:

Фонетические заимствования / транслитерация: «Confucius» 孔夫子 Kǒng fūzǐ «Конфуций»; «ganbei» или «canpei» 干杯 gānbēi «сухой стакан», т. е. «до дна»; «ganbu» 干部 gānbù «кадры»; «kungfu» 功夫 gōngfū «кунфу»; «mahjong» 麻将 májiàng «маджонг»; «sampan» 舢板 «shānbǎn» «сампан», «ялик», т. е. «легкая парусная лодка»; «typhoon» 台风 táifēng «тайфун»; «yen» 阴 yīn «зависимость (от опиума)».

Семантические заимствования / смысловой перевод: «acupuncture» 针灸 zhēnjiǔ «иглоукалывание»; «capitalist-roader» 走资派 zǒu zī pài «идущие по капиталистическому пути»; «chinaware» 中国瓷器 zhōngguó cíqì «китайский фарфор»; «chopsticks» 筷子 kuàizi «палочки для еды»; «family planners» 计划生育工作者 jìhuà shēngyù gōngzuò zhě «работник планирования семьи»; «fire-cracker» 爆竹 bàozhú «фейерверк»; «silkworm» 蚕 cán «шелкопряд»; «steamed bun» 馒头 mántou

«китайские паровые пампушки»; «Xia Dynasty» 夏朝 Xià cháo «династия Ся».

Параллельные фонетические и семантические заимствования:
«bean curd» или «tofu» 豆腐 dòufu «соевый творог» или «тоуфу».

Смешанные формы заимствования:

- сочетание транслитерированного имени собственного с семантической формой определяемого им явления: «Beijing opera» 京剧 Jīngjù «Пекинская опера», «Tung oil» 桐油 tóngyóu «масло из орехов тунгового дерева»;
- сочетание транслитерированного имени собственного с фонетической формой заимствования для определяемого им предмета: «longjing tea» 龙井 lóngjǐng «чай Лунцзин»;
- сочетание имени собственного и суффикса: «Dengers» 邓小平的追随者 Dèng Xiǎopíng de zhuīsuí zhě «последователи Дэн Сяопина», «Maoist» 毛泽东思想的追随者 Máo Zédōng sīxiǎng de zhuīsuí zhě «маоисты»;
- дублирование фонетического заимствования повтором названия сходного предмета из языка-реципиента: «suona horn» 唢呐 suǒnà «китайский гобой», «сона». В данном случае фонетическое заимствование закрепляется фиксирующим смысл семантическим подтверждением категории предмета, т. е. духового музыкального инструмента.

Если систематизировать заимствования по смысловому признаку, то можно констатировать, что в язык-реципиент вошли те слова, которые обозначают специфические виды или элементы предметов и явлений, не имеющие аналогов для обозначения в английском языке. Таким образом, вновь образованные английские слова, вошедшие в него из китайского языка, можно разделить на следующие категории:

- одежда: «cheongsam» 長衫 zhǎng shān «длинное традиционное китайское платье»; «dudou» 肚兜 dùdōu «традиционный китайский передник»; «silk» 丝绸 sīchóu «шелк»; «nankeen» 紫花布 zǐhuā bù «фиолетовая ткань»;
- еда: «Beijing duck» или «Pekin duck» 北京烤鸭 běijīng kāoyā «пекинская утка»; «bok choy» [bɒk 'tʃɔɪ] или [bāk 'choi] 白菜 báicài «китайская капуста»; «Chinese dumplings» или «jiaozi» 饺子 jiǎozi «пельмени»; «chow fan» 炒饭 chǎofàn «жареный рис»; «chow mein» 炒面 chǎomiàn «жареная лапша»; «chop suey» 杂碎 zásuì «потроха»;

«dim sum» 点心 diǎnxīn «традиционные китайские закуски – китайское блюдо из небольших приготовленных на пару или жареных пельменей, содержащих различные начинки»; «kaoliang» 高粱 / 高粱酒 Gāoliang / Gāoliang jiǔ «вино Гаолян»; «lychee» или «litche 荔枝 lizhī «личжи», «нефелиум», «китайская слива»; «Maotai» 茅台酒 Máotái jiǔ «вино Маотай»; «souchong» 小种茶 xiǎo zhǒng chá «сучун чай»; «soy sauce» 酱油 jiàngyóu «соевый соус» (производное от японского «shoyu» с добавлением слова *soy*); «spring rolls» 春卷 chūnjuǎn «весенние блинчики (с начинкой)»; «wonton» 雲吞 yún tūn или 馄饨 húntún «пельмешки в супе».

Названия «bok choy» 白菜 báicài «китайская капуста», «chow mein» [chou'mān] или «chow mein noodles» 炒面 chǎomiàn «жареная лапша», «Chinese dumplings» 饺子 jiǎozi «китайские пельмени» и другие – это не названия блюд, а только наименования видов китайской еды, к которой пристрастились жители стран Запада с распространением там китайских ресторанов. По мнению некоторых западных исследователей, когда европейцы и американцы стали широко употреблять традиционные китайские блюда, китайские названия последних просто «внедрились» в языки-реципиенты, т. е. в английский и другие европейские языки. Произошло это, правда, в несколько искаженном виде, поскольку, как правило, такие слова являются не точным названием блюд, а только указывают на разновидность блюда: «из китайской капусты», «с лапшой», «пельмени» и т. п. Точное название при этом никак не учитывается и определяется не посетителем, а спецификой регионального происхождения блюда и меню конкретного ресторана;

- посуда: «china» 陶器 táoqì «глиняная / фарфоровая посуда»; «chopsticks» 筷子 kuàizi «палочки для еды»; «wok» 鑊 huò «котелок с выпуклым равномерно закругленным днищем»;

- история: «Great Leap Forward» 大跃进 dà yuèjìn «большой скачок»; «Red Guards» 红卫兵 hóng wèibīng «хунвэйбин», «Gang of Four» 四人帮 sìrénbāng «банда четырех»; «reform and opening up policy» 改革开放政策 gǎigé kāifàng zhèngcè «политика реформ и открытости внешнему миру»; «Tuchun» 督军 dūjūn «военачальник»; «xiucaisai» 秀才 xiùcái «филолог»;

- культура и искусство: «mandarin» 官话 guānhuà «китайский государственный язык»; «I Ching» 易经 yìjīng «Книга Перемен»; «Тао

Те Ching» 道德经 dàodé jīng «Книга пути и достоинства»; «Yuju» 豫剧 yùjù «опера», «pipa» 琵琶 pípa «музыкальный инструмент пипа»;

- философия: «Tao» или «Taoism» 道 / 道教 dào / dàojiào «дао» или «даосизм»;
- экономика: «township enterprises» 乡镇企业 xiāngzhèn qì yè «сельские предприятия»;
- политика: «yamen» 衙门 yámén «правительственные учреждения»; «running dogs» 走狗 zǒugǒu «лакеи» (букв. ‘бегающие собаки’); «peaceful rising» 和平崛起 hépíng juéqǐ «мирное возвышение»;
- наука и техника: «abacus» 算盘 suànpan «абака» («китайский традиционным вычислительный инструмент»).

Интересным представляется рассмотреть термин «taikonaut» «тайконавт» – сложносочиненное слово, полученное посредством сложения китайского слова 太空 tàikōng «космическое пространство» и греческого слова «navtu» [naftu] или «ναύτης» [náftis], изначальное значение «мореход», которое используется в современном английском языке как часть слова «astronaut» «астронавт». Англоязычные СМИ всё чаще используют именно этот новый термин «taikonaut» для обозначения китайских космонавтов. Отметим, что в китайском языке такого слова нет. По-китайски космонавт – это 太空人 tàikōng rén, 宇航员 yǔháng yuán или 航天员 hángtiān yuán, что означает «космонавт», «астронавт» или «работающий в космосе человек». Однако нельзя исключать, что в силу восприимчивости части китайского населения к калькированию и заимствованию англицизмов и его высокочастотному использованию, в том числе и в китайских СМИ, эта новая единица в скорректированной под китайское слоговое словообразование форме может войти и в китайский язык;

- ботаника: «gingko» 银杏 yínxìng «гингко»; «ginseng» 人参 rénshēn «женьшень»;
- биология: «panda» 熊猫 xióngmāo «панда»;
- национальные виды борьбы и связанные с ними дыхательные и смежные практики: «kung fu» 功夫 gōngfū «кунфу»; «tai chi» 太极拳 tàijí quán «тайцзицюань», «тайчи»; «sanda» или «sanshou» 散打 / 散手 sǎndǎ / sàn shǒu «саньда», «саньшоу»;
- мифология: «long» 龙 lóng «дракон»; «qilin» 麒麟 qílín единорог; «Kwan Yin» 观音 Guānyīn «Гуаньинь» (персонаж китайской мифологии);

- китайские концепции и практики: слова типа «feng shui» 风水 fēngshuǐ «фэншуй», «yinyang» 阴阳 yīnyáng «иньян» обозначают китайские концепции и практики, которые широко известны в англоязычном и русскоязычном мире и не требуют перевода;
- религия: «lama» 喇嘛 lāmá «лама»;
- праздники: «Spring Festival» 春节 chūnjié «Весенний фестиваль», т. е. «новый год по лунному календарю»;
- понятия и явления, воспринятые и перенесенные в англоязычную языковую среду с сохранением формы языка-донора: «brain-washing» 洗脑 xǐnǎo «промывание мозгов»; «kowitz» 磕头 kētóu «пресмыкаться»;
- Интернет: «online shoppers» 淘客 táokè «онлайн-покупатели», как сокращение от 淘宝客户 táobǎo kèhù, т. е. покупатели популярного китайского интернет-ресурса «Таобао»; «angry youth» 愤青 fènqīng «сердитая молодежь»; «digit head» 计算机迷 jìsuànjī mí «цифровая голова», т. е. «компьютерный фанат»; «knock off» 山寨 shānzhài «подделка», от китайского понятия, описывающего детей, имитирующих чужое поведение; «play hide and seek» 躲猫猫 duǒ māo māo «играть в прятки» (букв. 'прячущийся кот');
- Отдельно стоят имена собственные и производные от них понятия: «Confucius» 孔子 Kǒngzǐ «Конфуций»; «Confucianism» 儒家思想 rújiā sīxiǎng «Конфуцианство»; «Laozi» 老子 Lǎozǐ «Лаоцзы».

Краткие выводы

Резюмируя рассмотрение структуры и динамики процесса проникновения китайских слов в английский язык, акцентируем внимание на медленном, но неуклонно происходящем внедрении и закреплении в английском языке заимствований из китайского языка в форме слов и устойчивых выражений. Дальнейшее развитие связей англоязычных стран с Китаем будет и впредь приводить к непрогнозируемому, но неизбежному расширению массива таких китайских слов и выражений в английском языке. Если сравнить лексическое наполнение данного процесса в исторической ретроспективе с текущими тенденциями, то обращает на себя внимание, что именно незаполненные лексические и фразеологические лакуны являются направлением притяжения новых слов, словосочетаний и понятий.

Тем не менее процесс этот уже не идет теми же темпами, что на протяжении двух предшествовавших столетий, поскольку основные исторически и культурологически востребованные слова и понятия постепенно проникли из китайского языка в английский и, несмотря на свою «чужеродность» и фонетическую нетрадиционность, органично вошли в английский язык, который и в этом сложном процессе показал свою высокую универсальность и восприимчивость. Изложенные оценки тенденций данного процесса в то же время вовсе не исключают того, что новые направления разностороннего взаимодействия китайского и англоязычного обществ не способны удивить новыми заимствованиями, когда или если это будет актуально и востребовано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богаченко Н. Г.* История восточноазиатских заимствований в английском языке (На материале Большого Оксфордского словаря) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 270 с.
- Черемисина Т. И.* Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2017. Вып. 779. С. 114–132.
- Черемисина Т. И.* Особенности функционирования неассимилированных заимствований в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2006. Вып. 512. С. 208–216.
- Allen Ch.* Top English Phrases Borrowed from Chinese. 2012. URL : www.theworldofchinese.com/2012/09/the-top-10-english-phrases-borrowed-from-chinese.
- Borrowing.* Concise Oxford Companion to the English Language. URL : www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/borrowing.
- Cannon G.* Chinese Borrowings in English // American Speech. 1988. Vol. 63, No. 1. P. 3–33. URL : www.jstor.org/stable/455420?seq=1#page_scan_tab_contents.
- Chinese Loan Words in the English Language.* URL : www.yellowbridge.com/chinese/chineseloan.php.
- Chiu Lisa.* Ten English Words Borrowed from Chinese // ThoughtCo. : [сайт]. 01.03.2017. URL : www.thoughtco.com/english-words-borrowed-from-chinese-688248.
- Greene R. L.* Why so little Chinese in English? 06-06-2013. URL : www.economist.com/blogs/johnson/2013/06/language-borrowing.

- Kui Zhu*. On Chinese-English Language Contact through Loanwords // English Language and Literature Studies. 2011. Vol. 1, No. 2. URL : www.ccsenet.org/journal/index.php/ells/article/viewFile/13317/9189.
- List of English words of Chinese origin // Wikipedia : [сайт]. URL : en.wikipedia.org/wiki/List_of_English_words_of_Chinese_origin.
- Mair V.* Chinese loans in English. 2013. July 10 // Language Log : [сайт]. URL : languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=5127.
- Oxford English Dictionary : in 20 vols. / ed. by J. Simpson and E. Weiner. Second edition. Clarendon Press, 1989.
- Rooth B.* Words the English Language Has ‘Borrowed’ from Chinese. 2011. June 21. URL : www.englishtrackers.com/english-blog/words-that-the-english-language-has-borrowed-from-chinese/.
- Rosenfelder M.* English words from Chinese // The Metaverse : [сайт]. URL : www.zompist.com/chinawords.html.
- Shen Yingying*. Borrowed Words in English and Chinese Vocabulary // English Language Teaching. 2009. Vol. 2, No. 1. P. 62–67. URL : files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1082278.pdf.
- Xuan Liu, Lanqin Zhang*. On Chinese Loanwords in English // Theory and Practice in Language Studies. 2011. Vol. 1, No. 12. P. 1816–1819. ISSN 1799-2591.
- Wàilái cí (yǔ) 外来词(语). URL : baike.baidu.com/item/外来语2014.
- Yīngyǔ zhōng de wàilái cí 英语中的外来词. URL : wenku.baidu.com/view/0e3823743b3567ec102d8a9e.html.
- Yīng zhōng hànǔ 英中汉语. URL : baike.baidu.com/item/%E5%A4%96%E6%9D%A5%E8%AF%8D?fr=aladdin.

REFERENCES

- Bogachenko N. G.* Istorija vostochnoaziatskih zaimstvovanij v anglijskom jazyke (Na materiale Bol'shogo Oksfordskogo slovarja) : dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2003. 270 c.
- Cheremisina T. I.* Osobennosti dinamiki sovremennogo anglo-kitajskogo jazykovogo kontaktirovanija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. 2017. Vyp. 779. S. 114–132.
- Cheremisina T. I.* Osobennosti funkcionirovanija neassimilirovannyh zaimstvovanij v sovremenom anglijskom jazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. 2006. Vyp. 512. S. 208–216.
- Allen Ch.* Top English Phrases Borrowed from Chinese. 2012. URL : www.theworldofchinese.com/2012/09/the-top-10-english-phrases-borrowed-from-chinese.
- Borrowing. Concise Oxford Companion to the English Language. URL : www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/borrowing.

- Cannon G.* Chinese Borrowings in English // American Speech. 1988. Vol. 63, No. 1. P. 3–33. URL : www.jstor.org/stable/455420?seq=1#page_scan_tab_contents.
- Chinese Loan Words in the English Language. URL : www.yellowbridge.com/chinese/chineseloan.php.
- Chiu Lisa.* Ten English Words Borrowed from Chinese // ThoughtCo. : [сайт]. 01.03.2017. URL : www.thoughtco.com/english-words-borrowed-from-chinese-688248.
- Greene R. L.* Why so little Chinese in English? 06-06-2013. URL : www.economist.com/blogs/johnson/2013/06/language-borrowing.
- Kui Zhu.* On Chinese-English Language Contact through Loanwords // English Language and Literature Studies. 2011. Vol. 1, No. 2. URL : www.ccsenet.org/journal/index.php/ells/article/viewFile/13317/9189.
- List of English words of Chinese origin // Wikipedia : [сайт]. URL : en.wikipedia.org/wiki/List_of_English_words_of_Chinese_origin.
- Mair V.* Chinese loans in English. 2013. July 10 // Language Log : [сайт]. URL : languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=5127.
- Oxford English Dictionary : in 20 vols. / ed. by J. Simpson and E. Weiner. Second edition. Clarendon Press, 1989.
- Rooth B.* Words the English Language Has ‘Borrowed’ from Chinese. 2011. June 21. URL : www.englishtrackers.com/english-blog/words-that-the-english-language-has-borrowed-from-chinese/.
- Rosenfelder M.* English words from Chinese // The Metaverse : [сайт]. URL : www.zompist.com/chinawords.html.
- Shen Yingying.* Borrowed Words in English and Chinese Vocabulary // English Language Teaching. 2009. Vol. 2, No. 1. P. 62–67. URL : files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1082278.pdf.
- Xuan Liu, Lanqin Zhang.* On Chinese Loanwords in English // Theory and Practice in Language Studies. 2011. Vol. 1, No. 12. P. 1816–1819. ISSN 1799-2591.
- Wàilái cí (yǔ) 外来词(语). URL : baike.baidu.com/item/外来语2014.
- Yīngyǔ zhōng de wàilái cí 英语中的外来词. URL : wenku.baidu.com/view/0e3823743b3567ec102d8a9e.html.
- Yīng zhōng hàn yǔ 英中汉语. URL : baike.baidu.com/item/%E5%A4%96%E6%9D%A5%E8%AF%8D?fr=aladdin.

УДК 81'42

И. В. Беляева, Э. Г. Куликова

Беляева И. В., доктор филологических наук, доцент;
профессор кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций
Южно-Российского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
e-mail: irinabelyeva23234@mail.ru

Куликова Э. Г., доктор филологических наук, профессор;
заведующая кафедрой русского языка и культуры речи
факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ); e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ МОРФЕМ КАК ИЛИМИНИРОВАНИЕ ЛАКУН: «ИНГОВЫЕ» ФОРМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

«Инговые» формы в русском языке, как заимствованные, так и образованные на базе русских корней, рассматриваются в статье как элиминирование лексических (семантических), грамматических (словообразовательных) и стилистических лакун. Такой подход позволяет объяснить особую востребованность этих форм, их витальность и продуктивность. Опора на идеи лакунарности, проблема о мере использования иноязычных слов делает непродуктивными рассуждения о «засилье англицизмов».

Ключевые слова: морфема; заимствование; лакуна; лакунарность; элиминация лакунарности; грамматические лакуны; перевод; ассимиляция.

I. V. Belyaeva, E. G. Kulikova

Belyaeva I. V., Doctor in Philology, Associate Professor,
Professor of the Chair of Foreign Languages and Speech Communications
of the South Russian Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration; e-mail: irinabelyeva23234@mail.ru

Kulikova E. G., Doctor in Philology, Professor, Head of the Chair
of Russian Language and Speech Culture, Faculty of Linguistics and Journalism,
Rostov State University of Economics (RINH); e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

THE BORROWING OF MORPHEMES AS GAPS ELIMINATION: “ING” FORMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

“Ing” forms in the Russian language, both borrowed and formed on the basis of Russian roots, are considered in the article as elimination of lexical (semantic),

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00016.

grammatical (word-formation) and stylistic lacunae. This approach allows to explain the special demand for these forms, their vitality and productivity. Reliance on the idea of lacunarity, the problem of the extent of the foreign words use makes argumentation about the “dominance of anglicisms” unproductive.

Key words: morpheme; borrowing; lacuna; lacunarity; elimination of lacunarity; grammatical lacunae; translation; assimilation.

Введение

Во многих работах последнего времени и прежде всего в трудах М. Н. Эпштейна высказывалась мысль о том, что для русского языка последних десятилетий пагубно не столько массированное заимствование англо-американизмов, сколько полное отсутствие «встречного движения» – словообразования на базе исконных морфем [Эпштейн 2016]. В связи с этим представляется интересным анализ «инговых» форм в русском языке – как заимствованных, так и образованных с помощью хорошо освоенного суффикса *-инг* и собственно русского материала, при том что последние чаще всего имеют игровой характер. В. П. Григорьев находил тему инговых форм «серьезной и проблемной» [Григорьев 2005].

Наша гипотеза состоит в следующем: продуктивность таких образований связана с тем, что они фактически заполняют системные ячейки, иначе говоря, могут быть рассмотрены как элиминирование грамматико-словообразовательных и эмотивных лакун.

Лексические и грамматические заимствования

Причины лексических заимствований достаточно очевидны: как писал еще Э. Сепир, при наличии культурного заимствования обязательным становится и соответствующее заимствование слов [Сепир 1993]. Уникальность современной коммуникативной и культурной ситуации состоит в том, что социально-экономические условия, сложившиеся в современной России, способствуют тому, что российское общество активно использует новые заимствования. По мнению К. С. Захватаевой, это привело «к изменению функционального статуса английского языка: впервые за период четырехвековой истории англо-русских языковых связей английский язык берет на себя функцию, которую для литературных языков Европы всегда выполнял древнегреческий язык, и претендует на роль перстрата, являясь

важным донором неолексем в сфере духовной культуры, науки и техники» [Захватаева 2013].

Естественно, что далеко не все исследователи согласны с таким заключением относительно роли английского языка для отечественной лингвокультуры, но в любом случае лавинообразное заимствование из него в русский язык есть факт очевидный (причем речь может идти о разных типах заимствований – о калькировании, заимствовании речевой стратегии и т. д.). Очевидно и то, что именно англицизмы играют ведущую роль в формировании «языкового вкуса эпохи» и игрового характера современных медийных текстов.

Тенденция к глобализации во всех сферах жизни предопределила новый «пик номинативности» для русского языка – период, когда особенно ощутима потребность в новых номинациях, главным образом – английского происхождения. По понятным причинам наибольшее воздействие испытывает на себе лексический уровень. Многие исследователи обратили внимание на обилие в этом потоке «инговых дериватов». Как указывает А. И. Дьяков, слова на *-инг* доминируют среди других по суффиксальному признаку, их более полутора тысяч [Дьяков 2013]. Они разнообразны по тематической принадлежности и различны по степени семантической освоенности – от давно известных и широко употребительных до ограниченных профессиональной сферой или игровой функцией. Закономерно, что они привлекают особое внимание российских и зарубежных ученых: Абраева (2014), Боброва (1982), Григорьев (2005), Гуторова (2015), Дьяков (2013), Сешан (1996), Соёлсурен (2003) и др. Этим образованиям свойственна ускоренная русификация: они сразу оформляются в кириллическом варианте написания, минуя макароническую стадию.

Если считать, что самый открытый для заимствований – лексический уровень, то самый стабильный – грамматический (морфологический).

Характерно, что именно этот постулат становится основополагающим для формирования сравнительно-исторического направления в языкознании, так как только соответствие грамматических форм (которое не может быть результатом заимствования) признавалось самым важным аргументом в пользу родства языков. Однако всё-таки существуют отдельные факты грамматических заимствований. Полного заимствования всей грамматической парадигмы с

ее формантами, конечно, не может быть, но заимствование тех или иных отдельных морфем из одного языка в другой вполне реально. Например, отдельные форманты множественного числа в английском языке, заимствованные из латинского, такие как в формах *alumnae, criteria, phenomena* и т. п., в русском языке это экзотизмы типа *барбудос, милицианос, командос, чиканос, герлз, маринз, мачетерос*, где конечный согласный передает значение множественности (как в языке-этимоне). В стихах Е. Евтушенко есть даже противопоставление (грамматическая антитеза) форм *барбудо* (ед. ч.) – *барбудос* (мн. ч.) [Астен 2003]. Конечно, число таких примеров невелико, однако показателен сам факт возможности выражения грамматической семантики иноязычными элементами, в то время как обычно при заимствовании слово приобретает грамматические показатели языка-рецептора.

Иноязычная морфема начинает участвовать в образовании новых слов не сразу, а в результате длительной ассимиляции в языке-рецепторе, когда увеличивается способность деления заимствованных слов на морфемы в языке-рецепторе. Процесс приобретения элементами, стоящими в постпозиции к корневой морфеме, статуса суффикса называют суффигованием (лат. *suffixus* – *прикрепленный*). Статус посткорневых элементов в иноязычных словах остается предметом дискуссий из-за отсутствия словообразовательной функции у морфов, которые появились в русском языке в составе заимствованных слов. Традиционно считается, что морфема не является вычлняемой, если в языке нет формальной и семантической образующей основы.

Как известно, система словообразовательных морфем русского языка включает и суффиксы иноязычного происхождения *-дром, -ист, -тек, -арий*. По сути речь идет не о прямом заимствовании: по мере усиления членимости основ заимствований, суффиксы приобрели способность служить для образования русских слов, т. е. можно говорить о том, что такие суффиксы прошли постепенный путь морфемизации. Существительные на *-инг* появились в русском языке 300 лет назад, но даже в 1990-х гг. эта морфема не осознается «в качестве самостоятельной словообразовательной единицы в связи с нечленимостью заимствований на *-инг*» [Сешан 1996, с. 46]. Однако мощный поток новых заимствований такого типа, а также массовое образование неологизмов на базе русских корней изменили ситуацию.

Для вычленения и дальнейшей русификации суффикса существенны следующие факторы: во-первых, широкое знакомство с соответствующим иностранным языком; это база, которая приводит к «интенсивности языкового мышления» [Соёлсурен 2003]; во-вторых, это внушительный массив заимствований с соответствующим формантом (что дает осознание регулярности и суффиксального характера этих формантов). Особенно важно, что инговые образования можно соотнести с основными типами значений, которые в русском языке выражаются суффиксами. Суть в том, что вместе со словом заимствуется и его членение на морфемы, однако это возможно при определенных условиях. Еще С. И. Ожегов в 1947 г. показал, как иноязычный формант *-аж* приобретает статус суффикса, объясняя это наличием устойчивого русско-французского двуязычия в России XIX в. [Ожегов 1947]. Аналогично обстоит дело с оформлением суффикса *-инг*: наличие в языке слов с одним и тем же формантом способствует, при наличии родственных однокорневых слов, к выделению этих слов, а затем и к заимствованию. Решающая роль в этом принадлежит развитию русско-английского билингвизма, в условиях которого суффиксальность форманта *-инг* в английском языке имеет решающее значение: распространение английского языка позволяет осознать суффиксальный характер *-инг*, что позволяет впоследствии образовывать новые слова такого типа на русской почве [Соёлсурен 2003]. Интересно, что в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой *-инг* толкуется как «нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом» [Ефремова 2000, с. 202].

Заимствованным суффикс можно считать в том случае, когда он станет не только выделяемым, но и освоенным словообразовательной системой заимствующего языка, иначе говоря, если с его помощью от исконных слов будут образованы новые слова. Одно дело, когда справедливо было положение: слова на *-инг* редко могут служить образцом для новообразований, таких случаев зафиксировано очень мало [Боброва 1982], и иное дело – нынешний массив неологизмов на *-инг*, позволяющий говорить о приобретении этим формантом классифицирующего значения, присущего морфемам как двуплановым (имеющим план выражения и план содержания) единицам языка.

Конечно, существует традиция, согласно которой считается неправомерным перенесение в словообразовательную систему одного языка связей и соотношений из другого. Однако в условиях стойкого двуязычия это положение вряд ли справедливо.

«Инговые» заимствования как элиминация различных типов лакун

Сущность понятия «лакуна» чаще всего определяется как «пробел, нехватка элемента, отсутствие единицы или формы», «отсутствие какой-либо единицы в одном языке при ее наличии в другом», «пустая клетка в системе именования», «виртуальная единица, занимающая место в языковой системе», «слово, словосочетание, грамматическая категория, бытующие в одном из сравниваемых языков и не встречающиеся в другом». Исследователи справедливо отмечают логическую неудовлетворительность многих определений лакуны и даже сомневаются в научной значимости понятия «межъязыковая лакуна» [Савицкий 2013]. Думаем, однако, что отсутствие безупречного определения, которое могло бы стать общепринятым, не отменяет важности и самого понятия лакуны, и соответствующего направления (лакунологии). В конце концов многие базовые единицы языка не имеют общепризнанных дефиниций. Понятие межъязыковой лакуны перспективно для многих прикладных сфер, прежде всего для переводоведения, где очень важно соотнести то, что в одном языке – «отдельности», а в другом – «пустоты», несигнализируемые участки. Недаром само учение о лакунах родилось в рамках теории перевода и межкультурной коммуникации.

В языке-этимоне инговые единицы – это отглагольные существительные, действительные причастия и формы герундия. Английская словообразовательная модель «глагол + *-ing*» подходит для передачи таких значений, как процесс и результат действия, инструмент и результат действия, собирательность и некоторых других. Появились такие единицы, для которых мотивирующей основой являются не глаголы, а существительные, причем суффикс *-ing* придает субстантивам процессуальную семантику «выполнение действия, имитирующего объект, называемый производящей основой» [Дьяков, Скворецкая 2013, с. 182]. Дьяков и Скворецкая обратили внимание на то, что этот суффикс (в русском языке) указывается и в лексикографии:

-инг – словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом (трéнинг). По мнению В. П. Григорьева, «-инг уже вполне готов к двойному гражданству» [Григорьев 2005].

«Инговое цунами» иногда вызывает известное недоумение и (как и вообще англо-американизмы) осуждение (*Полный шокинг. Русский язык подвергли тюнингу*), это «модное поветрие», а значит, как всё модное, недолговечно. Но в весьма репрезентативном «Словаре модных слов» Вл. Новикова зафиксирована всего одна единица такого типа – *рейтинг* [Новиков 2016]. В этом словаре отмечено слово *троль*, однако, по нашим наблюдениям, более востребована сегодня форма от этого корня *троллинг*. Но в любом случае, оказывается, что не мода или престиж, неотделимый от моды, главная причина популярности этих форм (об их модности или престижности можно говорить только в общем плане, т. е. как о свойстве вообще всех англицизмов).

«Глобальный вопрос – нужны ли нам заимствования? – по большому счету не имеет смысла; спорить можно о конкретных словах – о том, можно ли без них обойтись, и если нет, то как их использовать», – пишет И. А. Лобанов [Лобанов 2013, с. 74]. Действительно, нужно ли, например, русскому языку слово *буллинг* (не путать с *буулингом*)? Ср.:

Ни один школьник не застрахован от буллинга. Слово *буллинг* прочно вошло в наш лексикон, но незаметно, чтобы с этим явлением велась активная борьба. Раньше это называлось простым словом *травля*. Но обязательно совершаемая группой лиц. Школы боятся признать факт буллинга, вместо того чтобы бороться с этим явлением (*Версия, 2018, № 47*).

Итак, преимущество англицизма – компактность, точность и семантическая емкость, недостаток – чуждость большинству носителей русского языка (хотя автор статьи пишет, что слово прочно вошло в наш лексикон, однако считает нужным прокомментировать его значение, сопоставить с исконным многозначным, а потому семантически нечетким словом *травля*, т. е. вводит его в текст как недостаточно ассимилированное).

Показательна история освоения русским языком слова *шопинг*. Всего 12 лет назад в юридической статье утверждалось, что рекламу

«Вас ждет отличный шопинг» следует признать ненадлежащей, нарушающей п.1 статьи 5 «Закона о рекламе», поскольку иноязычное слово может вводить в заблуждение, исказить смысл информации [Некрасова 2007]. В свое время было высказано немало негодующих оценок по поводу «засорения» русского языка: ведь есть свои слова – покупки, поход в магазин за покупками [Брусенская, Куликова 2016]. Но в том-то и дело, что своих слов для передачи необходимого смысла нет (и не могло быть). В русском языке постперестроечного времени образовалась лакуна: значение (семема) есть, а средства его выражения нет. Дело в том, что культура шопинга возникает в середине XIX в. в США и Западной Европе, когда появились супермаркеты, а привычка к шопингу становится важной приметой общества потребления. В России же ни в XIX, ни даже в XX в. ничего подобного не было. Только с конца XX в. шопинг стал играть важную роль для большинства жителей России: в каждом российском городе появилось множество торговых центров, которые предлагают не только огромный выбор товаров, но и многочисленные развлечения. *Шопинг* стало обозначать именно «процесс покупки, посещение торгового центра» – иногда как «главное занятие» и даже «образ жизни» (отсюда слова *шопоголик, шопоголизм*), т. е. словом *шопинг* элиминируются и семантическая, и грамматическая лакуны (поскольку русское «покупки» не имеет значения процесса, а девербатива типа *покупание в русском языке нет).

Важно отметить, что опора на идеи лакунарности меняет взгляд на традиционную проблематику. Ср. показательное название статьи «Заполнение лакун русской тематической группы “финансовая и коммерческая деятельность” англоязычными заимствованиями» [Коротких 2009], т. е. «вечная» проблема о мере использования иноязычных слов предстает под иным углом зрения, делает непродуктивными рассуждения о «засилье англицизмов», неуместными сожаления о «порче» родного языка в эпоху глобализации.

В. П. Григорьев, очевидно, первым указал на важную причину распространенности «инговых» форм: «инговые» формы более динамичны, экономны, они короче русских аналогов. В сущности, русские девербативы порой оказываются «тяжелыми», громоздкими. Несмотря на то, что и сам В. П. Григорьев отмечает при этом, что «слоговая экономия как довод сама по себе слабовата» [Григорьев 2005],

думаем, что это одна из главных причин популярности инговых форм. Русские адвербиальные имена относятся преимущественно к книжной, письменной сфере и мало пригодны для жанров, ориентированных на разговорную стихию. Более того, русские тяжеловесные девербативы порождают «канцелярит» в худших его проявлениях. Ср., как иронизировал К. И. Чуковский по поводу девербативов на месте глаголов – *нерассмотрение заявления*, причем находил иронические замечания о подобных формах у классиков: *влетение и разбитие стекол вороною* (Писемский); *изгрызение плана оною мышами* (Герцен); *неприлепление марки* (Чехов) [Чуковский 1990, с. 592]. О «метастазах канцелярита» (с не менее яркими примерами девербативов) упоминает Нора Галь [Галь 2018]. О бесчисленных «номинализациях» (абстрактных девербативах), с помощью которых устраняется субъект действия в тоталитарном дискурсе, писали П. Серио, А. Вежбицкая, Г. Г. Хазагеров и многие другие. Очевидно, что всех этих характеристик лишены инговые образования. Таким образом, инговые формы, в известном смысле, есть элиминация и стилистических лакун.

Конечно, из этого вовсе не следует, что «инговые» образования обладают безусловной уместностью. Ср. иронические заметки М. Задорнова:

В одном городе на мойке написано «Мойкинг». Где-то я видел надпись «Туалетинг». Точняк, как в Крыму в период его украинского расцвета было написано «Верблюдинг». Скудоумки считают, что это круто (М. Задорнов «Англовирус»).

«Если в английском бóльшая часть “инговых” единиц образована от глаголов, то в русском языке можно отметить регулярный сдвиг в значении, поскольку многие из них образованы от русских существительных», то есть «они как бы поручают иноязычному суффиксу обозначать процессуальную континуальность» [Дьяков, Скворецкая 2013, с. 183], причем этот суффикс сохраняет графическое и фонетическое тождество, что позволяет легко вычленять его в подобных словах.

Группа «инговых» образований не просто растет количественно. Старые формы приобретают новые значения: в речи молодежи *митинг* теперь ничего общего не имеет с «маршем несогласных», так обозначается любая дружеская встреча. Общеизвестные слова с суффиксом *-инг* нередко переосмысляются (*лифтинг* = катание на лифте).

Итак, важная позиция состоит в том, что это суффикс, актуализирующий наблюдаемую процессность, и в этом смысле «инговые» формы могут быть квалифицированы как элиминация грамматической (словообразовательной) лакунарности. Слова на *-инг* не развивают значения «производитель (или носитель) действия (признака)», но многие инговые образования отмечены одновременно значениями процессуальности и предметности (слова типа *мониторинг, брендинг, кастинг, рейтинг, лифтинг* процессуальны и предметны одновременно, семы предметности, деятельности, а в случае с *рейтинг, мониторинг, брендинг* и сема систематического применения в них одинаково активны). Ср.:

Егор отметил, что не может подчиняться жесткому таймингу (*Экспресс-газета, 14 января 2019 г.*).

– Да, Боширов и Петров – наглый троллинг Терезы Мэй и всех прочих. Маленький русский шутка (*Собеседник, 2018, № 36*).

Она психолог и зарабатывает на жизнь видеоблогингом, обучая мужчин и женщин разным секретам (*Экспресс-газета, 2019, № 1*).

Раньше я думал, что профсоюз – это такое замыкание классового мышления, – говорит Леонид. – Но потом начал посещать семинары по профсоюзному органайзингу и понял, что это и есть первоначальная организация, с которой надо начинать (*Новая газета, 5 декабря 2018 г.*).

Авиакомпании пытаются запретить овербукинг.

Российские авиакомпании вслед за своими западными коллегами стали активно практиковать так называемый овербукинг, продавая на рейс заведомо больше билетов, чем мест в самолете. Мы летели из Новосибирска и как раз попали на овербукинг (*Версия, 2019, № 1*).

Так что остается схема с вечным лизингом (*Новая газета, 11 января 2019 г.*).

На открывшейся на этой неделе сессии Госдумы спикер Володин заявил, что одним из приоритетов будет блок законопроектов, посвященных цифровой экономике, законы о цифровых финансовых активах, о цифровых правах, о краудфандинге (*Советская Россия, 12 января 2019 г.*).

Размышляя о «светлом будущем инговых форм», В. П. Григорьев указывал на их богатые возможности в области личных имен: «...как славно слова *распутье, распутица* и образ Г. Е. Распутина

могли бы сойтись в словце *распутинг*, богатом и семами, и соблазнам и его применения в полит- и элитсферах. Если *махизм*, *марксизм-ленинизм*, *ельцинизм* показали нам личные имена в борьбе мировоззрений и установок, то и *-инг* не должен оказаться лишцем перед *-щиной* или ласкательными суффиксами, свободными в своих именных пристрастиях» [Григорьев 2005]. Однако, по нашим наблюдениям, «инговые» формы не пошли этим путем, очевидно подсказываемым семантикой и прагматикой суффикса. Для передачи эмотивности в сфере личных имен по-прежнему продуктивны антономасии на базе множественного числа, но никак не образования на *-инг*. Другое наблюдение В. П. Григорьева – о том, что сложные стили поэзии равнодушны к экспериментам с инговыми формами, по-видимому, совершенно справедливо и для наших дней: областью неологизмов на *-инг* остаются медиа, беллетристика и устные жанры. Ср.:

Если мужчина начал контролировать ваш шопинг, начните контролировать его саунинг (О. Кушанашвили. *Я и Путин... Как победить добро*. 2018).

Подобные образования являются мощным средством усиления комической экспрессии и создания иронической модальности, особенно в текстах пародий и анекдотов, таким образом добавляя яркие оттенки в изобразительно-выразительные средства языка-рецептора. С. В. Ильясова и Л. П. Амири приводят извлеченные из СМИ слова, типа *покупинг*, *объегоринг*, *подаринг*, *свалинг* [Ильясова, Амири 2009].

Как пишет Н. С. Гуторова, выразительны инговые образование от пейоративных обозначений, характеризующих криминальную российскую действительность: *лохотронинг*, *распилинг*, *откатинг* [Гуторова 2016]. Ср. анекдоты:

Факторинг, лизинг, банкинг, консалтинг, франчайзинг, маркетинг, трейдинг – несуществующие формулы ведения бизнеса в России.

Их всех заменяет откатинг!

Керлинг – это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу [Гуторова 2016].

Интересно, что иногда используется и такой прием: для воссоздания русского молодежного сленга английскими буквами используется русский глагол (часто фазисный), потом глагол, к которому

прибавляется английский суффикс: *начали **govoriting*** (говорение), *перестали **plevating*** (плевание), ***mordobiting*** (мордобитие) и др. Таким образом, высокая степень комбинаторной свободы сформировала у «инговых» форм в русском языке множество функций, и эти функции свойственны только им.

Заключение

Таким образом, заимствования с «инговым» суффиксом, как и сам английский суффикс, с помощью которого появилась возможность актуализировать наблюдаемую процессность, оказались чрезвычайно важны для системы современного русского языка. Единицы с этим суффиксом могут быть квалифицированы как элиминированные лакуны на лексическом и грамматическом (словообразовательном) уровнях. В ряде случаев оказывается, что инговые образования элиминируют и стилистические лакуны. Именно этими обстоятельствами определяется «витальность» и продуктивность образований с суффиксом *-инг*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абраева М. Г.* Семантико-словообразовательное и функциональное своеобразие имен существительных с иноязычным суффиксом *-инг* // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1177–1179. URL : moluch.ru/archive/63/10115/ (дата обращения: 26.03.2019).
- Астен Т. Б.* Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты : монография. Ростов-н/Д : РГЭУ (РИНХ), 2003. 260 с.
- Боброва А. В.* Имена существительные на *-инг* в русском языке (происхождение и функционирование) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 310 с.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г.* Экологическая лингвистика : монография. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 182 с.
- Галь Н.* Слово живое и мертвое. М. : Эксмо, 2018. 352 с.
- Григорьев В. П.* Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке // TextOnly.ru : сетевой журнал. 2005. Вып. 013. URL : www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html (дата обращения: 9.04.2019).
- Гуторова Н. С.* Аксиология языковых заимствований в контексте лингвистической экологии (на материале современных англо-американизмов) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2016. 171 с.
- Дьяков А. И., Скворецкая Е. В.* Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2013. № 4. С. 180–186.

- Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. : Русский язык, 2000. 636 с.
- Захватаева К.С.* Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2013. 186 с.
- Ильцова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта, 2009. 296 с.
- Коротких Е. Г.* Заполнение лагун русской тематической группы «финансовая и коммерческая деятельность» англоязычными заимствованиями // Лагунарность в языке, картине мира, словаре и тексте : Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2009. С. 56–66.
- Некрасова И. В.* Правовое регулирование рекламы // Адвокат. 2007. № 7. С. 87–97.
- Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М. : Словари XXI века, 2016. 352 с.
- Ожегов С. И.* Существительные на -аж в русском языке // Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 31–42.
- Савицкий В. М.* Онтология языковых лагун // Вестник МГОУ. 2013. № 2. С. 1–18. URL : www.evestnik-mgou.ru/.
- Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. С. 26–203.
- Сешан Ш.* Существительные на -инг – символ американской языковой экспансии? // Русская речь. М., 1996. №3. С. 46–49.
- Соёлсурен Баасанжав.* Иноязычные слова с заимствованными суффиксами в современном русском языке: на материале слов с суффиксами -аж, -ер, -инг : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
- Чуковский К. И.* Живой, как жизнь // Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. С. 467–652.
- Эпштейн М. Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

REFERENCES

- Abraeva M. G.* Semantiko-slovoobrazovatel'noe i funkcional'noe svoeobrazie imen sushhestvitel'nyh s inozazychnym suffiksom -ing // Molodoj uchenyj. 2014. № 4. S. 1177–1179. URL : moluch.ru/archive/63/10115/ (data obrashhenija: 26.03.2019).
- Asten T. B.* Analizizm v morfologii imeni: kognitivnyj i pragmaticheskiy aspekty : monografija. Rostov-n/D : RGJeU (RINH), 2003. 260 s.
- Bobrova A. V.* Imena sushhestvitel'nye na -ing v russkom jazyke (proishozhdenie i funkcionirovanie) : dis. ... kand. filol. nauk. M., 1982. 310 s.
- Brusenskaja L. A., Kulikova Je. G.* Jekologicheskaja lingvistika : monografija. M. : FLINTA : Nauka, 2016. 182 s.

- Gal' N.* Slovo zhivoe i mertvoe. M. : Jeksmo, 2018. 352 c.
- Grigor'ev V. P.* Svetloe budushhee «ingovyh form» v russkom pojeticheskom jazyke [Jelektronnyj resurs] // TextOnly.ru : setevoj zhurnal. 2005. Vyp. 013. URL : www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html (data obrashhenija: 9.04.2019).
- Gutorova N. S.* Aksiologija jazykovyh zaimstvovanij v kontekste lingvisticheskoj jekologii (na materiale sovremennyh anglo-amerikanizmov) : dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-n/D, 2016. 171 c.
- D'jakov A. I., Skvoreckaja E. V.* Suffiks -ing zavoevyvaet svoi pozicii v russkom slovoobrazovanii // Sibirskij filologicheskij zhurnal. Novosibirsk. 2013. № 4. S. 180–186.
- Efremova T. F.* Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka. M. : Russkij jazyk, 2000. 636 s.
- Zahvataeva K. S.* Anglijskie zaimstvovanija v sovremennom russkom jazyke: semanticheskij aspekt : dis. ... kand. filol. nauk. Vladikavkaz, 2013. 186 s.
- Il'jasova S. V., Amiri L. P.* Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. M. : Flinta, 2009. 296 c.
- Korotkih E. G.* Zapolnenie lakun russkoj tematicheskoi gruppy «finansovaja i kommercheskaja dejatel'nost» anglojazychnymi zaimstvovanijami // Lakanarnost' v jazyke, kartine mira, slovare i tekste : Mezhevuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2009. S. 56–66.
- Nekrasova I. V.* Pravovoe regulirovanie reklamy // Advokat. 2007. № 7. S. 87–97.
- Novikov Vl.* Slovar' modnyh slov. Jazykovaja kartina sovremennosti. M. : Slovarei HHI veka, 2016. 352 s.
- Ozhegov S. I.* Sushhestvitel'nye na -azh v russkom jazyke // Doklady i soobshhenija filol. f-ta MGU. M., 1947. Vyp. 3. S. 31–42.
- Savickij V. M.* Ontologija jazykovyh lakun [Jelektronnyj resurs] // Vestnik MGOU. 2013. № 2. S. 1–18. URL : www.evestnik-mgou.ru/.
- Sepir Je.* Jazyk // Sjepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M. : Progress, 1993. S. 26–203.
- Seshan Sh.* Sushhestvitel'nye na -ing – simvol amerikanskoj jazykovoi jekspansii? // Russkaja rech'. M., 1996. №3. S. 46–49.
- Sojolsuren Baasanzhav.* Inojazychnye slova s zaimstvovannymi suffiksami v sovremennom russkom jazyke: na materiale slov s suffiksami -azh, -er, -ing : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2003. 24 s.
- Chukovskij K. I.* Zhivoj, kak zhizn' // Soch. : v 2 t. M. : Pravda, 1990. T. 1. S. 467–652.
- Jepshtejn M. N.* Ot znanija – k tvorcestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenjat' mir. M. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 480 s.

УДК 81

А. Э. Левицкий, Доу Чуньяо

Левицкий А. Э., доктор филологических наук; профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: andrelev@list.ru

Доу Чуньяо, соискатель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: baolisi007@yandex.ru

ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Статья посвящена изучению представлений о *возрасте* в китайской лингвокультуре, в частности во фразеологии. Объектом исследования являются средства вербализации концепта «возраст» во фразеологизмах. Материалом для проведения лингвокультурологического анализа и эксперимента в форме анкетирования послужили десять фразеологических единиц с семантикой 'возраст'. Цель работы заключается в описании культурной семантики данных фразеологизмов и выявлении их роли в лингвокультуре с позиции носителей китайского языка. Способом экспериментального исследования является анкетирование носителей китайского языка. Результаты анкетирования дают основание определить семантику и роль данных фразеологических единиц в современном китайском лингвосоциуме и их социальную маркировку, в частности связанную с гендерной маркированностью.

Ключевые слова: возраст; фразеологизм; китайская лингвокультура; лингвокультурологический анализ.

A. E. Levitsky, Dou Chunyao

Levitsky A. E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: andrelev@list.ru

Dou Chunyao, applicant of the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: baolisi007@yandex.ru

AGE OF A HUMAN BEING MIRRORED IN LINGUOCULTURE

This article deals with the study of the concept of AGE in Chinese linguoculture and its reflection in phraseology. The subject of research is the concept of AGE and the ways of its representation in phraseological units. The material for the linguocultural analysis and further experiment includes ten phraseological units with the semantics of 'age'. The aim of the paper is to characterize the linguistic and cultural semantics of the above-mentioned phraseological units and identify their role in linguoculture from the perspective of native Chinese speakers. The method of experimental research

is the questioning of representatives of the Chinese linguoculture. The results of the survey provide a basis for determining the recognition of the data of phraseological units in modern Chinese linguocommunity and their social labeling, in particular, related to gender marking.

Key words: age; phraseological unit; Chinese linguoculture; linguo-cultural analysis.

Введение

Основными методами, обосновывающими культурную значимость фразеологизмов и их роль в концептуализации знаний о возрасте, являются лингвокультурологическое описание и экспериментальное исследование. Лингвокультурологическое описание фразеологизмов с семантикой 'возраст' заключается в последовательном анализе фразеологизмов как знаков языка и культуры, в выявлении у них культурной информации, в интерпретации семантики фразеологизмов сквозь призму стереотипов, символов, мифологем и прескрипций культуры. Экспериментальное исследование, осуществленное в китайском лингвосоциуме, обнаруживает соответствие словарных данных значениям ФЕ в языковом сознании носителей китайской культуры – участников анкетирования; описание эксперимента показывает значимость фразеологии, в частности, социальной маркировки и культурных коннотаций относительно возраста. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов предполагает широкий охват образов и культурно значимых смыслов, так или иначе связанных с осмыслением возраста; анкетирование важно для определения когнитивной релевантности культурной значимости фразеологизмов, для выявления того, как они воспринимаются носителями языка. Кроме того, эксперимент позволяет получить ответы на следующие вопросы: 1) как китайцы делят жизнь человека на возрастные этапы? 2) является ли представление о возрасте гендерно маркированным?

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с семантикой 'возраст'

Проведем анализ десяти фразеологизмов с семантикой 'возраст', которые составили материал для проведения анкетирования.

Фразеологизм 驹齿未落 (букв. 'молочные зубы у молодой лошади не выпадают') обозначает «тех людей, кто еще молод» [汉语成语大词典 2014, с. 591].

此儿驹齿未落，已是我家龙文 – У этого мальчика молочные зубы еще не выпадают, но он уже стал Лун Вэн нашей семьи [汉语预料库 URL].

Данное выражение отражает представление китайцев о молодом человеке, наивном и неопытном. В основе образа данной единицы лежит соположение «лошадь – человек». Молочные зубы – первые зубы у людей. Выпадение молочных зубов представляет собой нормальное физиологическое явление во время роста человека. Образ фразеологизма также создается с помощью этого физиологического явления.

Следующий фразеологизм 豆蔻年华 (букв. 'в периоде расцвета ребристого амомума') – перифрастическое обозначение возраста 13–14 лет (только о девушках); в современном китайском языке данный фразеологизм также обозначает девушку, которой 15–16 лет [汉语成语大词典 2014, с. 297].

讲她年纪，正是豆蔻年华；讲她容貌，真是洛神风韵 – Что касается ее возраста, она находится в периоде расцвета ребристого амомума. Что касается ее внешнего облика, у нее (есть) изящная фигура [汉语预料库 URL].

Слово 豆蔻 (*ребристый амомум*) является цитатой из стихотворения «Подарить на прощанье» великого китайского поэта ДУ МУ во время правления династии Тан (618–907 гг.):

«娉娉袅袅十三余，豆蔻梢头二月初» – девушка, у которой внешний облик прекрасный и поведение изящное; находится в возрасте 12–14 лет; бутон ребристого амомума расцветает в начале февраля.

Ду Му пишет: «Ребристый амомум таит в себе бутон в начале февраля» и сравнивает девушку 12–14 лет с расцветающим ребристым амомумом.

Фразеологизм 聚沙之年 (букв. 'в годы, когда играешь в песочнице') служит для обозначения детства [汉语成语大词典 2014, с. 598].

儿童喜欢玩泥沙，因此用“聚沙之年”来称儿童时代 – Дети любят играть в песок, и поэтому китайцы обозначают детство с помощью фразеологизма «в годы, когда играешь в песочнице» [汉语预料库 URL].

Фразеологизм в целом выражает стереотипное представление о детстве как периоде жизни, для которого характерна игровая деятельность.

Следующий фразеологизм 枯木朽株 (букв. 'гнилой ствол и трухлявый пенёк') – 1. старый и непригодный человек, 2. ослабевшая сила [汉语成语大词典 2014, с. 622].

科舉这个在古代决定读书人命运的重要制度, 成了枯木朽株 – Кэцзюй как важная система в Древнем Китае, которая решила судьбу молодых ученых, уже стала гнилым стволом и трухлявым пнем [汉语预料库 URL].

Когда фразеологизм употребляется в первом значении, его образ создается метафорическим уподоблением к плохому физическому состоянию старого человека; фразеологизм передает стереотипное представление китайцев о плохом физическом состоянии старых людей, их близости к смерти, однако эвфемизмом не является. Когда же он употребляется во втором значении, его образ связан с древнейшей формой осознания мира – анимистической, т. е. олицетворяющей неживое. Тропеическим основанием фразеологизма является олицетворение объектов «предметного» мира, приписывающее свойства живого человека неживым предметам.

Фразеологизм 旷夫怨女 (букв. 'немолодой холостяк и незамужняя женщина') – «о тех, кто уже не молодой, но пока не вступает в брак, т. е. о тех, кто уже вышел из возраста вступления в брак» [汉语成语大词典 2014, с. 629].

我不知道这两个“黑话”的语源, 但我能感到旷夫怨女们那一份冰冷的心态 – Я не знаю, откуда этот жаргон, но я чувствую холодное психологическое душевное состояние немолодых холостых и незамужних женщин [汉语预料库 URL].

С точки зрения этимологии, китайский фразеологизм 旷夫怨女 (букв. 'немолодой холостяк и незамужняя женщина') впервые употреблен в «Король Хэй» Менция «内无怨女, 外无旷夫». В книге «Король Хэй» Менция советует королю и правительству страны хорошо относиться к народу. Население страны должно увеличиться, и это представляет собой важную проблему в ее развитии. Фразеологизм 旷夫怨女 (букв. 'немолодой холостяк и незамужняя женщина') в целом отображает стереотипное представление об одиноких немолодых мужчинах и женщинах с неудачно сложившейся личной судьбой, с несостоявшейся семейной жизнью.

Фразеологизм 龙驹凤雏 (букв. 'детеныш дракона и птенец феникса') является обозначением красивых молодых людей с большим талантом [汉语成语大词典 2014, с. 681].

令郎真乃龙驹凤雏，未来不可限量 – Ваш сын действительно детеныш дракона и птенец феникса, у него безграничное будущее [Национальный корпус китайского языка. URL].

Образ данного фразеологизма создается на основе зооморфной метафоры компонентами 龙 (дракон) и 凤 (феникс). С древних времен китайцы поклонялись дракону и фениксу. Дракон представляет собой мифологическое существо и характеризуется непостоянством и символизирует достоинство. Рептилии и млекопитающие являются основными объектами слияния с драконом, из-за чего дракона и называют «царем зверей» [张洪萍 2010, с. 45]. Феникс представляет собой мифологическое существо и характеризуется сохранением добродетели и символизирует красоту. Птицы являются основными объектами слияния с фениксом, поэтому феникс также называется «царем птиц» [там же, с. 46]. Дракон – это символ императора, а феникс – это символ императрицы.

Единица 菊老荷枯 (букв. 'цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли') обозначает пожилую женщину, красота которой уже поплёкла [汉语成语大词典 2014, с. 592].

我已经是菊老荷枯的人了 – Я уже стал человеком, который находится в возрасте, когда цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли [汉语预料库 URL].

В основе образа фразеологизма лежит аналогия «увядание цветов – старость женщины». В китайской лингвокультуре и классической литературе женщина с цветами следует, как тень за телом. Хризантема и лотос обладают богатой символикой. Цветы хризантемы символизируют идеальную женщину с точки зрения китайских мужчин, которая ведет себя степенно, является нежным, находчивым и активным человеком. Цветы лотоса в китайской культуре характеризуются чистотой и изыском. Они символизируют высшие моральные качества, идеальную личность, чистую и красивую женщину. Фразеологизм в целом обозначает стереотипное представление о старой женщине.

Следующая единица 鹤发鸡皮 (*букв.* 'волосы журавля и кожа курицы') описывает старых людей с белыми волосами и грубой кожей [汉语成语大词典 2014, с. 458].

他已经很老了，可以说鹤发鸡皮 – Он уже старый; можно сказать, что он уже находится в таком возрасте, когда у него волосы журавля и кожа курицы [汉语预料库 URL].

Образ фразеологизма восходит к древнейшим оппозициям «старый – молодой», «внешнее – внутреннее». Журавль в китайской культуре связывается с представлением о бессмертном бытии; кроме того, перья у белого журавля похожи на белые волосы у стариков, поэтому журавль в китайской культуре является символом долголетия [孙文政 2013, с. 26]. Данный фразеологизм представляет собой метафорический перенос с внешнего вида животных на облик человека.

含苞待放 (*букв.* 'цветочный бутон скоро расцветет') обозначает «молодость девушки» [汉语成语大词典 2014, с. 441].

天井里立着两株高大的桂树，中间有一个长方形的花坛，上面三株牡丹正在含苞待放 – Во внутреннем дворе стоят два коричневых дерева. В промежутке внутреннего двора находится художественная кадка для цветов. В художественной кадке для цветов есть три древовидных пиона, которые скоро расцветут [汉语预料库 URL].

Образ данного фразеологизма восходит к древнейшим оппозициям «старый – молодой», «мужчина – женщина». Распускающаяся цветочная почка символизирует молодую девушку.

Фразеологизм 龟年鹤寿 (*букв.* 'продолжительность жизни черепахи и журавля') обозначает долгожителя [汉语成语大词典 2014, с. 430].

祝您龟年鹤寿 – Желаю Вам такой продолжительности Вашей жизни, какая продолжительность жизни у черепахи и журавля [汉语预料库 URL].

Как указано выше, журавль в китайской культуре – символ бессмертия. Образ черепахи также широко распространен в культуре, в том числе и в религии, и мифологии различных народов. Черепахе и журавлю приписывается легендарное долголетие. Фразеологизм указывает на долголетие.

Экспериментальное исследование

Участники эксперимента

50 китайских студентов института китайского языка Уханьского университета (мужчин – 17, женщин – 33, возраст – 18–23).

Содержание анкеты

В анкете по каждому фразеологизму испытуемым задавались три вопроса: 1) Знаете ли вы, что значит этот фразеологизм? 2) Какой период жизни человека этот фразеологизм обозначает? 3) Этот фразеологизм описывает мужчин или женщин? Испытуемые должны были заполнить анкету без словаря в течение 20 минут.

Анализ результатов эксперимента

Таблица 1

Фразеологизмы	Количество испытуемых, которые знают / не знают значения данных единиц	Какой период жизни человека обозначает этот фразеологизм?	Кого описывает этот фразеологизм – мужчин или женщин?
驹齿未落 молочные зубы у молодой лошади не выпадают	Знают: 47 Не знают: 3	Детский: 7 Подростковый и юношеский: 40	О мужчинах и женщинах: 47
豆蔻年华 в периоде расцвета ребристого амомума	Знают: 50 Не знают: 0	Детский: 25 Подростковый и юношеский: 50	О женщинах: 50
聚沙之年 в годы, когда играешь в песочнице	Знают: 40 Не знают: 10	Детский: 38 Подростковый и юношеский: 7	О мужчинах и женщинах: 40
枯木朽株 гнилой ствол и трухлявый пенёк	Знают: 45 Не знают: 5	Старый: 45	О мужчинах и женщинах: 45

Фразеологизмы	Количество испытуемых, которые знают / не знают значения данных единиц	Какой период жизни человека обозначает этот фразеологизм?	Кого описывает этот фразеологизм – мужчин или женщин?
旷夫怨女 немолодой холостяк и незамужняя женщина	Знают: 41 Не знают: 9	Совершеннолетний: 25 Средний: 35 Старый: 10	О мужчинах и женщинах: 41
龙驹凤雏 детеныш дракона и птенец феникса	Знают: 43 Не знают: 7	Детский: 19 Подростковый и юношеский: 40	О мужчинах и женщинах: 43
菊老荷枯 цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли	Знают: 41 Не знают: 9	Средний: 10 Старый: 41	О женщинах: 41
鹤发鸡皮 волосы журавля и кожа курицы	Знают: 49 Не знают: 1	Старый: 49	О мужчинах и женщинах: 49
含苞待放 цветочный бутон скоро расцветет	Знают: 50 Не знают: 0	Детский: 7 Подростковый и юношеский: 50	О женщинах: 50
龟年鹤寿 продолжительность жизни черепахи и журавля	Знают: 50 Не знают: 0	Старый: 50	О мужчинах и женщинах: 50

По каждому фразеологизму число испытуемых, знающих значение фразеологизма, больше, чем тех, кто его не знает. Кроме того, они правильно определили, какой период жизни человека эти фразеологизмы обозначают. Эксперимент показал, что ряд фразеологизмов может обозначать два различных периода жизни человека, например, фразеологизм 豆蔻年华 (букв. 'в периоде расцвета ребристого амому-ма') описывает и девочку, и девушку.

Заключение

Отобранные фразеологизмы с семантикой 'возраст' и культурные коннотации, которые они содержат, реконструирует представления

китайцев о возрасте человека. Китайцы разделяют жизнь человека на детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, средний возраст и старость. Некоторые китайские фразеологизмы обладают гендерной маркированностью, например, единицы 豆蔻年华 (букв. 'в периоде расцвета ребристого амомума'), 含苞待放 (букв. 'цветочный бутон скоро расцветет') и 菊老荷枯 (букв. 'цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли') описывают только женщину. Остальные единицы не маркированы по гендерному принципу.

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов на основе словарных данных и экспериментальное исследование их отражения в языковом сознании носителей китайского языка развивает теорию и методологию лингвокультурологического направления во фразеологии и позволяет глубже изучить представления о том или ином понятии, о способах его концептуализации средствами фразеологии. Проведенное исследование поможет в дальнейшем определить изоморфизм и алломорфизм в обозначении возраста человека носителями русской и китайской лингвокультур, сопоставить образы детства, юности, молодости, зрелости и старости по данным фразеологии русского и китайского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 汉语成语大词典. 北京: 商务印书馆. 2014年 [Большой фразеологический словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2014. 1186 с.].
- 孙文政. 中国鹤文化的结构及其主要特征[J]. 《理论观察》, 2013年第2期. 25–26页 [Сун Вэньчжэн. Структура и основные характеристики китайской культуры о журавлях // Теория наблюдения. 2013. № 2. С. 25–26].
- 张洪萍. 从英汉对龙、凤的不同寓意看中西文化差异[J]. 大学英语, 2010年, 第7卷第2期 [Чжан Хунпин. О культурных различиях между китайской и западной культурами с точки зрения разных смыслов Дракона и Феникса в английском и китайском языках // Английский язык в университете. 2010. Т. 7, вып. 2. С. 45–47].
- 汉语预料库 [Национальный корпус китайского языка]. URL: ccl.pku.edu.cn/corpus.asp.

REFERENCES

- 汉语成语大词典. 北京: 商务印书馆. 2014年 [Bol'shoj frazeologicheskiy slovar' kitajskogo jazyka. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2014. 1186 s.].

- 孙文政. 中国鹤文化的结构及其主要特征[J].《理论观察》，2013年第2期. 25–26页 [Sun Vjen'chzhjen. Struktura i osnovnye karakteristiki kitajskoj kul'tury o zhuravljah // Teorija nabljudenija. 2013. № 2. S. 25–26].
- 张洪萍. 从英汉对龙、凤的不同寓意看中西文化差异[J]. 大学英语，2010年，第7卷第2期 [Chzhan Hunpin. O kul'turnyh razlichijah mezhdu kitajskoj i zapadnoj kul'turami s točki zrenija raznyh smyslov Drakona i Feniksa v anglijskom i kitajskom jazykah // Anglijskij jazyk v universitete. 2010. T. 7, vyp. 2. S. 45–47].
- 汉语预料库 [Nacional'nyj korpus kitajskogo jazyka]. URL : ccl.pku.edu.cn/corpus.asp.

УДК 811.373

А. В. Иволгин

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка; преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка и кафедры второго иностранного языка (секция испанского языка) Московского государственного лингвистического университета; e-mail: Xavok@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ЖАНРА «ПИСЬМО РЕДАКТОРУ»

В статье рассматривается письмо редактору как жанр журнальной публикации с целью выявления частотных схем актуального членения и соответствующих особенностей использования лексических средств. Контекстуально и статистически проанализированы 30 писем редактору, опубликованных в журнале «Economist» с сентября по декабрь 2018 года и 35 писем редактору, опубликованных в газете «Daily Telegraph» за тот же период. Результаты исследования показали зависимость коммуникативных моделей и лексической окраски текста от типов авторской аргументации, а также от объема текста.

Ключевые слова: коммуникация; аргументация; тема; рема; стратегия; структура; модель; обмен; письмо; журнал.

A. V. Ivogin

PhD student, Department of English Lexicology of the Faculty of English, lecturer at the Department of English Stylistics of the Faculty of English and the Department of Second Foreign Languages (Spanish section), Moscow State Linguistic University; e-mail: Xavok@yandex.ru

FEATURES OF THE COMMUNICATIVE STRUCTURE OF THE JOURNAL PUBLICATION OF THE GENRE “LETTER TO THE EDITOR”

The article considers the letter to the editor as a genre of journal publication for determining recurrent schemes of sentence actual division present therein, and the corresponding features of using lexical means. The article provides a contextual and statistical analysis of 30 letters to the editor published in The Economist and 35 letters published in The Daily Telegraph from September to December 2018. The research showed the dependence of employed communicative models and lexical means on the types of the author's argumentation and the text's overall size.

Key words: communication; argumentation; theme; rheme; strategy; structure; model; exchange; letter; journal.

Введение

Публицистические тексты на политическую тематику позволяют нам в полной мере оценить важность аргументативной и идеологической составляющих политического дискурса, которые направлены на трансформацию политического сознания реципиента и ярко выражены в самобытном и развивающемся под влиянием современных информационных технологий и онлайн-коммуникации жанре письма редактору. Представляя собой отклик читателя издания на опубликованную в нем статью, этот жанр характеризуется определенными лексико-семантическими особенностями, которые мы исследовали в предыдущей статье, посвященной письмам редактору; кроме того, мы выделили три наиболее частотные стратегии аргументации, реализуемые авторами рассмотренных текстов: *обозначение позиции по обсуждаемому вопросу, реализация субъективной модальности и каузальная атрибуция*.

Учитывая бесспорное влияние жанровых особенностей на коммуникативную структуру текста, *гипотезой* настоящей работы является наличие в письмах редактору разнообразного актуального членения предложений и сверхфразовых единств, предусматривающего особый выбор автором языковых средств.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена значимостью политического дискурса в лингвистических исследованиях в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы. Нам представляется целесообразным проведение многоаспектного исследования наиболее релевантных публицистических жанров политической направленности с учетом взаимосвязи между несколькими разделами языкознания: лексикологией, стилистикой и лингвопрагматикой.

Цель исследования – установить системы функциональных соответствий между различными уровнями языка в текстах рассматриваемого жанра. Ее реализация предполагает выполнение следующих *задач* при проведении анализа писем редактору:

- 1) выявить модели актуального членения предложения и определить частоту встречаемости каждой модели;
- 2) выявить типы распределения сверхфразовых единств;
- 3) определить спектры использованных лексических средств и соотнести их с параметрами, проанализированными согласно поставленным задачам;

- 4) соотнести выявленные модели актуального членения с использованными в письмах редактору стратегиями авторской аргументации.

Модели актуального членения предложения в письмах редактору

Мы проанализировали 30 писем редактору, опубликованных в журнале «Economist» с сентября по декабрь 2018 года и 35 писем редактору, опубликованных в газете «Daily Telegraph» за тот же период. Исследованные тексты посвящены актуальным для Великобритании и США проблемам (Brexit, движение #MeToo), а их авторами является широкий круг лиц, среди которых присутствуют бизнесмены, врачи, руководители общественных и аналитических организаций, а также дипломаты и политики. Выборка репрезентативна в отношении объема публикаций, характеризующего политику издания: письма редактору в журнале «Economist» содержат не менее одного абзаца (минимально – три полных предложения), в то время как газета «Daily Telegraph» предоставляет большую свободу выражения мыслей, и 11 из 35 проанализированных текстов этого издания составляют одно – два полных предложения или одно эллиптическое предложение; тем не менее, как будет указано далее, не в ущерб семантической и коммуникативной плотности.

В ходе исследования мы использовали такие общенаучные методы, как *индукция*, *дедукция*, *анализ* и *синтез*. Для получения полноценных и верифицируемых выводов были применены *статистический метод* и *метод контекстного анализа*.

Последовательное расположение темы и ремы

Данная модель может быть представлена с помощью схемы $T_1 - R_1 - T_2 (=R_1) - R_2$ и позволяет автору последовательно переходить от одного положения своей аргументации к другому, создавая неразрывное коммуникативное пространство. Рассматриваемая модель является наиболее часто используемой, так как из проанализированных 65 писем редактору она в том или ином виде реализуется в 60; в то же время всего в 24 письмах из 65 (37 %) схема является преобладающей, что объясняется значительным объемом данных писем и наличием в них развернутой аналитики.

На лексическом уровне последовательное расположение темы и ремы характеризуется *лексическим повтором* ключевых слов или словосочетаний, составляющих рему первого предложения и тему второго, соответственно:

...the second-round run-off will be between Mr Bolsonaro and Fernando Haddad ... Mr Haddad's campaign is being masterminded by... (*The Economist, September 29, 2018*).

...the General Agreement on Tariffs and Trade, which morphed into *the WTO* in 1995. *The WTO* currently has more than 160 member-countries... (*The Daily Telegraph, November 18, 2018*).

Частотность рассматриваемой модели подразумевает отсутствие выраженного спектра лексических средств, характерных для содержащих ее писем редактору; тем не менее в упомянутых выше 24 письмах редактору, в значительной мере опирающихся на эту модель, стоит отметить использование ограниченного круга языковых средств, в первую очередь *окрашенной лексики* и *метафор*:

...devolved administration... (*The Economist, September 15, 2018*).

...least-worst candidate... (*The Economist, September 29, 2018*).

...Chequers should have started *the alarm bells ringing*... (*The Daily Telegraph, November 16, 2018*).

Theresa May has been trying to *steamroller* through a 'deal' ... (*The Daily Telegraph, November 16, 2018*).

Обратное расположение темы и ремы

Будучи представленной в виде схемы $R_1 - T_1 - R_2(=T_1) - T_2$, модель наблюдается в 11 письмах из 65 (17 %), однако является центральной лишь в 5 из них. Обратная тема-рематиическая структура реализует нетипичное для английского языка смещение наиболее релевантной информации в конец высказывания посредством применения *инверсии*, что усиливает аргументативное воздействие на читателя:

...With additional resources over several years, the new tax and welfare powers in the Scotland Act 2016, and the robust fiscal safety net..., it is doubly disappointing that the Scottish National Party have not developed more successful approaches... (*The Economist, September 15, 2018*).

Лексическое наполнение обратной модели актуального членения подразумевает вкрапление *иронического компонента*, актуализированного в тексте с помощью резкой смены семантического поля:

No deal and a return to monarchy, *with a new royal yacht*, is the answer (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

Последовательная корреляция темы и ремы

Схема $T_1 - R_1 - T_1 - R_2 - T_1 - R_3$ характеризует 3 публикации из 65 (5 %), направленные на дедуктивное исследование вопроса – в теме предложения автор выделяет общую проблему или пункт критики в отношении автора оригинала, а затем в рамках разбивает эту проблему на составляющие части, в том числе с использованием *лексического повтора*:

A *travesty* of a negotiation has resulted in a *travesty* of a draft agreement, all managed by a *travesty* of a prime minister (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

Тем не менее в письмах редактору с использованием этой модели может быть и более богатый выбор лексических средств, в том числе и на основе анафорических отсылок с использованием личных (*he, she, they*) или указательных (*this, these, that, those*) местоимений:

...*The governments of Russia, China and Pakistan* are well-known for their official arbitrariness and grave human-rights violations. We should expect that *they* would abuse Swiss data ... *The tax authorities in Russia*, for example, have made life hard for those who support liberal causes... (*The Economist*, November 24, 2018).

В случаях когда автор стремится избежать лексических повторов при рассмотрении различных, но смежных аспектов одной проблемы, он обращается к *перифразу*, который вводит в текст отсылки к британским и американским реалиям и наделяет его значительным лингвокультурным потенциалом:

...the fruits of liberalism... (*The Economist*, October 20, 2018).

...liberal gift... (*The Economist*, October 20, 2018).

...Project Fear... (*The Daily Telegraph*, October 31, 2018).

Параллельная связь темы и ремы

Данный тип представляет собой более глубокий и разветвленный вариант предыдущей модели, во многом перекликаясь с ней и представляя в виде схемы **T: T₁ – R₁ – T₂ – R₂ – T₃ – R₃**, где **T** выступает в роли «гипертемы» [Реферовская 1989]:

...Recruitment in the Scottish NHS is a problem, for numerous reasons. The devolved administration has failed to make it sufficiently attractive as a place to work. The rises in income tax and punitive levels of stamp duty on a family home are among the deterrents. The constant agitation for independence means that the number of skilled Scots leaving is not matched by great enough numbers moving in the opposite direction (The Economist, September 15, 2018).

Сходство данной схемы с предыдущей состоит в столь же явном выделении одного аспекта, от которого автор отталкивается в своей аргументации; отличие, в свою очередь, определяется большей семантической разреженностью – автор проводит связь общей проблемы со множеством вопросов, некоторые из которых не затрагивались в оригинальной публикации. Одновременно наблюдается использование *параллельных конструкций с бессоюзной связью между ними и приема перечисления*; таким образом, в этой схеме наряду с лексическими широко используются синтаксические средства. Подробность анализа проблематики оригинальной публикации делает данную модель менее частотной: она присутствует в 5 письмах редактору из 65 (8 %), но при этом доминирует в структуре этих текстов, вытесняя остальные типы актуального членения.

Симметричное чередование темы и ремы

Последовательность чередующихся тем и рем, встречающаяся в 17 письмах из 65 (26 %), используется для сообщения читателю информации, которая была, по мнению автора, упущена в оригинальной статье, и характеризуется вариативностью формы. В отдельных письмах редактору структура охватывает несколько тема-рематических связей (**T₁ – R₁ – T₂ – R₂ – T₃ – R₃**), обеспечивая смысловой переход от одного утверждения к другому в пределах одного предложения:

...I sat on committees negotiating British Standards Institution and EU standards, and was amazed at the lengths the French and Germans would go

to in order to *exclude perfectly safe and usable British products* by making *only their inferior products compliant...* (*The Daily Telegraph*, October 31, 2018).

Другие варианты этой модели фокусируются на отдельных элементах ($T_1 - R_1 - R_2 - T_1$); приведенный пример демонстрирует использование структуры, объединяющей начало и конец развернутого высказывания в единое целое:

...*Mrs May's behaviour at the Cabinet meeting was disgraceful ... It is time for democracy to re-emerge in government after the bullying tactics and secrecy used by Mrs May...* (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

Значительная семантическая плотность данного типа актуального членения обеспечивается рядом лексических средств, среди которых стоит выделить *оценочные глаголы*:

...if it strays too far from what the public will support its power will *evaporate* (*The Economist*, September 29, 2018).

Кроме того, здесь наблюдаются *фразеологические единицы*:

...The second option of accepting the draft, *so as to put it to bed*, is the ostrich approach... (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

Наконец, коммуникативный обмен с читателем устанавливается посредством особой формы *лицетворения*, «оживляющего» не отдельные концепты или явления, но общий фон, детали которого становятся темой письма; тем самым читатель воспринимает Brexit, движение #MeToo или Европейский союз как одушевленные силы, воплощением которых являются отдельные чиновники и политики

...the idea that '#MeToo needs a path towards atonement or absolution' is *a bit tone deaf...* (*The Economist*, October 11, 2018).

...Two years wasted, while *Europe has laughed in our face* (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

Асимметричная связь темы и ремы

Данная модель содержит наибольшее количество тематических и рематических компонентов в линейной последовательности. Она

обладает множеством вариантов реализации и может быть представлена частным примером $R_1 - T_1 - T_2 - R_2 - R_3 - T_3 - T_4 - R_4$:

...Did it not occur to you that if these allegations remain unproven, and are possibly merely part of an ends-justify-the-means campaign of the women's movement, that you have done women who have actually been violated great harm?... (The Economist, October 11, 2018).

Публикации, содержащие этот вид тема-рематического членения, немногочисленны (4 письма редактору из 65, или 6 %), но интересны выраженным эмоциональным откликом автора письма на оригинальную статью: суть авторской мысли содержится не только в основном предложении, но и в значительном количестве вставных конструкций и придаточных предложений, что повышает семантическую плотность высказывания и сообщает читателю наибольшее количество сжатых коммуникативных интенций, при этом делая текст более сложным для восприятия.

Распределение сверхфразовых единств в письмах редактору

Для понимания особенностей коммуникативной структуры рассматриваемого жанра мы также обратились к понятию сверхфразового единства, представляющего собой серию взаимосвязанных предложений, отвечающих одному семантически законченному высказыванию [Реферовская 1989]. Следует отметить важные характеристики данного образования: сверхфразовое единство, как и отдельное предложение, содержит тему и рему, однако в нем они имеют более развернутый характер; кроме того, смена одного сверхфразового единства другим маркирована изменением структуры предложения. Мы выделили несколько схем распределения сверхфразовых единств в рассмотренной выборке с учетом жанровых особенностей писем редактору, в числе которых следует выделить их направленность на прямой коммуникативный обмен с автором оригинальной публикации, а также ограниченный объем.

Из 30 писем редактору, состоящих из двух и более абзацев, в 26 используется наиболее регулярная модель распределения сверхфразовых единств, согласно которой эти структуры *совпадают с абзацным членением текста*:

... This calls to mind the infamous Dolchstoss...through which the Nazis and their extreme-right predecessors sought to blame socialists and Jews for Germany's defeat in the first world war.

In reality, the political twists in Berlin came about almost entirely because of the dire military situation... (*The Economist*, November 24, 2018).

Несомненное удобство разделения смысловых групп по абзацам как для продуцента, так и для реципиента дискурса обуславливает тот факт, что частота встречаемости данной схемы не зависит от использованных автором тема-рематических моделей или от объема каждого письма. В свою очередь, сверхфразовые единства в рамках этой схемы выполняют различные функции в зависимости от формы и содержания. Так, практически равный объем двух сверхфразовых единств может быть использован автором письма для одновременного смыслового противопоставления и введения в текст *метафорических конструкций*, принадлежащих одной когнитивной области:

...With *no cards to play* whatsoever...we nevertheless achieved a very great deal...

By contrast, our own negotiators, with the will of the British people behind them and *a winning hand of cards*, have given away everything... (*The Daily Telegraph*, November 16, 2018).

В то же время различие в объеме сверхфразовых единств может применяться для выделения наиболее значимой, по мнению автора, информации, которая повышает семантическую плотность сжатого сверхфразового единства и позволяет включить в него такие языковые средства, как *составные лексические единицы*:

There is no such thing as no deal between the UK and the *soon-to-be rump* EU... (*The Daily Telegraph*, November 18, 2018).

Среди 30 писем редактору, содержащих два и более абзацев, оставшиеся 4 характеризуются «сдвинутой» *структурой сверхфразовых единств*, согласно которой первая половина единства приходится на конец одного параграфа, а вторая – на начало следующего:

...you asked whether *opportunity zones* are adequately targeted towards people and places truly in need of help?

It is an important question. However, the evidence that those in need have been targeted is substantial... (*The Economist*, December 1, 2018).

Подобная организация дискурса обеспечивает наиболее плавное перетекание друг в друга идей, высказанных в публикации, тем самым позволяя провести развернутый анализ положений автора оригинальной статьи и оказать аргументативное воздействие на читателя. Следует отметить, что, подобно предыдущей модели, данный эффект достигается за счет отношений противопоставления между двумя сверхфразовыми единствами: в первом автор ссылается на положения оригинальной публикации, в конце высказывая собственное мнение о них, а во втором – приводит собственную критику, таким образом реализуя *стратегию каузальной атрибуции*.

Наконец, из 35 писем редактору, составляющих один абзац, в 22 *сверхфразовые единства сжаты и по своему объему меньше абзаца*:

William Beveridge identified five giant evils in society: squalor, ignorance, want, idleness and disease. *In the last 70 years, these have been largely eliminated, but NHS costs spiral ever higher. To compound the problem, we are dependent on medical staff from poorer countries where there is a more acute need for their services. Surely this regime should be questioned (The Daily Telegraph, October 31, 2018).*

Подобные публикации содержат большое количество более мелких тем в составе одной большой темы либо носят выраженный эмоциональный характер, воздействуя на читателя в том числе резкой сменой фокуса внимания. При этом в рамках данного типа отдельную группу составляют *компактные сверхфразовые единства, выраженные последовательностью вопросительных конструкций* и наблюдаемые в тех частях рассмотренных текстов, которые содержат развернутые рассуждения, выходящие за рамки темы оригинальной публикации. Они используются авторами писем редактору для установления коммуникативного обмена с читателем, что особенно важно в политическом дискурсе [Аргашокова 2010; Куликова 2011; Тырыгина 2012], так как посредством вопросов создается риторический эффект, а также происходит смысловое сопряжение отдельных предложений и *обозначение позиции автора* дискурса по тому или иному вопросу:

I would be curious to know your thoughts on the relationship between liberalism and the world's great religions, which was missing from your essay. *Is sharia law incompatible with liberal thought? How about the Buddhist*

concept of enlightenment? Confucianism? All have extensive views about the individual and his role in society (*The Economist, October 20, 2018*).

...Many of today's liberals have lost their way and are changing the meaning of the word. *Who would have thought that liberals would champion the curtailment of free speech? That saying something that annoys others could be construed as a criminal offence? That anyone who disagrees with them would be dismissed as a fool or bigot?* (*The Economist, October 20, 2018*).

Заключение

Итак, жанр письма редактору характеризуется выраженными особенностями коммуникативной структуры, что, как и лексико-семантические черты рассматриваемого жанра, обусловлено необходимостью автора ориентировать свою публикацию в двух направлениях, вызывая конкретную реакцию реципиента-автора оригинальной статьи и оказывая влияние на политическое сознание реципиентов-читателей издания.

Авторы большинства писем редактору для достижения своих целей выбирают логическую аргументацию, обеспечиваемую последовательной моделью актуального членения, однако наибольшим аргументативным потенциалом обладают тексты, содержащие структуры последовательной корреляции и параллельной связи; присутствие асимметричных и чередующихся схем наблюдается в письмах, опирающихся на эмоциональную аргументацию. Следует отметить факт зависимости количества использованных моделей актуального членения от объема письма редактору: одна модель присутствует исключительно в текстах, составляющих одно предложение, в то время как все остальные проанализированные письма содержат две или более схемы.

В распределении сверхфразовых единств наблюдается упомянутая выше зависимость от объема всего текста, а также от коммуникативных намерений автора: в письмах, опирающихся на эмоциональную аргументацию, сверхфразовые единства совпадают с параграфами, а тексты, в которых присутствует «сдвинутая» схема распределения сверхфразовых единств, обладают наиболее плавным переходом между авторскими аргументами без использования союзной связи между предложениями и абзацами. В свою очередь, в большинстве сжатых

писем редактору, составляющих не более трех предложений и занимающих не более одного абзаца, сверхфразовые единства компактны либо реализованы в вопросительных конструкциях.

Рассматривая связь между коммуникативной структурой и лексическим наполнением писем редактору, следует сделать следующий вывод: тексты, опирающиеся на логическую аргументацию, содержат наименьшее количество окрашенной лексики, а состав той, что присутствует, достаточно однороден; более богатой лексической окрашенностью обладают письма, основанные на использовании обратных и асимметричных структур. В исследованной выборке наблюдаются и отклонения от указанной тенденции, обусловленные экстралингвистическими характеристиками – обстоятельствами публикации писем редактору и личностью авторов. Так, присутствие окрашенной лексики в аналитической статье указывает на желание автора воздействовать на читателя посредством лексического контраста либо апелляции к его культурным знаниям; кроме того, с ее помощью автор реализует субъективную модальность, давая краткую личную характеристику рассматриваемой проблемы, при этом не отклоняясь от критики автора оригинальной публикации. Кроме того, в сжатых письмах редактору заметна компенсация авторами доступной длины высказывания семантической плотностью: наблюдается большее количество риторических вопросов и других лексико-стилистических средств, в то время как актуальное членение нередко строится по обратной схеме, позволяющей акцентировать ключевую информацию в конце текста; тем самым автор также может не включать в свой отклик отдельный вывод.

Заслуживающую внимания категорию писем редактору с точки зрения коммуникативной структуры составляют те из них, которые построены на контрасте двух временных планов: они, как правило, разделены на два абзаца, в первом из которых рассматривается историческая ретроспектива какой-либо проблемы, а во втором – ее современное состояние, при этом две части письма радикально противоположны как в отношении актуального членения (в первой превалирует тема, во второй – рема), так и в обширности используемого ряда лексических и стилистических средств (часть письма, посвященная современности, гораздо более эмоционально окрашена).

Наконец, мы исследовали соотношение авторских стратегий аргументации и типов актуального членения предложения. *Стратегия*

обозначения позиции по обсуждаемому вопросу проявляется двумя способами в зависимости от коммуникативной структуры письма: в эксплицитной форме со ссылкой на оригинальную публикацию данная стратегия наблюдается в письмах с прямой последовательностью темы и ремы, в то время как имплицитное выражение позиции автора присутствует в большей степени в письмах редактору с обратной и асимметричной тема-рема-тематическими структурами. *Реализация субъективной модальности* наиболее полно проявляет себя в письмах редактору, базирующихся на эмоциональной аргументации. *Каузальная атрибуция* присутствует во всех типах, так как определение причин и следствий тех или иных явлений сочетается со всеми типами семантических связей между предложениями и внутри них.

Таким образом, коммуникативная структура жанра письма редактору в целом отражает характерные особенности политического дискурса, но в то же время характеризуется присущими только ему чертами, близкими к таковым у художественного стиля. При этом коммуникативные особенности – окрашенность лексики, актуальное членение, характер связи между аргументами, сочетание типов аргументации – определяются интенцией автора и размером письма редактору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргашокова С. Х. Дискурсивно-стилистические характеристики жанра «письмо редактору» (на материале англоязычного публицистического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010. 28 с.
- Козлова Е. А. Перлокуция в английском публицистическом дискурсе (на материале жанра «письмо редактору») // Гуманитарные исследования. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2012. Вып. 3 (43). С. 25–29.
- Куликова О. В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 376 с.
- Куликова О. В. Эвристические стратегии аргументативного дискурса // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 5 (638). С. 235–245.
- Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Ленинград : Наука, 1989. 168 с.
- Тырыгина В. А. «Letter to the editor»: реализация диалога в массмедийном дискурсе // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 6 (639). С. 249–258.
- Kulo L. Linguistic features in Political Speeches : Bachelor Thesis. Luleå University of Technology, 2009. 37 p.

REFERENCES

- Argashokova S. H.* Diskursivno-stilisticheskie harakteristiki zhanra «pis'mo redaktoru» (na materiale anglojazыchnogo publicisticheskogo diskursa) : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk, 2010. 28 s.
- Kozlova E. A.* Perlokucija v anglijskom publicisticheskom diskurse (na materiale zhanra «pis'mo redaktoru») // Gumanitarnye issledovanija. Astrahan' : Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2012. Vyp. 3 (43). S. 25–29.
- Kulikova O. V.* Lingvopragmaticheskie osnovanija teorii argumentacii (na materiale anglijskogo jazыka) : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2011. 376 s.
- Kulikova O. V.* Jevristicheskie strategii argumentativnogo diskursa // Vestnik MGLU. 2012. Vyp. 5 (638). S. 235–245.
- Referovskaja E. A.* Kommunikativnaja struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte. Leningrad : Nauka, 1989. 168 s.
- Tyrygina V. A.* «Letter to the editor»: realizacija dialoga v massmedijnom diskurse // Vestnik MGLU. 2012. Vyp. 6 (639). S. 249–258.
- Kulo L.* Linguistic features in Political Speeches : Bachelor Thesis. Luleå University of Technology, 2009. 37 p.

УДК 811.111-3:26

Е. В. Никонова

соискатель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка; старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета; e-mail: katjanik@mail.ru

ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ

В статье обосновывается необходимость лингвистического исследования компьютерной игры как особого типа полимодального текста. Описываются способы изучения языковой составляющей в современных исследованиях текстов игр различной направленности. Выявляются функции, выполняемые языковым компонентом на разных этапах взаимодействия пользователя с игрой: функция привлечения внимания, функция ознакомления с правилами виртуального мира, а также информирующая и инструктирующая функции.

Ключевые слова: компьютерные игры; языковая составляющая; полимодальный дискурс; языковое взаимодействие; функции языкового компонента.

E. V. Nikonova

Post-graduate student at the Department of lexicology of the English language, senior lecturer at the Department of linguistics and professional communication in the sphere of media technologies, Moscow State Linguistic University; e-mail: katjanik@mail.ru

FUNCTIONS OF THE LANGUAGE COMPONENT IN A COMPUTER GAME

The article substantiates the necessity of linguistic studies of a computer game as a special type of polymodal text. It also describes ways of studying the language component in contemporary research of texts in games of different genres and determines functions of the language component at various stages of game-user interaction: arresting attention, informing and instructing and the function of familiarization with the main rules of a virtual world.

Key words: computer games; language component; polymodal discourse; language interaction; language component functions.

Введение

Сегодня компьютерные игры являются формой организации досуга для 43 млн и более жителей Российской Федерации [Исследование

Mail.Ru Group 2016], т. е. примерно для одной трети населения страны, составившего 146,8 млн человек по состоянию на 1 января 2017 г. [Федеральная служба государственной статистики 2017].

Массовое распространение компьютерных игр само по себе является основанием для утверждения важности изучения языковых средств передачи информации в виде текста или устной речи внутри компьютерной игры. Необходимость подобного исследования также подтверждается ростом доли языковой составляющей в играх и изысканиями в данной сфере, которые не носят всеобъемлющего характера, но намечают пути дальнейшей разработки темы.

Цель данной статьи – описать существующие подходы к изучению языковой составляющей компьютерной игры и выявить функции текстовой информации на разных ступенях взаимодействия с игрой.

Материалом исследования является передаваемая с помощью вербальных средств информация, отображенная как в описаниях игр на сайтах, так и демонстрируемая игроку непосредственно на экране.

Исследование проводилось с помощью метода контекстуального анализа, описательного метода, а также метода семантико-стилистического анализа.

Отметим, что упомянутые в данной статье закономерности справедливы для всех жанров игр, поэтому мы не останавливаемся на типологии и лишь ограничимся упоминанием, что на данный момент преобладает следующая жанровая классификация: экшен, приключения, шутер, пазл, квесты, аркада, игры-симуляторы, стратегические игры, игры спортивные, логические, ролевые, обучающие и развивающие, компьютерные модели традиционных и настольных игр [Русакова, Преображенская 2010, с. 86].

Подходы к изучению языковой составляющей в компьютерной игре

Языковая составляющая является неотъемлемой частью игр любых жанров, даже «шутеров» (игр, в которых основной задачей игрока является устранение противника с помощью, как правило, огнестрельного оружия). Самым показательным примером увеличения доли языковой составляющей в демонстрируемой игроку на экране информации является пример «прародителя» всех трехмерных «шутеров» – «Wolfenstein 3D». В выпущенной в 1992 г. игре герой перемещался по

лабиринту из светло-серых кирпичных стен и расстреливал персонажей в форме нацистов. Текстовая составляющая была минимальной, видеовставок не было, что объяснялось уровнем развития технологий. Но выпущенная в 2014 г. игра «Wolfenstein: The New Order» уже включала в себя и видеоролики, и текстовые сообщения, общая продолжительность первых составляла более двух часов. Причем эти сцены демонстрировали в первую очередь диалоги персонажей.

Говоря о проводимых в данное время исследованиях, следует отметить, что большая часть опубликованных работ о компьютерных играх не увидела бы свет, если бы в игре использовались только визуальная и аудиальная составляющие с опорой на вторичные знаковые системы, а не первичные (естественный язык). Сам факт тесной связи всех составляющих игры свидетельствует о мультимодальности текста компьютерных игр, так как игра содержит в себе несколько семиотических кодов, для понимания которых необходима активация визуального и аудиального перцептивных каналов, что является главным признаком мультимодальности [Сорокина 2017].

Большая часть данных о предмете исследования черпается современными авторами из демонстрируемой игроку на экране устной речи (диалога персонажей) или текста, иначе было бы невозможно интерпретировать, например, суть экономической [Ермакова, Кралик, Баженов 2014], философской или мифологической [Тихонова 2009] составляющей игр.

При отсутствии текста в игре игрок может опознать лишь те явления, которые либо запечатлены в «коллективном бессознательном» (например, символы, мифологические мотивы), либо вытекают из опыта интерпретатора (жизненного или игрового), либо требуют от него осуществления достаточно примитивных действий по аналогии с совершенными ранее. Последний пункт иллюстрируют практически все головоломки, где надо выстроить фигуры в ряд или по три–четыре, чтобы убрать их с игрового поля; карточные пасьянсы и карточные игры; сбор картинок из элементов и др.

Хорошим примером того, что в понимании замысла игры могут помочь накопленный жизненный опыт и опыт примитивного социального взаимодействия, служат такие игры, как «Brothers – A Tale of Two Sons» или «The Sims». В первой коммуникация героев происходит с привлечением одних междометий, во второй используется

выдуманный создателями язык, но сюжет понятен и без его знания: игра «Brothers – A Tale of Two Sons» основана на сказочных мотивах, знакомых любому игроку – два брата должны найти лекарство для смертельно больного отца и отправляются в опасное путешествие; игра «The Sims» основана на взаимодействии персонажей друг с другом в рамках знакомства и достаточно примитивного общения. В случае, когда сюжетные мотивы включают в себя информацию из областей, не входящих в сферу знаний игрока, или действие происходит в полностью вымышленном мире, понимание замысла автора невозможно без опоры на языковую составляющую.

Когда для правильной интерпретации замысла требуются специальные знания, а языковой компонент отсутствует, то шансы на успешную расшифровку сообщения довольно малы. Так, для прохождения игры «Gris» (платформера, где управляемый игроком протагонист перемещается по экрану, текстовая составляющая ограничена надписями в меню – «Начать новую игру», «Загрузить игру», «Выход») требуются только навыки управления, а для понимания сюжета необходимы как информация из описания игры, так и поверхностные знания о «пяти стадиях принятия» в психологии (отрицание, гнев / озлобленность, торговля / стадия переговоров, депрессия, принятие / адаптация) [Кюблер-Росс 2001].

Игра состоит из пяти уровней, фон которых окрашен в разные цвета в соответствии с эмоциональным состоянием протагониста (для гнева выбран красный цвет), описание подтверждает замысел авторов:

Gris is a young girl lost in her own world, dealing with a painful experience in her life... As the story unfolds, Gris will grow emotionally and see her world in a different way...

Оформление игры, даже лишенной языковой составляющей, помогает увидеть, что ее характеристики соответствуют почти всем основным чертам, присущим художественному произведению, в их число входят образность, антропоцентризм, целостность, диалогичность, эмоциональность, экспрессивность, символичность, наличие образа автора [Югай 2008]. Игра поэтому может восприниматься как имитация жизни, так и способ художественного отображения реальности.

Именно в качестве художественного произведения и способа художественного осмысления реальности игра изучается сегодня, когда

ученые исследуют нарратив компьютерной игры: в их работах выступают как сюжетообразующий элемент сновидения [Зотов 2015]; описывается эволюция драматургических приемов компьютерной игры [Мошков 2011]; анализируются пространственно-временные характеристики виртуального нарратива, которые демонстрируют неразрывную связь с хронотопом реального мира [Самойлова 2017]; также проводятся исследования отдельных языковых явлений в играх. Например, язык индустрии компьютерных игр характеризуется включением в себя в почти равном соотношении лексем литературного языка, разговорно-просторечных элементов и жаргонизмов разной степени распространенности [Горностаев 2016]. Это утверждение достаточно спорно, когда мы говорим о текстовом наполнении игры, но более чем справедливо, поскольку цитируемое исследование посвящено в основном языку игроков в онлайн-игры.

В тексте компьютерных игр учеными выделяются отдельные стилистические приемы, например описывается функциональная роль метафор, «которые помогают открыть дополнительный контекст игры, говоря игроку о том, что компьютерная игра это не только управление виртуальным героем, но и передача чувств, эмоций, состояний и мыслей, вложенных создателем игры» [Борисова 2013, с. 5].

В статье Н. И. Ефимовой и Н. И. Моржанаева приведен список направлений исследования текста компьютерной игры [Ефимова, Моржанаев 2015]. Однако данная статья имеет декларативный характер и ограничивается перечислением языковых составляющих компьютерной игры как объекта изучения для разных областей лингвистики: художественный компонент авторы относят к сфере интересов стилистики текста, литературоведения и переводоведения; оформление интерфейса и сопроводительных документов представляет собой, с точки зрения авторов, интерес для прагмалингвистики и теории функциональных стилей, общение геймеров онлайн причисляется к объектам исследований лексикологии и социолингвистики. Однако эта статья в сочетании с другими трудами подтверждает тот факт, что языковая составляющая игр должна стать объектом серьезного изучения.

Прежде чем перейти к рассмотрению функций языковой составляющей на разных этапах интеракции пользователя с компьютерной игрой, необходимо заметить, что ученые, исследуя языковой компонент компьютерной игры, упускают из вида показательный тип

текстов – описание игр на сайтах интернет-магазинов или издателей и разработчиков игр. Ранее аналогичные описания размещались на упаковках дисков, на которых записывались игры, но сегодня доля продаж материальных копий игр значительно сократилась.

Функции языковой составляющей на разных этапах взаимодействия пользователя с игрой

Интеракцию пользователя с игрой и ее языковой составляющей можно условно разделить на доигровое (до активации программы) и игровое взаимодействие.

Доигровое взаимодействие может начаться не только с чтения описания игры на специализированном сайте или на упаковке игры. Иногда первым контактом с игрой можно считать просмотр трейлера игры. Трейлеры ряда игр включают в себя стартовую заставку и определенный отрезок геймплея длительностью в несколько минут, но для некоторых игр создаются кинематографические трейлеры, носящие рекламный характер. Они включают в себя слоганы, чьи основные функции – привлечение внимания и способствование запоминаемости игры, на первый план в них выходят активная роль игрока в происходящем и уникальность игрового опыта:

Charge into battle, ride into legend (*игра «Mount & Blade: Warband»*).
Take back what's yours (*игра «Dishonored 2»*).

При ознакомлении с описанием компьютерной игры становится заметно, что игра является неразложимой совокупностью текстовых сообщений и аудиовизуальных эффектов. Например, словосочетание в тексте описания «вид от первого лица» или «вид от третьего лица» не позволяет понять, каким будет визуальное оформление игры, представляющее важность для игрока. Поэтому можно утверждать, что в описаниях языковая составляющая лишь частично выполняет функцию информирования о самой игре и полностью – функцию информирования о системных требованиях к оборудованию игрока – эта информация всегда представлена исключительно в текстовой форме:

Game System Requirements:
OS: Windows XP/Windows Vista/Windows 7/Windows 8/Windows 10
CPU: 1.4 GHz

Анализ описаний двух игр с видом от первого лица – «Haunted Hotel: Personal Nightmare» и «What Remains of Edith Finch» – наглядно показывает, почему языковой компонент выполняет информирующую функцию наряду с визуальными средствами транслирования информации:

Haunted Hotel:
Personal Nightmare

After 20 years, you receive a letter about your missing *mom and sister*. *Answers are waiting at the Freedom Hotel*. When you arrive, you quickly find that nothing at the hotel is as it seems as your fears spring to life!

What Remains of Edith Finch

As Edith, you'll *explore the colossal Finch house*, searching for stories as she explores her *family* history and tries to figure out why she's the last one in her family left alive.

В приведенных выше отрывках нами отмечены семантические сходства в описаниях двух игр: оба протагониста должны исследовать большое заброшенное здание и узнать разгадку тайны, связанную с их семьей. При более близком приближении заметны различия – в игре «Haunted Hotel: Personal Nightmare» герою предстоит спасти членов своей семьи, а в игре «What Remains of Edith Finch» речь идет исключительно об исследовании истории семьи. Однако общая сюжетная канва похожа, в то время как оформление экранного пространства разительно отличается: «Haunted Hotel: Personal Nightmare» является игрой жанра *hidden object* с меньшей свободой действий протагониста, чем в игре «What Remains of Edith Finch», где протагонист перемещается по игровому экрану в пределах одной сцены в любом направлении, что создает больший эффект погружения.

Игровое взаимодействие после запуска программы можно разделить на три этапа: первый будет включать в себя просмотр заставки или видеоролика в начале игры; второй – *интеракцию с интерфейсом* (визуальным оформлением игрового меню и игрового экрана); третий этап подразумевает *взаимодействие с виртуальным миром*, в том числе с помощью выбора реплик в диалогах или за счет интерпретации сообщений, полученных во время игрового процесса из реплик персонажей или обнаруженных записей.

Частью интерфейса является и логотип разработчика игры, появляющийся на экране при каждом запуске программы перед заставкой,

демонстрирующей завязку сюжета. Языковое оформление логотипов само по себе представляет интерес, так как вид деятельности студии-разработчика иногда становится ясен благодаря либо названию студии, например «Mad head games, Erix games», либо графическому оформлению логотипа, когда в пиктограмме используется, например, изображение компьютерной мыши. Заставка может сопровождаться титрами с перечислением имен создателей игры. Пока что удалось установить один случай, когда это перечисление содержало указание на основной сюжетный поворот игры, а именно в предваряющих титрах «Hellblade Senua's Sacrifice» был указан *mental health advisor* (консультант по психическому здоровью), и косвенно титры указывали на то, что происходящее с героиней – отчасти или целиком плод ее воображения.

Еще один важный элемент интерфейса, задействующий языковую составляющую, – это «игровое меню», в котором перечислены команды для активации программы: *начать новую игру, загрузить сохраненную, выйти, изменить настройки*. Графическое оформление меню часто способствует передаче атмосферы виртуального мира (готический шрифт характерен для жанра ужасов). Порядок пунктов меню практически не варьируется: команда *Начать новую игру* или *Продолжить* находится слева (при перечислении команд одной строкой) или сверху (если команды выстроены колонкой), в конце списка – *Выход из игры*. Однако понять, какие функции программы (настройки, например, скорость отклика мыши или яркость) активируются при выборе пункта меню, можно лишь благодаря наличию игрового опыта или знанию языка, поэтому допустимо утверждать, что за счет языковой составляющей реализуется управление программой.

На первый взгляд, на этапе обучения и игрового взаимодействия языковой составляющей выполняется та же функция управления. Однако управляет игрок уже не программой, а протагонистом или игровым полем, изменяя виртуальную реальность. В начале игрока знакомят со способами интеракции с игровым экраном. Этап обучения может быть исключен из игры только при условии, что управление экраным пространством интуитивно понятно. Но если система навыков протагониста разветвлена, а набор действий по изменению окружающей виртуальной среды достаточно сложен, то языковой

компонент приобретает решающее значение, так как все умения описываются при помощи текстовых сообщений, как и функции тех или иных объектов игрового мира. Поэтому функция языкового компонента на этом этапе может быть названа функцией первичного знакомства с игровым пространством и его закономерностями.

Внутри игрового мира коммуникация основана на едином алгоритме: игрок реагирует на продемонстрированный стимул (появление противника на экране, получение новой информации о том или ином предмете, необходимом для выполнения задачи). Однако стоит заметить, что некоторые сообщения не относятся напрямую к ходу игры и достижению цели протагониста. К таким сообщениям относятся сведения общего характера об игровой вселенной или ценностные установки, транслируемые игроку.

Взаимодействие с другими персонажами происходит в процессе диалога, когда игрок должен выбрать вариант ответа или реакции в зависимости от избранного способа прохождения игры или понимания игровой ситуации. Все диалоги подобного плана в современных играх требуют высокой лингвистической компетенции.

На этом этапе в рамках игры за счет языковой составляющей реализуются все функции языка – и коммуникативная (установление контакта либо с игроками, либо с персонажами игры), и когнитивная (познание основных закономерностей игрового пространства), и прагматическая (воздействие на других персонажей и игровой процесс путем выбора определенных реплик или действий).

Сведения общего характера об игровой вселенной игрок получает из найденных документов и аудиосообщений. Их оформление зависит от уровня развития технологий вымышленного мира. В игре, отображающей реалии современности, или в футуристическом мире распространены электронные или магнитные носители, вымышленные или существующие. Такими являются электронная почта в игре «Deus Ex: Mankind Divided», магнитофонные записи в играх серии «Bioshock» или голограммы с текстом в играх серии «Dead Space». В фэнтезийной игре «The Elder Scrolls» протагонист находит записки, свитки или манускрипты.

Помимо предоставления информации об окружающем игрока мире языковая составляющая транслирует и морально-ценностные установки создателей, например, их отношение к определенным

социальным явлениям, в том числе в сфере политической коммуникации. Например, в двух играх неприятие автором тоталитарного строя реализуется по разному: в игре «Papers, please!» протагонист исполняет служебные обязанности пограничника и должен следовать инструкциям, чтобы не пропускать через границу определенные категории граждан. Инструкции меняются каждый день, но не являются абсурдными, хотя могут противоречить полученным ранее. Эффект неприятия системы создается за счет быстрой смены директив и самого игрового процесса, вынуждающего игрока принимать решения быстро и делать ошибки из-за невнимательности. В игре «Beholder» протагонист является управляющим многоквартирным домом и штатным осведомителем службы безопасности тоталитарного государства, и формулировки части получаемых им директив абсурдны, что создает впечатление произвола властей:

It is illegal to harbor criminals or hide their actions.

All apples must be destroyed! It is illegal to store or consume them.

It is illegal to own a rubber duck.

Заключение

Таким образом, компьютерные игры являются не только массовым и культурно значимым феноменом, но и достаточно интересным и новым объектом для лингвистического исследования, в подходах к которому хотя и намечены основные пути, но большинство изысканий не носит системного характера.

Языковая составляющая игр неотделима от визуальной и аудиальной, что свидетельствует о полимодальности текста компьютерной игры. В то же время языковой компонент выполняет значимые функции в зависимости от этапа взаимодействия с игрой: привлечение внимания на начальном этапе, направленное на получение положительного отклика; инструктаж на этапе обучения; управление игровыми персонажами; транслирование информации о мироустройстве и частично о морально-ценностных установках авторов. Без правильной интерпретации сообщений игроком, а следовательно, без применения языковой составляющей невозможны полноценное взаимодействие с игрой, знакомство с виртуальным миром и его закономерностями, а также осмысление игрового опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова С. В.* Функциональная роль метафор в компьютерных играх (на примере «Dear Esther», «Braid», «Antichamber») // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). С. 102–107.
- Горностаев С. В.* Разговорно-просторечные и жаргонные элементы в языке индустрии видеоигр // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10. С. 163–166.
- Ефимова Н. И., Моржанаев Н. И.* Текст в компьютерной игре: филологический аспект // Вестник Марийского государственного университета. 2015. С. 75–78.
- Ермакова О. И., Кралик А. М., Баженов Р. И.* Модели экономик в стратегических экономических компьютерных играх // Nauka-rastudent.ru. 2014. No. 12 (12-2014). URL : nauka-rastudent.ru/12/2192/ (дата обращения: 05.01.2018).
- Зотов С. О.* Darkness Within: сновидение как сюжетобразующая функция в нарративах компьютерных игр. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. С. 224–232.
- Исследование Mail.Ru Group: профиль российского геймера.* URL : corp.mail.ru/ru/press/infograph/9576/ (дата обращения: 05.03.2018).
- Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. М. : София, 2001. 110 с.
- Мошков Н. А.* Эволюция драматургических приемов, используемых в компьютерных играх // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2011. № 131. С. 295–300.
- Русакова О. Ф., Преображенская А. С.* Дискурс компьютерной игры the Sims // Дискурс-Пи. 2010. V. 9, 1. 1–2. С. 85–89.
- Самойлова Е. О.* Виртуальный нарратив в контексте современного хронотопа // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 37–41.
- Сорокина Ю. В.* Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 10 (76) : в 3 ч. Ч. 1. С. 168–170.
- Тихонова С. В.* Мифологические основания социального феномена компьютерной игры // Социальная политика и социология. 2009. № 1. С. 199–212.
- Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL : www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.01.2019).
- Югай И. И.* Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков : автореф. дис. ... канд. искусств. наук. СПб., 2008. 26 с.

REFERENCES

- Borisova S. V.* Funkcional'naja rol' metafor v komp'juternyh igrah (na primere «Dear Esther», «Braid», «Antichamber») // Vestnik KemGU. 2013. №4 (56). S. 102–107.
- Gornostaev S. V.* Razgovorno-prostorechnye i zhargonnye jelementy v jazyke industrii videoigr // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2016. № 9–10. S. 163–166.
- Efimova N. I., Morzhanaev N. I.* Tekst v komp'juternoj igre: filologičeskij aspekt // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. S. 75–78.
- Ermakova O. I., Kralik A. M., Bazhenov R. I.* Modeli jekonomik v strategičeskikh jekonomičeskikh komp'juternyh igrah // Nauka-rastudent.ru. 2014. No. 12 (12-2014). URL : nauka-rastudent.ru/12/2192/ (data obrashhenija: 05.01.2018).
- Zotov S. O.* Darkness Within: snovidenie kak sjuzhetoobrazujushhaja funkcija v narrativah komp'juternyh igr. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2015. S. 224–232.
- Issledovanie Mail.Ru Group: profil' rossijskogo gejmera. URL : corp.mail.ru/ru/press/infograph/9576/ (data obrashhenija: 05.03.2018).
- Kjubler-Ross Je.* O smerti i umiranii. M. : Sofija, 2001. 110 s.
- Moshkov N. A.* Jevoljucija dramaturgicheskikh priemov, ispol'zuemyh v komp'juternyh igrah // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. SPb., 2011. № 131. S. 295–300.
- Rusakova O. F., Preobrazhenskaja A. S.* Diskurs komp'juternoj igry the Sims // Diskurs-Pi. 2010. V. 9, 1. 1–2. C. 85–89.
- Samojlova E. O.* Virtual'nyj narrativ v kontekste sovremennogo hronotopa // Gumanitarnyj vektor. 2017. T. 12. № 1. S. 37–41.
- Sorokina Ju. V.* Ponjatie mul'timodal'nosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo lekcionnogo diskursa // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2017. № 10 (76) : v 3 ch. Ch. 1. S. 168–170.
- Tihonova S. V.* Mifologičeskie osnovanija social'nogo fenomena komp'juternoj igry // Social'naja politika i sociologija. 2009. № 1. S. 199–212.
- Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Demografija. URL : www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashhenija: 05.01.2019).
- Jugaj I. I.* Komp'juternaja igra kak zhanr hudozhestvennogo tvorčestva na rubezhe HH–XXI vekov : avtoref. dis. ... kand. iskusstv. nauk. SPb., 2008. 26 s.

УДК 81'255

Н. А. Бонадык

преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nat5000@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В статье рассматриваются различия в выражении оценки в русском, английском и японских языках на основе материалов газетно-публицистического стиля. Сопоставляя оценочные выражения из англоязычных СМИ и их переводы на русский и японский языки, автор выявил три стратегии перевода оценочных значений: сохранение, смягчение и снятие. В статье приводятся конкретные примеры разных подходов к передаче оценочности в переводе, которые проанализированы исходя из коммуникативно-прагматического подхода.

Ключевые слова: оценочность; экспрессия; язык СМИ; газетно-публицистический стиль; коммуникативно-прагматический подход; английский язык; японский язык.

N. A. Bonadyk

Lecturer at the the Department of Oriental Languages
of the Faculty of Translation and Interpretation, MSLU;
e-mail: nat5000@yandex.ru

THE PRAGMATIC ASPECT OF TRANSFERRING EVALUATIVE MEANING IN TRANSLATION OF NEWS ITEMS

The article deals with the difference in expressing evaluation in Russian, English, and Japanese on the material of the texts written in newspaper style. By comparing evaluative expressions from articles in the English language with their translations into Russian and Japanese, the author elicited three strategies of transferring evaluative meaning, namely keeping, moderating or removing evaluation. The article introduces examples of different ways of translating evaluation and describes them in terms of the communicative-pragmatic approach.

Key words: evaluation; expressivity; mass media language; newspaper style; communicative-pragmatic approach; English; Japanese.

Введение

В современных реалиях газетно-публицистические тексты помимо информационной функции всё чаще несут функцию воздействующую. Даже в новостных сообщениях, которые на первый взгляд лишены аналитической составляющей, выбор информационного повода

и способ преподнесения фактов может говорить о позиции автора статьи или редакции издания. Кроме того, ее транслируют эксплицитные способы выражения оценочности, которые в новостных статьях сводятся по большей части к клишированным оценочным выражениям. Таким образом информационные сообщения в СМИ не только знакомят читателя с происходящими событиями, но и стремятся сформировать у него определенный взгляд на ситуацию. Этим и продиктован интерес автора к теме выражения оценочных значений в материалах СМИ. При этом нами были рассмотрены параллельные тексты на трех языках (английском, японском и русском) с целью выявления особенностей выражения оценочных значений при переводе с одного языка на другой.

Основная часть

Саму оценку мы понимаем, опираясь на подход Е. М. Вольф, которая рассматривает ее как один из видов модальности и определяет следующей формулой, называемой «модальной рамкой»: «А (субъект) оценки считает, что Б (объект оценки) хороший или плохой» [Вольф 2014, с. 5]. Сопоставляя способы выражения оценки, мы исходили из положения Е. М. Вольф о том, что оценочность в том или ином виде существует в любом языке мира, это явление универсальное. Но при этом ее элементы могут выражаться различными способами, что прежде всего зависит от грамматических и лексических особенностей данного языка.

При анализе оценочности мы в первую очередь руководствовались коммуникативно-прагматическим методом, который подробно изложен в работах Н. Д. Арутюновой. Для нее ключевым понятием, которое позволяет исследовать явление оценочности, является коммуникативная ситуация. Ведь для выявления оценки, определения ее характеристик необходимо учитывать коммуникативную интенцию адресанта и реакцию реципиента. Иными словами, интерпретация оценочности невозможна без последовательного анализа контекста. Толкование оценочной лексемы (особенно это касается общей оценки) зависит от множества факторов, среди которых:

- 1) категория предметов, подвергаемых оценке;
- 2) время, в которое она озвучивается (разные эпохи имеют разные аксиологические критерии);
- 3) общественные нормы;

- 4) адресант речи (оценка отражает его мнение, мироощущение);
- 5) адресат речи, так как одна из целей оценки – оказывать влияние в разных формах (таких как рекомендация, похвала, осуждение) [Арутюнова 1988, с. 6].

Е. В. Падучева и Н. Д. Арутюнова в своей вступительной статье к шестнадцатому выпуску сборника «Новое в зарубежной лингвистике» указывают, что оценочные значения неразрывно связаны с коммуникативной интенцией речевого высказывания. Часто оценочная лексема не имеет непосредственного значения выражения мнения, а является имплицитным побуждением к действию («Бяка!» в речи родителей, обращенной к детям, имеет целью пресечь манипуляции с какими-либо предметами и т. д.) [Арутюнова, Падучева 1985].

Из современных исследователей такой подход разделяет В. А. Маслова, отмечая, что оценка «производится, формируется в процессе общения и предназначена для общения» [Маслова 2018, с. 21]. В качестве теоретической основы исследования мы останавливаемся именно на этом подходе, так как публицистический стиль сам по себе направлен в первую очередь именно на оказание влияния на читателя с помощью различных приемов, среди которых и оценочные выражения.

При этом необходимо отметить, что термины «оценка», «оценочность» и «оценочное значение» в данной статье употребляются как синонимичные.

Для сопоставления особенностей выражения оценочности в трех языках было отобрано 55 англоязычных статей 2015–2017 годов из британских и американских источников, с переводами на русский и японский языки. Общий объем исследуемого материала – 19 авторских листов. Среди источников исходных текстов веб-сайты таких СМИ, как BBC, «Financial Times», «Foreign Policy», «The Economist», «The Wall Street Journal». Переводы, использованные в работе, взяты с иноязычных версий сайтов этих изданий или с сайтов, публикующих переводы иностранных СМИ. В исследовании представлены как новостные, так и аналитические статьи, затрагивающие политические и экономические вопросы.

Способы передачи оценочных значений в переводе

При рассмотрении текстов было отобрано 200 примеров оценки различной семантики, в оригинале выраженной лексическими

средствами. Основной целью анализа оценочных лексем было исследовать распространение явления оценки в газетно-публицистическом стиле английского, русского и японского языков, изучить возможность изменения интенсификации оценочных выражений при переводе и факторы, которые оказывают на это влияние.

Систематизируя примеры оценочности в оригинальных и переводных текстах, мы обнаружили несколько основных подходов, используемых переводчиками:

- отражение оценочности в полной мере;
- смягчение оценочности, т. е. потеря части экспрессии;
- полное опущение оценочности.

Статистика использования этих методов проиллюстрирована графиком (см. рис. 1), а далее каждый из них рассмотрен более подробно.

Сохранение оценочности

В первую очередь график ясно говорит о том, что наиболее распространенным подходом к передаче оценочности является ее полное сохранение (он применен в переводах на оба языка в 148 примерах, т. е. в 74 % случаев). Таким образом, в газетно-публицистическом стиле трех рассматриваемых языков оценочные значения играют большую роль.

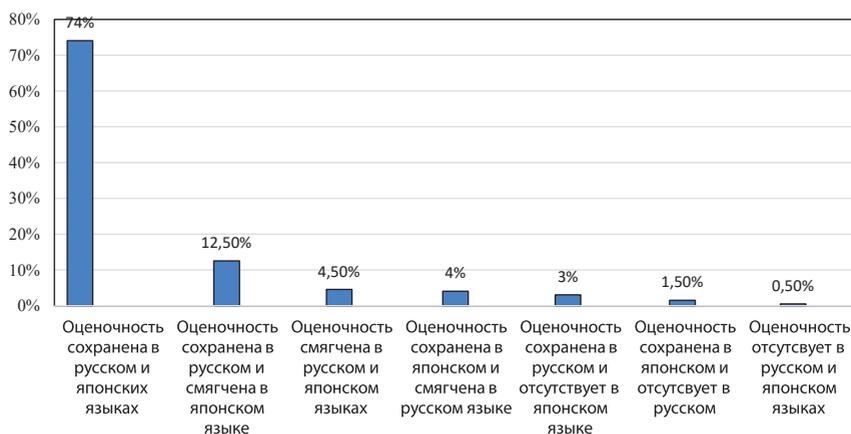

Рис. 1. Статистика способов передачи оценочных значений английского оригинала в переводах на русский и японский языки

Анализ примеров с сохраненной оценочностью в переводе позволяет сделать вывод о том, что оценка, имеющая идентичный эффект воздействия в разных языках, часто выражается по-разному. Это напрямую зависит как от грамматических, так и от лексических особенностей конкретного языка. Например, оценка, выраженная в английском лексически, на японском языке нередко передается грамматическими формами. Кроме того, английские оценочные выражения могут также содержать элементы образности, которые не передаются в переводе, что иллюстрирует следующий пример:

Оригинал

Mr Trump, double-crossed and *thin-skinned*, will end up presiding over a dangerous and destabilising falling-out with Mr Putin (*The Economist*, 11.02.2017).

Перевод на японский

そもそも怒りっぽいトランプ氏は裏切られれば結局、ブーチン氏とたもとを分かたせよう。 - Если *вспыльчивого* Трампа предадут, он наверняка прекратит дружбу с Путиным¹ (トランプ氏の危うい対口外交 // *Nikkei Shimbun*, 11.02.2017).

Перевод на русский

Более того, никто не учитывает опасность того, что *обидчивый* Трамп, когда его обведут вокруг пальца, в итоге сам испортит отношения с Владимиром Путиным (*Дональд Трамп пытается заключить с Владимиром Путиным «великую сделку»* // *ИноСМИ.ру*, 12.02.2017).

В данном случае как в оригинальном тексте, так и в переводах оценочность выражается прилагательными. OALD определяет *thin-skinned* как «easily upset by criticism or insults». Данное выражение является не только оценочным, но и образным. На русский язык его можно перевести эквивалентной лексемой *тонкокожий*, тем не менее переводчик предпочел слово *обидчивый*. В текстах Национального корпуса русского языка (*ruscorpora.ru*) слово *толстокожий* встречается 122 раза, и *тонкокожий* – только 33, в три раза меньше. На основании этого мы предполагаем, что *тонкокожий*, будучи менее употребительным словом, является слишком экспрессивным для данного текста, и потому заменено словом *обидчивый*, имеющим такое же оценочное значение, но лишенным образности.

¹Зд. и далее перевод с японского наш. – Н. Б.

Рис. 2. Статистика случаев снятия оценочности

Слово 怒りっぽい [okorippoi], которое употреблено в японском переводе, имеет значение «легко раздражающийся по мелочам»¹. «Японско-русский словарь» под редакцией Конрада дает следующие эквиваленты: *вспыльчивый, обидчивый, раздражительный*. Интересна и словообразовательная модель данного слова. Оно состоит из глагола 怒る [okoru] (*сердиться, злиться, горячиться*) и суффикса -っぽい [ppoi], синонимичного английской морфеме *-ish* [Tomomatsu, Miyamoto, Wakuri 2007, с. 156], означающей некоторый признак «с оттенком ослабленного значения» [Бортничук, Василенко, Пастушенко 1988, с. 235]. Таким образом, в японском тексте сохранена оценочность исходного выражения, но не отражена его образность.

Как уже отмечалось выше, большое количество примеров сохранения оценки говорит об ее универсальности. случаев отсутствия оценки в одном или сразу двух языках всего 10 (5%): шесть примеров демонстрируют снятие оценки только в русском языке, в трех примерах она отсутствует только в русском, также есть один пример отсутствия оценки в обоих переводах. Тем не менее можно отметить, что в японском языке явление опущения оценочных значений встречается несколько чаще, из чего можно сделать вывод о большей склонности к нейтральности в этом языке.

Снятие оценки в переводе

В следующем примере оценка сохранена только при переводе на русский язык (см. рис. 2):

¹ Зд. и далее значения японских слов взяты из японского толкового словаря 大辞泉 [Daijisen].

Оригинал

In 2008 the Bush administration *gritted its teeth* and reached a Status of Forces Agreement with Mr. Maliki, keeping U.S. troops in place through 2011 (*The Wall Street Journal*, 29.01.2016).

Перевод на японский

2008年、当時のブッシュ政権はマリキ氏との間で駐留米軍の地位協定を結び、米軍を2011年まで駐留させることにした。(В 2008 году администрация Буша заключила с господином Малики соглашение о статусе Вооруженных сил Америки, по которому американские войска могли оставаться там до 2011 г.) (米国が欠く世界戦略—ゲーツ元国防長官は語る // *The Wall Street Journal Japan*, 01.02.2016).

Перевод на русский

В 2008 году администрация Буша проявила силу духа и заключила с г-ном Малики Соглашение о статусе Вооруженных сил, согласно которому американские военные могли оставаться в Ираке до 2011 г. (*У США нет глобальной стратегии // ИноСМИ.ру*; 01.02.2016).

В английском оригинале употреблена идиома *grit one's teeth* (определение OALD: «to be determined to continue to do something in a difficult or unpleasant situation»). В переводе на русский встречается эквивалентный фразеологизм *проявить силу духа*. Толковый словарь С. А. Кузнецова дает среди прочих следующие значения слова *дух*: «1. Сознание, мышление, психические способности человека; 2. Внутреннее состояние, моральная сила человека коллектива; душа». Таким образом, сема решительности в переводе сохранена, хотя образность снова не отражена. В японском языке существует выражение, идентичное английскому фразеологизму: 歯を食いしばる [ha-wo kuishibaru] – *стиснуть зубы* с переносным значением «терпеть тяготы или разочарование», тем не менее здесь оно, вероятно, в силу своей экспрессивной окрашенности не использовано. Напротив, оценка полностью снята, употреблено нейтральное выражение 協定を結ぶ [kyoutei-wo musubu] – *заключать договор*, что делает весь текст более формальным и нейтральным.

В большом количестве (42 или 21 %) рассмотренных нами примеров был использован метод смягчения оценочности. При переводе на русский язык данный подход использован в 17 примерах, на японском

он встречается 2 раза чаще, в 34 случаях (из них 9, в которых смягчение присутствует в обоих переводах).

Эти данные свидетельствуют о том, что в японском языке существует тенденция к сглаживанию оценочных значений. С этим же связывают и широкую распространенность в японском языке модальных концовок, которые употребляются для смягчения категоричных высказываний. Также важно отметить, что из 33 примеров смягчения оценки при переводе на японский язык, в 24 (чуть больше 70%) – оценка в оригинальном тексте имеет ярко выраженный негативный характер. Очевидно, в рамках газетно-публицистического стиля японского языка резко негативные выражения недопустимы.

Смягчение оценки в переводе

Оригинал

The polls clearly did a *woeful* job predicting the shape and preferences of the electorate, particularly in Midwestern states (*BBC, 9.11.2016*).

Перевод на японский	Перевод на русский
各種世論調査は、有権者の形や好みをろくに予測できなかった。特に中西部の各州では。(Опросы общественного мнения не смогли в полной мере предсказать предпочтения избирателей. Особенно в штатах Среднего Запада) (ドナルド・トランプ米次期大統領、どうやって勝ったのか // <i>BBC News Japan, 09.11.2016</i>).	Очевидно, что все опросы общественного мнения <i>попали впросак</i> со своими предсказаниями, особенно в том, что касалось штатов Среднего Запада (<i>Пять козырных карт, обеспечившие победу Дональду Трампу // BBC News Русская служба, 09.11.2016</i>).

Рис. 3. Статистика случаев смягчения оценочности

Здесь оценочной лексемой является слово *woeful*, определение (по OALD) следующее: «1. very bad or serious; that you disapprove of, 2. very sad». В «Полном англо-русском русско-английском словаре» В. К. Мюллера даются такие варианты перевода, как *очень плохой, жалкий, скорбный, горестный* [Мюллер 2013]. В переводе же на русский мы наблюдаем явление, обратное тому, что встречалось ранее: в русском тексте присутствует образность, отсутствовавшая в оригинале. Использована идиома *попасть впросак*, которая по фразеологическому словарю А. И. Федорова имеет следующее толкование: «по своей оплошности или неосведомленности оказываться в неприятном или невыгодном положении», присутствуют пометы *разг., экспрес.* Так или иначе, основная сема исходного слова «крайне негативный», сохранена, хотя русский перевод в силу идиоматичности обладает большей степенью экспрессии. Переводчик на японский язык, напротив, старается уйти от проявлений излишней категоричности. Использовано наречие *ろくに [rokuni] в полной мере, довольно* и отрицательная форма глагола *予測する [yosoku-suru] предсказать* в потенциальном залоге, значащая «не представляется возможным полностью предсказать». Оценочность сильно смягчена, не уточняется значительность ошибки социологов, в отличие от оригинала и русского перевода.

Оригинал

He then shot off a barrage of tweets *blasting* the lottery (*The Wall Street Journal*, 1.11.2017).

Перевод на японский

その後は抽選制度を批判するツイートを連発し(После этого последовала череда твитов, критикующих лотерейную систему)(NYテロ、移民制度がスケープゴートに // *The Wall Street Journal Japan*, 02.11.2017).

Перевод на русский

После этого он разразился твитами, разносящими розыгрыш Грин-карт в пух и прах (*Козел отпущения для Трампа – иммиграция* // *InoPressa*, 02.11.2017).

В данном коротком отрывке встречается сразу два примера оценочности (*barrage* и *blast*), что говорит о высокой степени экспрессивности всей статьи. Рассмотрим подробнее вторую лексему. Словарь «Collins» дает ей следующее определение: «to criticize something or someone strongly», помета «journalism». В словаре даются такие

эквиваленты, как *публично критиковать, нападать, разносить*, с пометами *амер., сл.* [Новый большой англо-русский словарь URL]. В русском тексте мы видим вариант «разносить», при этом добавлено усиливающее степень экспрессии идиоматическое выражение *в пух и прах*. Возможно, это сделано, чтобы передать общий эмоциональный настрой статьи.

В японском переводе употреблен глагол «批判する» [hinansuru] (*критиковать*). Как отмечает Е. М. Вольф, глаголы, служащие для выражения мнения или отношения к объекту, являются сами по себе оценочными. Данное слово не отражает заложенной в оригинале экспрессии или интенсивности действия, снова имеет место явление смягчения оценочности.

Оригинал

Mr Putin is a *strident* opponent of gay marriage, an issue that has animated American social conservatives who fear their values are falling out of the US mainstream (*Financial Times*, 18.04.2017).

Перевод на японский

価値観が米国の主流派から。

外れつつあることを恐れる米国プーチン氏は筋金入りの同性婚反対だ。これが自分たちの社会的保守派を活気づかせた。(Путин – упорный противник однополых браков. Этим были воодушевлены американские социал-консерваторы, которые боятся, что их ценности расходятся с господствующими в стране взглядами) (プーチン氏に友を見いだす米保守派 // *Nikkei Shimbun*, 19.04.2017).

Перевод на русский

Путин – решительный противник однополых браков.

Такие браки вызывают возмущение у американских социал-консерваторов, которые боятся, что их ценности сегодня отходят от господствующей линии (*Американские консерваторы по-прежнему верят в Путина, несмотря на заключения Трампа // ИноСМИ.ру*, 18.04.2017).

В данном случае мы имеем дело с нетипичным примером смены полюса оценочности при переводе на русский язык. Словарь «Collins» определяет слово *strident* как «making feelings or opinions known

in a very strong way that perhaps makes people uncomfortable», помета *disapproval*. Сема упорности действия сохранена при переводе, однако в русском слове *решительный* не содержится оттенка неодобрения. По толковому словарю русского языка значение у него следующее: «выражающий решимость, смелость, непреклонность; исполненный таких качеств», оно имеет скорее положительную коннотацию [Кузнецов 2008]. Такие изменения при переводе можно объяснить разницей в отношении к однополым бракам в России и США.

В японском переводе встречаем словосочетание 筋金入りの [sujiganeiri-no], прямое значение которого «укрепленный арматурой» (образовано от 筋金 [sujigane] – *арматура*), а переносное – *физически / умственно крепкий*. В нем тоже не заложено пренебрежительного отношения. В японском языке негативная оценка снова сглажена, что может быть связано с общей тенденцией в нем к нейтрализации оценочных высказываний.

Заключение

В рамках данной работы мы провели сопоставительный анализ текстов англоязычных статей СМИ и их переводов на русский и японский языки, в результате чего были выявлены три основных подхода к передаче оценочности при переводе. Оценочность может быть:

- полностью сохранена;
- смягчена;
- полностью опущена.

Пользуясь статистическим методом, мы выяснили, что первая стратегия является самой распространенной, она применялась переводчиками более чем в 70 % всех рассматриваемых случаев. При этом полное снятие оценки на один или два языка наблюдается только в 5 % примеров. Всё это говорит о большой роли оценочных значений для публицистического стиля вне зависимости от языка.

Сглаживание оценочности было выявлено примерно в 25 % случаев, причем при переводе на японский язык этот подход использовался в два раза чаще и особенно широко применялся в случае отрицательной оценки. Из этого можно сделать выводы о большем стремлении японского языка (по сравнению с английским и русским) к нейтральным высказываниям, сглаживанию резко негативных оценочных суждений в рамках газетно-публицистического стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 3–42.
- Большой японско-русский словарь : в 2 т. / ред. Н. И. Конрад. М. : Живой язык, 2007. 1176 с. (*С прил. иероглиф. ключа, сост. М. С. Цын*).
- Бортничук Е. Н., Василенко И. В., Пастушенко Л. П.* Словообразование в современном английском языке. Харьков : Вища школа, 1988. 261 с.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
- Маслова В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие. Минск : Высшая школа, 1997. 156 с.
- Мюллер В. К.* Полный англо-русский русско-английский словарь. М. : Эксмо, 2013. 1328 с.
- Новый большой англо-русский словарь / под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна : онлайн-версия. URL : eng-rus.slovaronline.com/.
- Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 880 с.
- Collins English Dictionary : онлайн-словарь. URL : www.collinsdictionary.com/dictionary/english.
- Merriam-Webster Dictionary : онлайн-словарь. URL : www.merriam-webster.com.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) : онлайн-словарь. URL : www.oxfordlearnersdictionaries.com.
- Tomomatsu E., Miyamoto J., Wakuri M.* Essential Japanese Expressions: grammatical points dictionary. Tokyo : Aruka, 2009. 531 с.
- 大辞泉 : онлайн-словарь. URL : kotobank.jp/dictionary/daijisen/.

REFERENCES

- Arutyunova N. D.* Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M. : Nauka, 1988. 341 s.
- Arutyunova N. D., Paducheva E. V.* Istoki, problemy i kategorii pragmatiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M. : Progress, 1985. Vyp. 16. S. 3–42.
- Bol'shoj yaponsko-russkij slovar' : v 2 t. / red. N. I. Konrad. M. : Zhivoj yazyk, 2007. 1176 s. (*S pril. ieroglif. klyucha, sost. M. S. Cyn*).
- Bortnichuk E. N., Vasilenko I. V., Pastushenko L. P.* Slovoobrazovanie v sovremennom anglijskom yazyke. Har'kov : Vishcha shkola, 1988. 261 s.

- Fedorov A. I.* Frazelogicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. M. : Astrel' : AST, 2008. 880 s.
- Kuznecov S. A.* Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. SPb. : Norint, 2008. 1536 s.
- Maslova V. A.* Lingvisticheskiy analiz ekspressivnosti hudozhestvennogo teksta : ucheb. posobie. Minsk : Vysshaya shkola, 1997. 156 s.
- Myuller V. K.* Polnyj anglo-russkiy rusko-anglijskiy slovar'. M. : Eksmo, 2013. 1328 s.
- Novyj bol'shoj anglo-russkiy slovar' / pod obshch. ruk. E. M. Mednikovoj i Yu. D. Apresyana : onlajn-versiya. URL : eng-rus.slovaronline.com/.
- Vol'f E. M.* Funkcional'naya semantika ocenki. 2-e izd., dop. M. : Editorial URSS, 2002. 280 s.
- Collins English Dictionary : onlajn-versiya. URL : www.collinsdictionary.com/dictionary/english.
- Merriam-Webster Dictionary : onlajn-versiya. URL : www.merriam-webster.com.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) : onlajn-versiya. URL : www.oxfordlearnersdictionaries.com.
- Tomomatsu E., Miyamoto J., Wakuri M.* Essential Japanese Expressions: grammatical points dictionary. Tokyo : Aruka, 2009. 531 c.
- 大辞泉 : onlajn-versiya. URL : kotobank.jp/dictionary/daijisen/.

УДК 81'22

А. М. Аллахвердиева

доктор философии по филологии Азербайджанского университета языков;
доцент кафедры лексикологии и стилистики английского языка;
e-mail: aytan@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ТЕРЕЗЫ МЭЙ

В статье анализируется ряд выступлений премьер-министра Великобритании Т. Мэй. Целью исследования является изучение лингвистических и экстралингвистических стратегий, которые используются в передаче идеологических сообщений Т. Мэй. Данное исследование актуально тем, что выявление вербальных приемов и стратегий манипулятивного воздействия в рамках политического дискурса обретает всё большее значение в современной лингвистике. В исследовании применен подход критического дискурс-анализа, основанный на теории жанров, и системная функциональная грамматика.

Ключевые слова: политический дискурс; критический дискурс-анализ (КДА); языковая идеология; политика языка; стратегическое использование языка.

A. M. Allahverdiyeva

Doctor of Philosophy in Philology, Associate-Professor;
Associate-Professor of the Chair of English Lexicology and Stylistics;
Faculty of Philology and Journalism of Azerbaijan University of Languages;
e-mail: aytan@gmail.com

THE PECULARITIES OF POLITICAL DISCOURSE OF THERESA MAY

The article studies a number of speeches by the British Prime Minister Theresa May. The purpose of the study is to explore the linguistic and extralinguistic strategies involved in the transmission of ideological messages by Th. May. The significance of the study is determined by the leading role of political discourse in the formation of public consciousness, which is transformed into a weapon of mass manipulation. Identification of verbal techniques and strategies for such an impact is becoming increasingly important in modern linguistics. This study is based upon the approach of critical discourse analysis, the genre theory and systematic functional grammar.

Key words: political discourse; critical discourse analysis (CDA); language ideology; language policy; strategic use of language.

Введение

В последние 20 лет критический дискурс-анализ (КДА) представляет интерес для многих ученых в области лингвистики,

языкознания и других наук. Этот интерес привел к многочисленным исследованиям, анализирующим устные и письменные тексты, в частности в области политики и средств массовой информации. Дж. Ванг, Р. Уодак и М. Мейер предлагают уделять больше внимания исследованиям КДА, так как это может способствовать изучению отношений между языком, идеологией и властью [Wang 2010; Wodak, Meyer 2009].

Настоящее исследование посвящено изучению аспекта дискурса, политическим выступлениям с точки зрения КДА. В работе предпринята попытка анализа, цель которого:

- а) изучить некоторые особенности жанра британского политического дискурса;
- б) выделить черты политического дискурса Терезы Мэй;
- в) проанализировать манипулятивные особенности речи политика;
- г) изучить скрытые стратегии, задействованные в передаче идеологизированной информации.

Для работы отобраны пять выступлений Терезы Мэй в течение 2017–2018 годов. Наш выбор обусловлен рядом причин: во-первых, она – известная политическая фигура; во-вторых, Т. Мэй – яркая представительница современных политических институтов Великобритании; в-третьих, ее политический дискурс можно считать типичным проявлением британского политического дискурса в целом.

Ученые неоднократно предпринимали попытки проанализировать выступления Т. Мэй. Одна из них была сделана Лилианой Элик, которая осуществила анализ на примере аргументативного дискурса Терезы Мэй. В исследовании использовались материалы статей о выходе Великобритании из Евросоюза [Liliana 2018].

Т. Свитач представляет анализ идеологической метафункции одной из ее политических речей, посвященных терроризму [Svitach 2018]. А. Федорова рассматривает одно из первых выступлений Т. Мэй [Федорова 2018]. И. Кауфова и Л. Кауфова в своей статье затрагивают политкорректные лексические единицы и конструкции в ежегодном выступлении на съезде правящей партии Великобритании, который состоялся 2 октября 2016 года в Бирмингеме [Кауфова И., Кауфова Л. 2017]. Эти исследования вряд ли можно считать основательным подходом к проблеме. Целью статьи Л. Кауфовой является описание языковой личности политика как субъекта политического дискурса, где

материалом исследования послужило первое выступление Т. Мэй в должности Премьер-министра Великобритании [Л. Кауфова 2017].

Ни в одном из этих исследований не анализируется политический дискурс публичной речи Т. Мэй с точки зрения КДА с опорой на системный функциональный подход.

Настоящее исследование направлено на заполнение данного пробела. Автор обращает внимание на характеристики жанра политического выступления и особенности дискурса Т. Мэй, который отличается использованием дополнительных стратегий.

Критический дискурс-анализ

КДА как подход к изучению языка можно проследить с периода Античности [Stubbs 1997]. Это междисциплинарная область, которая включает лингвистический и риторический анализ и социальную теорию, с целью соотнесения языковых особенностей и социального контекста. КДА направлен на то, чтобы показать связь между дискурсом и обществом, акцентируя внимание на выявлении путей решения таких проблем, как культурные различия, идеология и идентичность [Paltridge 2013]. В этом смысле дискурс рассматривается как «сложное коммуникативное событие, которое воплощает социальный контекст и участников (их особенности)»¹ [Van Dijk 1988, с. 2].

Существуют разные теоретические подходы к КДА, которые предполагают применение различных методов: системной функциональной грамматики, аргументативных стратегий, нарративного и разговорного анализа [Leeuwen 2009]. Они различаются, как считают Н. Фэйрклаф и Р. Уодак [Fairclough, Wodak 1997, с. 262], тем, как они рассматривают корреляцию между текстом и речью социального характера. Тем не менее авторы упоминают существование «критического знания», которое помогает людям «освободиться от форм господства» через саморефлексию [Wodak, Meyer 2009, с. 7]. Наиболее обширная работа в этом направлении проводилась Норманом Фэйрклафом с 1989 г. [Fairclough 1989]. В своем подходе к КДА Н. Фэйрклаф предлагает более широкое определение термина «дискурс», включающее в себя различные виды семиотической активности в дополнение к письменным или устным текстам. Он также рассматривает

¹Зд. и далее перевод наш. – А. А.

язык как социальную практику, в которой он «социально сформирован, но также и социально формирует» [Fairclough 1995a, с. 55]. Иначе говоря, использование языка является составной частью социальной идентичности, социальных отношений и систем знаний. Центральное место во взгляде Н. Фэйрклафа на язык как на социальную практику занимают понятия власти и идеологии: «Язык – участие в борьбе за власть» [Fairclough 1989, с. 15]. В этом отношении его взгляд совпадает с позицией Р. Уодака: «Власть не сама по себе сильна. Скорее она набирает силу тогда, когда влиятельные люди используют ее» [Wodak 2011, с. 35].

Политический дискурс

Политический дискурс имеет важное значение для исследований социальных и культурных процессов [Fairclough 1995b]. Политические действия рассматриваются как дискурсивная практика, имеющая политические функции и последствия [Van Dijk 1997].

Как считает А. Дэвис, языковые идеологии занимают видное место в политике и решениях, касающихся официальных языков, языкового планирования и языка образовательной политики [Davies 1994]. К. Вулард определяет языковую идеологию как в значительной степени забытое явление, которое выполняет функцию посредника между социальной структурой и разговорными формами. Следовательно, должно идти изучение языковой идеологии путем исследования влияния доминирующих культурных моделей на языковое и социальное поведение [Woolard 1992].

И. Пелед, рассматривая языковую политику, предлагает в рамках исследований по нормативной языковой политике (НЯП) уделять особое внимание дебатам среди теоретиков-политологов о приоритетах в вопросах языковых прав [Peled 2011]. Он выступает за новую концептуальную структуру, которая более непосредственно вовлекает политолога в социолингвистические исследования по НЯП. Такая основа, утверждает И. Пелед, «позволит политическим теоретикам перейти на аналитические способы в социолингвистических исследованиях; уделять основное внимание вопросам языковых прав и языковой этики и развивать прикладное измерение в своей работе, взаимодействуя с реальным миром» [Peled 2011, с. 447].

Основные языковые особенности выступлений Т. Мэй

Изучение выступлений Т. Мэй показывает, что их темы довольно разнообразны, в основном они касаются следующих вопросов:

- а) внешняя политика Великобритании и прежде всего выход Великобритании из Евросоюза;
- б) внутренняя политика Великобритании;
- в) меритократия (от *англ.* meritocracy – власть достойных).

По нашим наблюдениям, наиболее частотными видо-временными формами, используемыми в выступлениях Т. Мэй, являются различные формы настоящего времени: Present Simple, Present Perfect и Present Continuous:

I want to clarify...; We do remember...; We do not seek to adopt...; I have always said...; I've been up...; I have served...; I have worked...;

We are leaving the European Union, but we are not leaving Europe (*time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript*);

And that is what we are seeing today. Business isn't calling to reverse the result, but planning to make a success of it (*time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript*).

Частое использование настоящего времени, согласно С. Торнбери и Д. Слейд, отражает высокую межличностную функцию разговорной речи [Thornbury, Slade 2006]. В речи Т. Мэй встречаются и случаи использования прошедшего времени (в первом выступлении – 6 предложений из 310, во втором – 6 предложения из 51, в третьем – 32 предложения из 543, в четвертом – 2 предложения из 37, в пятом – 2 предложения из 30).

С точки зрения синтаксиса следует отметить использование сложных предложений:

David Cameron's negotiation was a valiant final attempt to make it work for Britain – and I want to thank all those elsewhere in Europe who helped him reach an agreement – but the blunt truth, as we know, is that there was not enough flexibility on many important matters for a majority of British voters (*time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript*).

We will continue to attract the brightest and the best to work or study in Britain – indeed openness to international talent must remain one of this country's most distinctive assets – but that process must be managed properly

so that our immigration system serves the national interest (*time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript*).

Поскольку политический дискурс – особая разновидность институционального характера – главной его целью является власть и ее удержание. Анализ фактического материала показывает, что политический дискурс и речевое поведение Т. Мэй как языковой личности позволяет выделить речевые средства, на которых строятся ее политические стратегии и тактики.

Тактика диалогичности на лексическом уровне проявляется в использовании личных местоимений. Уверенное произношение (с более высоким тоном) местоимения «I» с паузой позволяет политику звучать четко, конкретно, привлекает внимание аудитории:

I want this United Kingdom to emerge from this period of change stronger, fairer, more united and more outward-looking than ever before (*time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript*).

I have served in local and national government, in office and in opposition (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

I know that no party has a monopoly on good ideas (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

Местоимение «we» в речи Терезы Мэй сначала олицетворяет собой ее правительство:

We must show everyone in this country that we are that Party (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

And we must be a party that is not in thrall to ideology, but motivated instead by enduring principles (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

Затем его значение расширяется, и оно обозначает уже целую нацию:

If we don't – if we all go off in different directions in pursuit of our own visions of the perfect Brexit – we risk ending up with no Brexit at all.

And there's another reason why we need to come together (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

С помощью местоимения «you» Т. Мэй обращается напрямую к слушателю, ведет с ним диалог, подчеркивает значимость каждого человека для нее и ее правительства:

A party that believes your success in life should not be defined by who you love, your faith, the colour of your skin, who your parents were, or where you were raised – but by your talent and your hard work.

It gives every man, woman and child the absolute security of knowing that whenever you are sick, care will be there.

You saw in Salzburg that I am standing up for Britain (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

Эмоциональное воздействие на аудиторию также достигается использованием лексических единиц:

- 1) эмоционально-окрашенной лексики (*undeclared intelligence, dissenting voice, the guarantor of our freedom and security, big decision, vote of confidence*);
- 2) прилагательных и наречий сравнительной и превосходной степени (*more true, quicker, latest, best, biggest, most especially, greatest*);
- 3) лексем, несущих идею единения (*unity, share interests and values in common, our common security, nation, friends, neighbours, colleagues, solidarity*).

Тактика привлечения внимания в речи Т. Мэй осуществляется при помощи активного использования параллелизма. Этот прием придает речи особенную выразительность, что привлекает к ней внимание слушателей. Политик обращает внимание на проблемы рабочего класса и дает понять, что она и ее правительство будут работать над улучшением жизни людей:

If you work in a factory in Pendle, you need a Brexit that keeps trade friction-free and supply-chains flowing. If you are a fisherman in Peterhead, you need a Brexit that delivers full control of our waters. If you run an exporting business in Penarth, you need a Brexit that will open up new global markets. If you live in Pettigo on the Irish border, you need a Brexit that keeps it frictionless and communities connected. These things matter to you – so they matter to me (*politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech*).

Исследование выявило случаи прямого обращения к особенностям текущей ситуации посредством использования дейктических

выражений. Эти примеры включают дейксис пространства, времени, указательный и личный дейксис:

That is why *I* have said *before* – and will continue to say – that *every* stray word and *every* hyped up media report is going to make *it* harder for *us* to get the right deal for Britain (time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript).

Сила Т. Мэй в выступлениях проявляется в стратегическом использовании языка, который позволяет ей контролировать информацию, позиционировать себя и других в конкретных отношениях. Во-первых, анализ транзитивности показывает, что дискурс Т. Мэй включает в себя все процессы, описанные М. Халлидеем [Halliday 1985]:

- материальные процессы

We will work to avoid a disruptive cliff-edge, and we will do everything we can to phase in the new arrangements we require (time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript);

- психические процессы

But I want to be clear (*там же*);

- реляционные процессы

It is not the means that matter, but the ends (*там же*);

- вербальные процессы

I have told other EU leaders that we could give people the certainty they want straight away, and reach such a deal now;

- экзистенциальные процессы

I am confident that a deal- and a new strategic partnership between the UK and the EU-can be achieved (*там же*);

- поведенческие процессы – во время выступлений на ее лице обычно заметна улыбка.

Сила политика также проявляется в использовании стратегии «риторического убеждения», которое достигается за счет использования риторических вопросов, перечисления и параллельных конструкций.

The Jeremy Corbyn Party rejects the common values that once bridged our political divide. Compare Jeremy Corbyn's behaviour to that of his predecessors.

Would Neil Kinnock, who stood-up to the hard-left, have stood by while his own MPs faced deselection, and needed police protection at their Party conference?

Would Jim Callaghan, who served in the Royal Navy, have asked the Russian government to confirm the findings of our own intelligence agencies?

Would Clement Attlee, Churchill's trusted deputy during the Second World War, have told British Jews they didn't know the meaning of antisemitism? (politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech)

We will continue to be reliable partners, willing allies and close friends (time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript).

We will always want immigration, especially high-skilled immigration, we will always want immigration from Europe, and we will always welcome individual migrants as friends (time.com/4636141/theresa-may-brexite-speech-transcript).

Таким образом, можно отметить, что в дискурсе Т. Мэй сила политика выражается различными способами. Она использует язык стратегически через манипулирование тактикой диалогичности, эмоциональным воздействием с использованием лексических единиц, привлечением внимания через параллелизм, использование действительных выражений, транзитивности и риторического убеждения. Все эти особенности могут быть сгруппированы в дискурсе, который идентифицирован как способ выражения власти.

Выводы

Характерной чертой дискурса Т. Мэй является использование синтаксически сложных предложений, а наиболее частотной видо-временной формой в выступлениях является настоящее время. Политик применяет риторические стратегии убеждения, такие как риторические вопросы, перечисление и параллельные конструкции. Сила воздействия ее дискурса проявляется в стратегическом использовании транзитивности, личных местоимений и модальности, в выборе тактики диалогичности, эмоциональном воздействии с использованием лексических единиц и действительных выражений.

Представляется, что изложенные материалы и выводы могут быть применены в дальнейших исследованиях в области политического дискурса, политической лингвистики, риторики и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кауфова И., Кауфова Л.* Политкорректность в британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 10 (76) : в 3 ч. Ч. 1. С. 111–114.
- Кауфова Л.* Языковая личность политического лидера на примере дискурса Терезы Мэй. Издание Пятигорского Государственного Университета // Университетские чтения. 2017. № 2. С. 65–71. URL : pglu.ru/upload/iblock/c95/12.pdf (дата обращения: 21.02.2019).
- Федорова А.* Лингвистические особенности речевого воздействия в политическом выступлении Терезы Мэй // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. 2018. № 3. С. 45–52.
- Davies A.* Politicized language. The encyclopedia of language and linguistics / ed. by Ron E. Asher. Vol. 6. Oxford : Pergamon, 1994. P. 3211–3214.
- Dijk T., van* What is political discourse analysis? 1997. Retrieved January 20, 2013. URL : discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse (дата обращения: 25.02.2019).
- Dijk T., van* News analysis: Case studies in the international and national news in the Press. L. Erlbaum, 1988. 325 p.
- Fairclough N.* Language and power. London : Longman, 1989. 248 p.
- Fairclough N.* Media discourse. London : Edward Arnold, 1995a. 214 p.
- Fairclough N.* Critical discourse analysis. London : Longman, 1995b. 265 p.
- Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. London : Sage Publications, 1997. Vol. 2. P. 258–284.
- Halliday M.* A Faircloughian approach to CDA: Principled eclecticism or a method searching for a theory // Melbourne Studies in Education. Introduction to functional grammar. London : Edward Arnold Henderson R., 2005. 46 (2). P. 9–24 URL : dx.doi.org/10.1080/17508480509556422 (дата обращения: 22.02.2019).
- Leeuwen T.* Critical discourse analysis // Discourse of course: An overview of discourse studies. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 277–292. URL : dx.doi.org/10.1075/z.148.27lee (дата обращения: 20.02.2019).
- Liliana A.* Meaning and Intention in Political Discourse about Brexit [Электронный ресурс] // International Conference RCIC'18 Bucharest, 17–19 May, 2018. P. 229–235. URL: afahc.ro/ro/rcic/2018/rcic'18/volum_2018/229-235%20Alic.pdf (дата обращения: 23.02.2019).
- Paltridge B.* Critical Discourse analysis // Discourse studies reader: Essential excerpts / K. Hyland (ed.). London : Bloomsbury Academic, 2013. P. 89–109.
- Peled Y.* Language, rights and the language of language rights: the need for a new conceptual framework in the political theory of language policy // Journal of Language & Politics. 2011. Vol. 10 (3). P. 436–456.

- Prime Minister Theresa May held a press conference in 10 Downing Street. November 15, 2018. URL : gov.uk/Government/Brexit (дата обращения: 20.02.2019).
- Stubbs M.* Whorf's children: Critical comments on CDA // *Evolving models of language*. Milton Keynes : Multilingual Matters, 1997. P. 100–116. URL : univ-trier.de/fileadmin/fb2/ANG/Linguistik/Stubbs/stubbs-1997-whorfs-children.pdf (дата обращения: 23.02.2019).
- Svitach T.* An ideational metafunction analysis of Theresa May speech // «Молодий вчений». 2018. № 1(53), січень. P. 758–761.
- Thornbury S., Slade D.* *Conversation: From description to pedagogy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 376 p.
- Theresa May's address to delegates at the 2018 Conservative Party Conference in Birmingham, 3 October, 2018. URL : politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech (дата обращения: 22.02.2019).
- Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit January 17, 2017. URL : time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript/ (дата обращения: 21.02.2019).
- Theresa May's speech outside 10 Downing Street on Conservative confidence vote, December 12, 2018. URL: thenational.ae/world/europe/full-statement-theresa-may-s-speech-outside-10-downing-street-on-conservative-confidence-vote (дата обращения: 20.02.2019).
- Theresa May's post-Salzburg speech, September 21, 2018. URL: ft.com/content/bb313136-bda9-11e8-8274-55b72926558f (дата обращения: 20.02.2019).
- Wang J.* A critical discourse analysis of Barack Obama's speeches // *Journal of Language Teaching and Research*. 2010. Vol. 1(39). P. 254–261. URL : dx.doi.org/10.4304/jltr.1.3. (дата обращения: 26.02.2019).
- Wodak R., Meyer M.* *Methods of critical discourse analysis*. 2nd ed. London : Sage Publications Ltd., 2009. 200 p.
- Wodak R.* The discourse of politics in action: Politics as usual. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p. URL : dx.doi.org/10.1057/9780230316539 (дата обращения: 24.02.2019).
- Woolard K.* Language ideology: issues and approaches // *Pragmatics*. 1992. Vol. 2 (3). P. 235–249.

REFERENCES

- Kaufova I., Kaufova L.* Politkorrektnost' v britanskoi politicheskom diskurse // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2017. № 10 (76) : v 3 ch. Ch. 1. С. 111–114.
- Kaufova L.* Jazykovaja lichnost' politicheskogo lidera na primere diskursa Terezy M'jej. Izdanie Pjatigorskogo Gosudarstvennogo Universiteta // *Universitieskie chtenija*. 2017. № 2. С. 65–71. URL : pglu.ru/upload/iblock/c95/12.pdf (data obrashhenija: 21.02.2019).

- Fedorova A.* Lingvisticheskie osobennosti rechevogo vozdejstviya v politicheskom vystuplenii Terezy Mjej // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Lingvistika. 2018. № 3. С. 45–52.
- Davies A.* Politicized language. The encyclopedia of language and linguistics (vol. 6), ed. by Ron E. Asher. Oxford : Pergamon, 1994. P. 3211–3214.
- Dijk T., van* What is political discourse analysis? 1997. Retrieved January 20, 2013. URL : discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse (дата обращения: 25.02.2019).
- Dijk T., van* News analysis: Case studies in the international and national news in the Press. L. Erlbaum, 1988. 325 p.
- Fairclough N.* Language and power. London : Longman, 1989. 248 p.
- Fairclough N.* Media discourse. London : Edward Arnold, 1995a. 214 p.
- Fairclough N.* Critical discourse analysis. London : Longman, 1995b. 265 p.
- Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. London : Sage Publications, 1997. Vol. 2. P. 258–284.
- Halliday M.* A Faircloughian approach to CDA: Principled eclecticism or a method searching for a theory // Melbourne Studies in Education. Introduction to functional grammar. London : Edward Arnold Henderson R., 2005. 46 (2). P. 9–24 URL : dx.doi.org/10.1080/17508480509556422 (дата обращения: 22.02.2019).
- Leeuwen T.* Critical discourse analysis // Discourse of course: An overview of discourse studies. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 277–292. URL : dx.doi.org/10.1075/z.148.27lee (дата обращения: 20.02.2019).
- Liliana A.* Meaning and Intention in Political Discourse about Brexit [Электронный ресурс] // International Conference RCIC'18 Bucharest, 17–19 May, 2018. P. 229–235. URL: afahc.ro/ro/rcic/2018/rcic'18/volum_2018/229-235%20Alic.pdf (дата обращения: 23.02.2019).
- Paltridge B.* Critical Discourse analysis // Discourse studies reader: Essential excerpts / K. Hyland (ed.). London : Bloomsbury Academic, 2013. P. 89–109.
- Peled Y.* Language, rights and the language of language rights: the need for a new conceptual framework in the political theory of language policy // Journal of Language & Politics. 2011. Vol. 10 (3). P. 436–456.
- Prime Minister Theresa May held a press conference in 10 Downing Street. November 15, 2018. URL : gov.uk/Government/Brexit (дата обращения: 20.02.2019).
- Stubbs M.* Whorf's children: Critical comments on CDA // Evolving models of language. Milton Keynes : Multilingual Matters, 1997. P. 100–116. URL : univ-trier.de/fileadmin/fb2/ANG/Linguistik/Stubbs/stubbs-1997-whorfs-children.pdf (дата обращения: 23.02.2019).
- Svitach T.* An ideational metafunction analysis of Theresa May speech // «Молодий вчений». 2018. № 1(53), січень. P. 758–761.

- Thornbury S., Slade D.* Conversation: From description to pedagogy. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 376 p.
- Theresa May's address to delegates at the 2018 Conservative Party Conference in Birmingham, 3 October, 2018. URL : politicshome.com/.../conservative-party/.../read-full-theresa-mays-speech (дата обращения: 22.02.2019).
- Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit January 17, 2017. URL : time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript/ (дата обращения: 21.02.2019).
- Theresa May's speech outside 10 Downing Street on Conservative confidence vote, December 12, 2018. URL: thenational.ae/world/europe/full-statement-theresa-may-s-speech-outside-10-downing-street-on-conservative-confidence-vote (дата обращения: 20.02.2019).
- Theresa May's post-Salzburg speech, September 21, 2018. URL: ft.com/content/bb313136-bda9-11e8-8274-55b72926558f (дата обращения: 20.02.2019).
- Wang J.* A critical discourse analysis of Barack Obama's speeches // *Journal of Language Teaching and Research*. 2010. Vol. 1(39). P. 254–261. URL : dx.doi.org/10.4304/jltr.1.3. (дата обращения: 26.02.2019).
- Wodak R., Meyer M.* Methods of critical discourse analysis. 2nd ed. London : Sage Publications Ltd., 2009. 200 p.
- Wodak R.* The discourse of politics in action: Politics as usual. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p. URL : dx.doi.org/10.1057/9780230316539 (дата обращения: 24.02.2019).
- Woolard K.* Language ideology: issues and approaches // *Pragmatics*. 1992. Vol. 2 (3). P. 235–249.

УДК 811.111-26

С. В. Мухин, Д. А. Ефремова

Мухин С. В., кандидат филологических наук;
доцент кафедры английского языка № 1
факультета международных отношений МГИМО МИД России;
e-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Ефремова Д. А., кандидат филологических наук;
преподаватель кафедры английского языка № 1
факультета международных отношений МГИМО МИД России;
e-mail: efremovadarya@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЭЛЕГИИ

Анализируется использование лексико-стилистических средств создания тональности в текстах древнеанглийских элегий. Установлено, что преобладающая минорная тональность создается преимущественно с помощью негативно окрашенной лексики, которая поддается лексико-семантической систематизации и делится на три основные группы: лексемы, передающие морально-психологическое и физическое состояние человека; лексемы, описывающие природные условия и климат; лексемы, называющие общественные отношения.

Ключевые слова: тональность лексическая; древнеанглийский язык; элегия; экспрессивность; жанр; выразительные средства; отрицательная коннотация.

S. V. Mukhin, D. A. Efremova

Mukhin S. V., PhD (Philology), Associate Professor,
English Language Department # 1, Faculty of International Relations,
Moscow State Institute (University) of International Relations of the Foreign Ministry
of Russia; e-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Efremova D. A., PhD (Philology), teacher,
English Language Department # 1, Faculty of International Relations,
Moscow State Institute (University) of International Relations
of the Foreign Ministry of Russia; e-mail: efremovadarya@yandex.ru

LEXICAL TONE OF OLD ENGLISH ELEGY

The focus of the study is on the lexical and stylistic means of creating tone in Old English elegies. It is revealed that the prevalent melancholic tone is pitched primarily through the use of the negatively colored vocabulary grouped into three categories according to the lexico-semantic criterion: lexemes denoting one's psychological and physical condition, lexemes describing weather and climate conditions and lexemes characterising social relations.

Key words: lexical tone; Old English; elegy; expressiveness; genre; expressive means; negative connotation.

Введение

Одной из актуальных проблем лингвистики текста является анализ тональности различных типов текста. Тональность определяется как текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, к адресату и ситуации общения. Тональность зависит от ценностных воззрений автора и характера речевого взаимодействия [Кожина 2008].

Исследования категории тональности проводятся в следующих направлениях:

- а) разграничение тональности и других текстовых категорий, прежде всего модальности и экспрессивности [Тагильцева 2006];
- б) классификации тональности текста [Bollen 2010];
- в) изучение взаимосвязи тональности текстов и их стилевой и жанровой принадлежности [Горшкова 1989];
- г) разработка машинных методов анализа тональности текста с привлечением достижений компьютерной лингвистики [Mikolov, Chen 2013];
- д) выявление средств реализации тональности различных типов текста [Алиева, Серебрянская 2015]. Это направление в силу неограниченности и разнообразия материала остается малоизученным.

На материале поэтических текстов должного освещения категория тональности не получила. Этот факт обуславливает новизну данного исследования, объектом которого являются средства выражения тональности текста, а предметом – средства выражения тональности текста в древнеанглийских элегиях. Отмечается, что ключевым средством реализации тональности текста является эмоционально-экспрессивная лексика, что позволило ввести термин «лексическая тональность», т. е. эмоциональная составляющая текста, выраженная на уровне лексемы или коммуникативного фрагмента [Пазельская, Соловьев 2015].

В современных исследованиях наиболее распространенной является деление тональности по характеру речевого воздействия на 1) мажорную – отражение положительных эмоций и оценок, общий оптимистический настрой; 2) минорную – отражение сниженных

и отрицательных эмоций и оценок, общий пессимистический настрой; 3) нейтральную (нулевую) – объективность положения, предельно малая значимость психологического речевого общения [Стилистический энциклопедический словарь ... 2003]. Также релевантной для данного исследования является классификация тональности по способу представления на открытую (эксплицитную), построенную за счет языковых средств с усиленной эмоциональностью, и неявную (имплицитную), реализуемую при помощи сюжетно-композиционных средств и средств, интерпретируемых за счет широкого контекста [Романцова 2012]. Независимо от принимаемой за основу классификации тональности текста, отмечается ее стилевая и жанровая детерминированность [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008].

Целью данной статьи является выявление особенностей реализации данной категории в зависимости от изучаемого поэтического жанра элегии.

Элегия традиционно понимается как жанр лирики, характеризующийся небольшим объемом, свободной композицией, преобладанием рассуждения (от 1-го л. ед. ч.) и описания идеального пейзажа как композиционно-речевых форм, а также преимущественно грустной тональностью [Литература и язык 2006; Эйгес 1925]. Для каждого текста, традиционно относимого к древнеанглийским элегиям, существует та или иная причина, позволяющая исключить его из данной группы при известной степени строгости жанрового канона [Смирницкая 1980]. И всё же их объединяет ключевая черта – преимущественно минорная тональность. Именно этот факт позволяет использовать древнеанглийские тексты с преобладающим грустным тоном изложения «Вульф и Эадвакер» (ВЭ), «Плач жены» (ПЖ), «Руины» (Р), «Скиталец» (С), «Морестранник» (М) в качестве материала для анализа.

Все элегии дошли до нас в единственном экземпляре Эксетерского манускрипта, известного с 1072 г. как главный поэтический сборник Древней Англии (*mycel Enzlicc boc be zehwilcum þinzum on leod-wisan zeworht* – большая английская книга о всяческих вещах, в стихах сделанная). Первый перевод на новоанглийский язык и адаптация текста для нужд современного читателя были сделаны в 1842 г. Б. Торпом [Thorpe 1842]. Цитируемые фрагменты взяты из данного издания, при этом орфография приведена в соответствие с отечественной учебно-исследовательской традицией.

В ходе исследования использовались методы лингвистического наблюдения, контекстуального и суперлинейного анализа, метод лексико-семантического группирования, а также количественные методы.

Исследовательская часть

Ключевую роль в создании тональности текста играет лексика, и древнеанглийские элегии не являются исключением. По способу распределения в тексте тональность изучаемого текста можно охарактеризовать как полевую категорию: используемая для создания минорной тональности лексика с отрицательной коннотацией группируется по лексико-семантическим полям.

К коннотативно маркированной лексике мы относим не только слова, у которых этот элемент их семантики является узуальной характеристикой, например *wælsleah* – *резня, бранное смертоубийство* или *zeotor* – *печальный, скорбный*, но и единицы, реализующие отрицательную эмотивность контекстуально: *þæs was ... ræzhar ond readfah* – *эта стена ... серая от лишайника и с красными пятнами*¹ (Р), где с помощью прилагательных *ræzhar* и *readfah* описываются замшелые руины древних зданий как элемент общей грустной картины запустения и упадка, а также *Wulf, min Wulf, wena me þine seoce zedydon, þine seldcymas* – *Вульф, мой Вульф, надежды на тебя мне больно сделали, твои редкие приходы* (ВЭ), где существительное *seldcume* в устах рассказчика – разочарованной женщины – выражает досаду и упрек любимому человеку. Контекстуально отрицательное значение может реализоваться у глаголов: *Wa bið þat þe sceal of lanzorþe leofes abidan* – *Горе тем, кто должен в тоске любимых ждать* (ПЖ), где глагол *abidan* называет действие, явно причиняющее страдание говорящему. Даже пространственное наречие в контексте может приобретать отрицательную эмотивность: *fah feorres folclondes* – *изгой вдалеке от родной земли* (ПЖ).

Анализ лексики с отрицательной коннотацией и эмотивностью позволяет выделить три группы слов, входящих в соответствующие лексико-семантические поля: 1) морально-психологическое и физическое состояние человека; 2) климат и погодные условия; 3) общественные отношения. Рассмотрим последовательно каждую группу.

¹Зд. и далее перевод наш. – Авт.

Группа лексем, описывающих морально-психологическое и физическое состояние человека

Описание как доминирующая композиционно-речевая форма древнеанглийской элегии строится преимущественно с помощью именных частей речи, при этом большинство лексем являются именами существительными, например: *earfoþ* – *трудность, тягота*, *searu* – *горесть, забота*, *sorz* – *забота, тревога*, *synn* – *грех*, *sar* – *боль* и т. д., либо прилагательными: *zeotor* – *печальный*, *heardsæliz* – *несчастливый*, *wac* – *слабый*, *dol* – *глупый* и т. д.

Имеет место использование нескольких глаголов, например: *lanzian* – *внушать тоску*, *weran* – *рыдать*, *searian* – *увядать*, *ealdian* – *стареть* и причастных форм: *turnende* – *скорбящий*, *oflonzad* – *охваченный тоской* и др. В двух случаях употребляется числительное *an* – *один*, которое выражает идею одиночества: *ic on uhtan ana zonze* – *я поутру одинока хожу* (ПЖ). Также отмечено междометие *wa* – *увы*.

Значительная часть из перечисленных лексических единиц используется для именованья различных оттенков психологического состояния подавленности, угнетенности, и, соответственно, их семантика предельно антропоцентрична. Данные единицы широко используются в повествовании, когда рассказчик делится собственным горьким опытом. Такая лексика обусловлена сюжетами элегий «Плач жены» и «Морестранник», повествуемых от первого лица: *oft mec her wraþe bezeat* – *часто злость меня здесь гложет* (ПЖ), а также *bitre breostceare zebiden hæbbe* – *горькие заботы в груди (моей) были* (М). В то же время употребление данной лексики не ограничивается только контекстами с первым лицом, поскольку она весьма востребована также в рассуждении, когда рассказчик взывает к разуму слушателей, предлагая их вниманию отрицательные примеры (С):

ne sceal no to *hatheort* ne to *hrædwyrde*,
ne to *wac* wiza ne to *wanhydið*,
ne to *forht* ne to *fæzen*, ne to *feohzifre*
ne *næfre zielpes* to *zeorn*, ær he *zeare cunne*

не должен быть *вспыльчивым*, ни говорить *необдуманно*,
ни слишком (быть) *слабым* в бою, ни *безрассудным*,
ни слишком *боязливым*, ни *ликующим*, ни до богатства *жадным*,
никогда к *бахвальству* скорым, пока он наверняка не знает.

Печальная тональность также обеспечивается при обращении к чувствам слушателей за счет использования средств образности, прежде всего метафор, эпитетов и олицетворения: *Yldo him on fareþ, on sun blacað – Старость к нему приходит, лицо выцветает* (М). Олицетворение в данном примере представляет старость как живое существо, способное передвигаться.

Меньшая подгруппа лексем используется для именованья различных вариантов состояния физического дискомфорта: *ne swete forswelzan ne sar zefelan – ни сладкого испробовать, ни боль почувствовать*, а также *eorþan indryhto ealdað ond searað – этого мира зная стареет и увядает* (М). Часто лексемы со значением боли или физического недомогания употребляются в метафорическом смысле, для описания дискомфорта душевного: *þonne beoð þu hefizran heortan benne, sare æfter swæsne – тем тяжелей оттого сердечная рана, болит без любимых* (С).

Группа лексем, используемых для описания враждебности природы, суровости климата и неблагоприятных погодных условий

Условия жизни средневекового человека ставили его в зависимость от внешней среды, поэтому вполне закономерно, что лексика, описывающая непогоду или разрушительную силу природы, широко употребляется в элегиях. Субстантивные и адъективные лексемы с отрицательной коннотацией из этого ряда называют погодные явления, ассоциируемые с холодом, зимой, ветром, морской стихией, а также разрушительные природные процессы, например: *scur – ливень; hrið – шторм; hryre – гибель, упадок; hrimceald – ледяной, студеной; hryðiz – потрепанный; reniz – дождливый* и др. Отмечены глаголы, например: *þiран – темнеть; brosnian – гнить, распадаться; dreorzian – рушиться, гибнуть* и пассивные причастия: *zebræc – сломанный; zehroren – упавший; zehearpen – разорванный* и др.

Наибольшей концентрации на единицу объема текста «погодноклиматическая» лексика достигает в некоторых контекстах «Морестранника»:

*Nap nihtscua, norþan sniwde,
hrim hrusan bond, hæzl feol on eorþan,
corna caldast.*

*Сгущались тени ночные, с севера снег сыпал,
мороз сковал земную твердь, град падал на землю,
из зерен холоднейшее.*

Лексика, называющая природные процессы или их результат, очень востребована в контекстах, где акцент ставится на разрушительном действии природы с течением времени. Враждебная природа и время осознаются как некая действенная живая сила, что находит свое выражение в контекстуальном усилении роли и увеличении общего количества глагольных форм, в данном случае причастий II, а также олицетворения (Р):

*Hrofas sind zehrorene, hreorze torras,
hrunzeat berofen, hrim on lime,
scearde scurbeorze scorene, zedrorene,
ældo undereotone.*

*Крыши провалены, разрушены башни,
Врата растащены, иней на известке,
Дощатая кровля разодрана, сброшена,
старостью изъедена.*

Лексика, описывающая общественные отношения

Раннее Средневековье отличалось неустроенностью общественных институтов, а зачастую открытой враждебностью социума к индивиду. В элегиях это находит выражение в темах изгнания и войны. Коннотативно окрашенная лексика, используемая для описания непростых отношений между обществом и человеком, в основном выражает тоску по дому и привычному миру, который утрачен лирическим героем. Кроме того, важную роль играют лексемы, представляющие собой обрядовую погребальную терминологию. Отмечается употребление существительных и прилагательных, например: *ezhete* – война (букв. 'ненависть меча'); *lastword* – эпитафия; *fæhr* – мечь; *wælzifre* – воинственный; *wæltreow* – жестокий, кровожадный и др. В небольшом количестве употребляются глаголы, например: *forbærnan* – сжечь (на погребальном костре); *afeszan* – убить и др.

В контекстах с перечисленной лексикой говорится о войне:

Sindon wæltreowe weras þær on ize; willað hy hine afeszan, zif he on þreat cymed. – До сечи жадные мужи на острове том, хотя убить его, если он с дружиной придет (ВЭ).

Речь также может идти об одиночестве лирического героя, изгнанного из родного ему сообщества: *ðonne onwæcneð eft wineleas zuma, zesihð him biforan fealwe wezas* – тогда просыпается вновь **без друзей** человек и видит перед собой сумрачные волны (С). Наконец, погребальная лексика описывает либо обряд кремирования, отражающий ранние древнегерманские культурные реалии, либо ритуал захоронения в земле, характерный для нового христианского времени: *fyres fulne... oþfe on bæle* – в ужасном **пламени**... или на **костре погребальном** (М), и там же:

Beah þe zræf wille zolde strezan
broþor his zeborenum, byrzan be deadum
maþmum mislicum

Хоть **могилу** хочет золотом устлать
брат родичу своему, **похоронит** с покойником
сокровища всякие

В некоторых контекстах лексика, принадлежащая ко всем перечисленным категориям, используется в тесном взаимодействии, создавая сильный эффект печальной элегической тональности (С):

Sume wiz fornom,
ferede in forðweze, sumne fuzel oþbaer
ofer heanne holm, sumne se hara wulf
deade zedælde, sumne dreorizhleor
in eorðscræfe eorl zehydde.

Иных **война** отняла,
далёко увела, кого **забрала** птица
за море штормовое, кого-то серый волк
со **смертью** поделил, кого-то **скорбный** вождь
в **укрытие** земное навеки **схоронил**.

В примере минорная тональность создается негативнооценочной лексикой из трех выделенных групп, обозначающей морально-психологическое состояние человека: *dreorizhleor* – **скорбный**; погодные условия: *ofer heanne holm* – **за море штормовое**; общественные отношения: *wiz* – **война**. Грустная тональность усиливается тропами с живой образностью: метафорами: *wiz fornom ferede in forðweze* – **война отняла, далёко увела**, *deade zedælde* – **со смертью поделил**; метонимией *ofer heanne holm* – **за море штормовое** (букв. 'за высокую

волну'); эвфемистическими перифразами: *fuzel ofþær* – *забрала птица (-падальщик)*; *in eorðscræfe... zehydde* – *в укрытие земное... схоронил*. Большую роль в создании минорной тональности играет символизм: известно, что волк у многих народов Европы считался проводником в мир иной, а птица-падальщик всегда олицетворяла смерть.

Помимо коннотативно окрашенной лексики для реализации минорной лексической тональности в древнеанглийских элегиях используются, хотя и в меньшей степени (в 20% проанализированных контекстов), средства образности и экспрессивности. Преимущественно печальное настроение элегий передается эпитетами и метафорами, которые попадают во все три выделенные выше лексико-семантические группы (1-я группа – 22 контекста; 2-я группа – 25 контекстов; 3-я группа – 9 контекстов).

В контекстах первой группы внутренний мир лирического героя наполнен грустью, заботами, мучениями и отчаянием, что передается эпитетами, которые нередко носят плеонастический характер: *sorze... bitter in breosthord* – *забота... горькая в груди*; *bitre breostcare* – *горькую заботу*; *earmne anhozan* – *жалкого одиночку*; *werizne sefan* – *утомленный дух*, и метафорами: *cearselda* – *юдоли печали*; *heortan benne* – *сердечные раны*; *min huze hweorfed ofer hreþerlocan* – *мой дух рвется из груди*; *tes ... wraþe bezeat* – *мною... гнев овладевает*. Человек представлен как безнадежно несвободный, что показано при помощи метафорических образов закрытого и закованного в кандалы духа: *in hyra breostcofan bindað fæste, swa ic modsefan minne sceolde... fetegum sælan* – *в сундук груди замыкают накрепко, как и я дух свой должен в кандалы заковать* (С). Единственный выход из мрачной глубины грусти, отчаяния и мучительной неволи видится в смерти, которая тоже изображена как неизбежный конец противоречивой жизни за счет употребления конвергенции стилистических приемов оксюморона и метафоры: *þis deade lif læne on londe* – *эта мертвая жизнь, данная временно на земле*.

В контекстах второй группы природа представляется как враждебная человеку и передает общее печальное настроение текста через употребление эпитетов: *hlimman sæ* – *бурное море*; *fealwe wezas* – *сумрачные волны*; *dena dimme* – *мрачная долина*; *bitre burztunas* – *мрачная стена* и метафор: *stanhleoþu stormas cnyssað* – *каменные склоны штормы бьют*; *winde biwaune weallas stondaþ* – *ветром сотрясаемые*

стены стоят и др. Погода в изучаемом типе текста ограничивает свободу человека, сковывает его движения, что видно в следующей расширенной метафоре:

Calde zebrunzen wæron mine fet, *forste zebunden caldum clomtum*. – *Холод пронзал* мне ноги, *морозом скованные, стужей связанные* (М).

Образ ледяной стихии, сдерживающей перемещения человека, становится более ярким за счет использования контрастирующего с ним метафорического образа: *ceare seofedun hat ymb heortan* – *заботы кипели жгучие у сердца* (М).

В контекстах третьей группы человеческие отношения представлены как несовершенные, несущие угрозу индивидам, что видно в употреблении следующих эпитетов: *morþor hyczendne* – *убийство замышляющий*; *wæltreowe weras* – *жестокие мужи*; *wraþra wælsleahta* – *жестокая сечь*, а также в приеме олицетворения: *wæpen wælzifru* – *кровожадное оружие*.

Помимо изобразительно-выразительных средств для создания минорной лексической тональности в древнеанглийских элегиях используются и средства экспрессивности, прежде всего междометия:

Eala beorht bune! *Eala* byrnwiza! *Eala* þeodnes þrym! – *Увы*, блестящий кубок! *Увы*, в кольчуге воин! *Увы*, княжья слава! (С).

Этимология междометия *eala* обуславливала его частотное употребление для выражения печали [Sauer 2009, с. 177]. В данном контексте оно используется для выражения сожаления, а его анафорический повтор в параллельных структурах усиливает эффект.

Заключение

Исследование показало, что ключевая жанрообразующая черта древнеанглийских элегий – минорная тональность – по способу распределения в тексте носит полевой характер. Наиболее распространенным средством ее выражения в данном жанре лирики является негативно окрашенная лексика, которая в целом поддается лексико-семантической систематизации и распадается на три основные группы: лексем, передающих морально-психологическое и физическое состояние человека, описывающих природные условия и климат, а также воссоздающих общественные отношения. Такая классификация во

многим определяется тематикой древнеанглийских элегий, в центре внимания которых лежат внутренний мир человека и его отношения с природой и социумом. Среди менее частотных средств выражения категории тональности в изучаемом жанре можно отметить тропы, прежде всего эпитеты, метафоры и олицетворения, а также средства создания экспрессивности, среди которых основную роль играют междометия. Лексико-семантическая категоризация изобразительно-выразительных средств и средств экспрессивности показала, что по значению они распадаются на те же группы, при этом наибольшая общность наблюдается в описании отношений людей и природы, поскольку для средневекового человека данная сфера являлась наиболее сложно интерпретируемой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева В. Н., Серебрянская В. А.* Языковые средства выражения эмоциональной тональности текста (на материале рассказов А. П. Чехова) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 89–95.
- Горнфельд А. Г.* Элегия, литературный жанр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907. (82 т. и 4 доп.)
- Горшкова М. Л.* К определению понятия стилистической тональности художественного текста // Текст и его категориальные свойства. Киев, 1989. С. 20–64.
- Клушина Н. И.* Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 460 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
- Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. М. : Росмэн, 2006.
- Пазельская А. Г., Соловьев А. Н.* Метод определения эмоций в текстах на русском языке: труды международной конференции «Диалог, 2011». С. 510–522. URL : www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/50.pdf (Дата обращения: 17.02.2019).
- Романцова Т. Д.* Язык и стиль современных медиатекстов : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 235 с.
- Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М. : Наука, 1982. С. 171–232.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2006. 694 с.

- Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальности и тональность в политическом интернет-дискурсе : дис ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 251 с.
- Эйгес И. Р. Элегия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.-Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. П-Я. С. 1111–1113.
- Bestul T. H. The Old English “Resignation” and the Benedictine Reform. *Neuphilologische Mitteilungen*. 1977. Vol. 78, No. 1. P. 18–23.
- Bollen J., Mao H., Zeng X. J. Twitter Mood Predicts the Stock Market // *JTechnical Report* arxiv:1010.3003, CoRR. 2010. URL : arxiv.org/pdf/1010.3003 (дата обращения: 20.02.2019).
- Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL : bosworth.ff.cuni.cz/finder/3/swomon (дата обращения: 19.02.2019).
- Klinck A. L. *The Old English Elegies: A Critical Edition and Genre Study*. McGill-Queen’s University Press. 2001. 472 p.
- Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space: in Proc. of Workshop at ICLR, 2013. URL : arxiv.org/pdf/1301.3781.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Pang B., Lee L. *Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. No. 2. P. 1–135.
- Sauer H. How the Anglo-Saxons Expressed Their Emotions with the Help of Interjections // *Brno Studies in English*. 2009. V. 35. No. 2. P. 69–183.
- Thorpe B. *Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry*. London, 1842. 546 p. URL : archive.org/details/codexexoniensis01londgoog/page/n9 (дата обращения: 10.02.2019).

REFERENCES

- Alieva V. N., Serebrjanskaja V. A. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocional’noj tonal’nosti teksta (na materiale rasskazov A. P. Chehova) // *Uchenye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2015. T. 1 (67). № 3. S. 89–95.
- Gornfel’d A. G. Jelegija, literaturnyj zhanr // *Jenciklopedicheskij slovar’ Brokgauza i Efrona : v 86 t. SPb., 1890–1907. (82 t. i 4 dop.)*
- Gorshkova M. L. K opredeleniju ponjatija stilisticheskoy tonal’nosti hudozhestvennogo teksta // *Tekst i ego kategorial’nye svojstva*. Kiev, 1989. S. 20–64.
- Klushina N. I. Obshhie osobennosti publicisticheskogo stilja // *Jazyk SMI kak ob’ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija : ucheb. posobie / otv. red. M. N. Volodina. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. 460 s.*
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskij V. A. *Stilistika russkogo jazyka. M. : Flinta : Nauka, 2008. 464 s.*

- Literatura i jazyk. Sovremennaja illjustrirovannaja jenciklopedija / pod red. prof. A. P. Gorkina. M. : Rosmjen, 2006.
- Pazel'skaja A. G., Solov'ev A. N.* Metod opredelenija jemocij v tekstah na rusском jazyke: trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog, 2011». S. 510–522. URL : www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/50.pdf (Data obrashhenija: 17.02.2019).
- Romancova T. D.* Jazyk i stil' sovremennyh mediatekstv : ucheb. posobie. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2012. 235 s.
- Smirnickaja O. A.* Pojeticheskoe iskusstvo anglosaksov // Drevneanglijskaja poezija. M. : Nauka, 1982. S. 171–232.
- Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M. N. Kozhinoj. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Flinta : Nauka, 2006. 694 s.
- Tagil'ceva Ju. R.* Sub#ektivnaja modal'nosti i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse : dis ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 251 s.
- Jejges I. R.* Jelegija // Literaturnaja jenciklopedija: Slovar' literaturnyh terminov : v 2 t. / pod red. N. Brodskogo, A. Lavreckogo, Je. Lunina, V. L'vova-Rogachevskogo, M. Rozanova, V. Cheshihina-Vetrinskogo. M. – L. : Izd-vo L. D. Frenkel', 1925. T. 2. P–Ja. S. 1111–1113.
- Bestul T. H.* The Old English “Resignation” and the Benedictine Reform. Neuphilologische Mitteilungen. 1977. Vol. 78, No. 1. P. 18–23.
- Bollen J., Mao H., Zeng X. J.* Twitter Mood Predicts the Stock Market // JTechnical Report arxiv:1010.3003, CoRR. 2010. URL : arxiv.org/pdf/1010.3003 (дата обращения: 20.02.2019).
- Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL : bosworth.ff.cuni.cz/finder/3/swomon (дата обращения: 19.02.2019).
- Klinck A. L.* The Old English Elegies: A Critical Edition and Genre Study. McGill-Queen's University Press. 2001. 472 p.
- Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J.* Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space: in Proc. of Workshop at ICLR, 2013. URL : arxiv.org/pdf/1301.3781.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Pang B., Lee L.* Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008. No. 2. P. 1–135.
- Sauer H.* How the Anglo-Saxons Expressed Their Emotions with the Help of Interjections // Brno Studies in English. 2009. V. 35. No. 2. P. 69–183.
- Thorpe B.* Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry. London, 1842. 546 p. URL : archive.org/details/codexexoniensis01londgoog/page/n9 (дата обращения: 10.02.2019).

УДК 81-11

Н. В. Зененко, М. А. Зененко

Зененко Н. В., доктор филологических наук, доцент;
профессор кафедры романских языков Военного университета МО РФ;
e-mail: zenenko@mail.ru

Зененко М. А., кандидат филологических наук; доцент кафедры
португальского языка МГЛУ; e-mail: zenenko@mail.ru

ВНЕШНИЙ ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКИ В ИСПАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Газета в эпоху развития цифровых информационных технологий – это не только информационный посредник, но и важный инструмент создания и / или уничтожения имиджа государства. Целью данной статьи является определение внешнего имиджа Мексики, формирующегося в испанском газетном дискурсе. Мексика, являясь многонациональным государством, отстаивает демократические права и свободы своих граждан и заявляет о своем лидерстве в латиноамериканском регионе. Опыт взаимодействия Испании и Мексики формирует позитивные гетеростереотипы о мексиканской нации у современных испанцев.

Ключевые слова: имидж государства; испанский газетный дискурс; гетеростереотипы; картина мира.

N. V. Zenenko, M. A. Zenenko

Zenenko N. V., Doctor of Philology, Associate Professor;
Professor, Roman languages Department, Military University MD,
Russian Federation; e-mail: zenenko@mail.ru

Zenenko M. A., Associate Doctor of Philology,
Associate Professor, Department of Portuguese Language,
Moscow State Linguistic University (Russia); e-mail: zenenko@mail.ru

EXTERNAL IMAGE OF MODERN MEXICO IN SPANISH NEWSPAPER DISCOURSE

The newspaper in the era of the development of digital information technologies is not only an information intermediary, but also an important tool for creating and / or destroying the image of the state. The purpose of this article is to determine the external image of Mexico, emerging in the Spanish newspaper discourse. Mexico, as a multinational state, defends the democratic rights and freedoms of its citizens and declares its leadership in the Latin American region. The experience of interaction between Spain and Mexico forms positive heterostereotypes about the Mexican nation among modern Spaniards.

Key words: state image; Spanish newspaper discourse; heterostereotypes; picture of the world.

Введение

В конце прошлого столетия в мировой геополитике произошли глобальные изменения: в Европе – это распад СССР, объединение Германии и образование Евросоюза, в Латинской Америке – это начало качественно новых политических и экономических преобразований, которые, в свою очередь, оказали влияние на изменение вектора поведения стран этого региона в глобальном мировом пространстве.

Страны Латинской Америки, вопреки региональной политической нестабильности, развивают национальные экономики. Мексика сегодня входит в состав самых экономически развитых стран латиноамериканского континента. По добыче природных ископаемых (нефти, газа) страна занимает доминирующие позиции в мире. Объем промышленного производства и размер ВВП (в списке МВФ за 2017 г. Мексика на одиннадцатом месте, уступает Франции, но обходит Испанию по четырем позициям) позволяет ей занять место серьезного игрока в процессе администрирования мирового порядка [Экономика Мексики URL]. Однако мексиканский подъем проходит нелегко.

В данной статье предпринимается попытка определить внешний имидж современной Мексики. Материалом для исследования стал газетный дискурс, который отечественными лингвистами трактуется как самостоятельный подстиль массово-информационного дискурса, выполняющий конкретные функции и обладающий характерными признаками [Грушевская 2002; Котов 2003; Луканина 2003; Доброклонская 2007]. По мнению отечественных политологов (Д. П. Гавра, А. С. Савицкая, Д. П. Шишкин и др.), СМИ обладают необходимыми ресурсами для создания или деструкции образа государства [Гавра, Савицкая, Шишкин URL].

Однако для выполнения поставленной нами задачи, сугубо лингвистический подход к этой тематике может сузить рамки нашего исследования, поэтому мы будем использовать достижения других наук. С конца XX в. отечественные и зарубежные лингвисты, изучающие язык газеты, активно используют в своем анализе результаты различных областей научного знания – когнитологии, психологии, теории коммуникации, социологии, культурологии, политологии.

Внешний имидж государства как стратегический ресурс нации

В эпоху глобального мирового пространства и развития цифровых информационных технологий для каждой страны важно, как ее воспринимают и оценивают во внешнем мире. Внешнеполитическая деятельность и внутренняя политика государства, базирующиеся на информационном посреднике, способны сформировать определенный имидж. Вопросы исследования имиджа государства в последнее десятилетие привлекают внимание таких отечественных ученых, как Д. П. Гавра, А. С. Савицкая, Э. А. Галумов, С. Е. Захарова, Д. Н. Замятин и др. Особую важность и актуальность создание положительного имиджа страны приобретает в формате современных геополитических трендов. Дальновидные политики считают, что устойчивый позитивный образ страны может стать стратегическим ресурсом для повышения конкурентоспособности государства на международной арене.

В социально-гуманитарном познании понятие «имидж» начали активно использовать зарубежные экономисты, а в конце XX века этот термин появился в трудах отечественных политологов. Позднее этот термин пришел в когнитивную лингвистику и лингвокультурологию.

В отечественной науке первые имиджевые исследования связаны с изучением образа видных политических деятелей. Имиджелогия как наука пришла из западной культуры и составляет методологическую базу для развития российской имиджелогии [Почепцов 2000]. Имиджелогия – это относительно молодая наука, которая занимается проектированием технологий создания общественного мнения у членов одного социума о другом [Голев 2004].

Важную роль в формировании образа страны играет газета, которая рассматривается нами как информационный посредник между собственной внешней информационной политикой и информационной политикой другого государства. Распространение информации в современной газетной статье происходит с целью оказать влияние на сознание человека и сформировать или изменить его психологические установки. Газета – это самый действенный инструмент в создании имиджа нации, она способна навязать читателю определенные социальные и этнические стереотипы. Принято считать, что впервые в научный лексикон понятие «стереотип» ввел американский аналитик

массмедиа У. Липпманн (Walter Lippmann). Согласно его мировосприятию, ввиду сложности и изменчивости окружающего нас мира, мы не в состоянии единовременно осознать его (мир) в полном объеме, и поэтому мы вынуждены моделировать в своей голове упрощенные схемы, которые состоят из стереотипов [Липпманн 2004].

Ученые подразделяют этнические стереотипы на автостереотипы (представления нации о самой себе как самобытной культуры, «наш имидж») и гетеростереотипы (оценочные суждения о других нациях) [Этнические автостереотипы ... URL]. Историческая практика взаимодействия определенных народов может формировать позитивные и / или негативные гетеростереотипы в картине мира.

Внешний имидж государства – это совокупность общих представлений, складывающихся у жителей зарубежных стран о нации в целом. Для формирования имиджа государства необходимо постоянное поступление информации, которая создает образ этого государства в глазах иностранцев. А это происходит в результате прочитанного (увиденного) в средствах массовой информации. По мнению современных российских политологов, внешний имидж государства складывается в результате единства ряда показателей: собственной внешней информационной политики и информационной политики других государств [Захарова 2002; Галумов 2005; Замятин 2003].

Любое государство – это определенный пакет ценностных установок, в который входят национальные приоритеты и учитываются геополитические интересы и особенности экономической системы страны. Имидж государства базируется на вышеуказанных положениях.

Для объективности нашего исследования, необходимо сделать небольшой экскурс в вопросы взаимосвязей и сотрудничества между Испанией и Мексикой. Отношения между этими странами всегда развивались на двусторонней основе и носили долгосрочный характер. Несмотря на разногласия по некоторым политическим и экономическим позициям, Испании и Мексики всегда удавалось сохранять тесные дружеские связи. «Единственный случай нарушения сложившейся традиции – разрыв дипломатических отношений в 1939 г., после прихода к власти в Испании Франсиско Франко, режим которого Мексика не поддержала. В марте 1977 г. двусторонние отношения были восстановлены. Но в целом ситуация никогда не доходила до столкновения политических интересов» [Косевич URL].

Мексика в СМИ Испании

Современная Мексика в средствах массовой информации Испании предстает перед нами как многонациональное государство, стремящееся завоевать лидирующие позиции среди стран Латинской Америки, но при этом не нарушающее демократические права и свободы граждан. В последние годы статьи популярных в Испании газет «ABC», «El País», «El Mundo», посвященные вопросам национальной и внутрирегиональной политике Мексики, насыщены идеями о том, что государство будет продолжать политику, направленную на международное сотрудничество, содействовать мирному урегулированию споров, а также уважать право соседних народов на самоопределение. Газеты изобилуют недвусмысленными лексемами: *la cooperación internacional* – международное сотрудничество¹; *autodeterminación de los pueblos* – самоопределение народов; *la solución pacífica de controversias* – мирное разрешение споров; *el respeto* – уважение (*El País*. 05.01.2019).

Политическая и экономическая стабильность современной Мексики позволяет ей претендовать на роль главы не только в региональной дипломатии, но и в принятии необходимых мер по борьбе с политическим кризисом в некоторых латиноамериканских странах. В газетных публикациях навязывается гетеростереотип о превосходстве мексиканской дипломатии в Латинской Америке и Карибском бассейне, об обязанности руководства страны перед всеми странами этого региона: *un papel decisivo* – решающая роль; *México debe ser un líder en la región* – Мексика должна быть лидером в регионе; *estamos dispuestos a asumir esta responsabilidad* – мы готовы взять на себя эту ответственность (*El País*. 16.01.2019).

В новейшей истории Мексика, обладая мощными экономическими ресурсами и возможностями, привлекает внимание ведущих мировых держав. Основными соперниками за лидерство в Мексике являются США и Евросоюз. После победы Д. Трампа на президентских выборах отношения между Мексикой и США осложнились. Это объясняется жесткой политикой президента США в отношении незаконной миграции. Однако неконтролируемые миграционные потоки представляют для экономики Мексики серьезную социальную опасность: наблюдается отток рабочих рук.

¹ Зд. и далее перевод наш. – Н. З.

Тесная связь с США влияет на внутренние и внешние политические приоритеты Мексики. Борьба действующего президента североамериканского государства с незаконной миграцией и распространением наркоторговли привела к тому, что Мексика становится пристанищем для безработных из других стран региона. Большая часть нелегальных иммигрантов – выходцы из Центральной Америки, бегут в США, преодолевая опасный путь через Мексику. Газетные публикации подобной тематики богаты оценочной лексикой: *la inmensa mayoría* – подавляющее большинство; *peligroso periplo* – рискованное путешествие (*El País*. 14.09.2018).

Руководство североамериканского государства в лице его президента, не заручившись согласием мексиканской стороны, приняло решение об отправке желающих получить пристанище обратно в Мексику на время рассмотрения их вопросов. В настоящий момент иммиграционные суды США переполнены подобными делами, поэтому процессуальные действия могут занять много времени. Несмотря на то, что чиновники Мексики официально заявили о готовности оказывать помощь людям, ожидающим на их территории получения убежища в США, мексиканское общество недовольно принятием таких решений. Доказательной базой формирующегося стереотипа «негодование населения» служат уточняющие детали некоторых событий в стране: *se registró un incidente* – был зафиксирован инцидент; *unos 300 pobladores protestaron* – около 300 жителей протестовали; *cantaban el himno mexicano* – они пели мексиканский гимн; *ante la mirada de los agentes de seguridad* – на глазах сотрудников правоохранительных органов (*El Mundo*. 26.10.2018).

Жители Мексики, патриоты своей страны, выступают не только против незаконных мигрантов, претендующих на их территорию, с призывами *¡Migrantes sí, invasores no! ¡Fuera, fuera!* (*El País*. 19.10.2018) – *Мигрантам да, захватчикам нет! Убирайтесь отсюда!*, но и прославляют свою страну лозунгами *¡Tijuana primero! ¡Tijuana se respeta! ¡Viva México!* – *Тихуана¹ на первом месте! Тихуана уважает себя! Да здравствует Мексика!* В данном примере мы наблюдаем использование анафоры – стилистического приема, для повышения экспрессивности декларации.

¹ Тихуана (Tijuana) – город на северо-западе Мексики (2 750 км от Мехико), расположенный на границе с США, рядом с американским Сан-Диего (*прим. Н. 3.*).

Однако не все мексиканцы призывают к изгнанию нелегалов из своей страны, определенная часть населения относится с пониманием и состраданием к людям, которые волею судеб оказались на их территории. В связи с растущей миграцией в Мексике они выступают за необходимость проведения реформ в социальной сфере:

Si Estados Unidos cierra su frontera, es previsible que en la nuestra se acumulen personas. También, que muchas no quieran volver a sus países. Esto conllevará que el Estado mexicano tenga que satisfacerles condiciones de vida adecuadas en educación, salud y seguridad pública (*El País*. 14.10.2018).

Если Америка закроет свою границу, то, конечно же, в нашей стране будут скапливаться толпы мигрантов. Кроме того, многие из них не захотят вернуться в свои страны. Это приведет к тому, что мексиканское государство должно будет предоставить им нормальные условия в сфере образования, здравоохранения и общественной безопасности.

Определенные сложности в некоторых отраслях экономики, которые испытывает Мексика сегодня, не позволяют сократить растущую безработицу и способствуют обнищанию населения. Средства массовой коммуникации Испании отмечают, что страна ожидает от правительства проведения реформ в сфере здравоохранения и образования. Общественные организации обеспокоены проблемой ожирения населения, которая в Мексике стоит не менее остро, чем в США и странах Европы. Для аргументации подобной информации используются статистические данные, точные цифры, названия общественных организаций: *según la Organización para la Cooperación y el Desarrollo* (ОЭСР) – по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); *el segundo país con mayor obesidad del mundo* – вторая по величине страна в мире по количеству людей, страдающих ожирением; *con un 32,4% de la población* – 32,4% населения (*El País*. 01.03.2019).

Социальные институты Мексики, реагируя на общественные потребности населения, обеспокоены уровнем образования в стране. В 2016 г. в Мексике проводился мониторинг качества образования, и международный тест PISA¹ показал, что грамотность школьников и умение применять знания на практике – на низком уровне (*El País*. 06.12.2016). Автор статьи категоричен в своих высказываниях в

¹PISA (Programme for International Student Assessment) – международная программа по оценке образовательных достижений учащихся.

отношении этой жизненно важной для страны темы и обращает внимание читателей на то, что результаты тестов подтверждают острую необходимость прямого воздействия правительства на реализацию образовательной реформы (*la necesidad y la urgencia de avanzar en la implementación de la reforma educativa – необходимость и срочность проведения реформ в сфере образования*).

Мексика подвержена глобальным экологическим проблемам, которые в основном связаны с загрязнением окружающей среды, плохим качеством водных ресурсов и изменением климата на планете. Правительство рассматривает меры по улучшению экологии и развитию возобновляемой энергетики в качестве неотъемлемой части экономической политики государства:

En México se recolectan más de 86.000 toneladas de basura al día, de las cuales solo se reutiliza el 11%, según datos del Instituto Nacional de Estadística y Geografía.

По данным Национального института статистики и географии, в Мексике собирают более 86 000 тонн мусора в день.

Sólo en el Valle de México, 70.000 industrias producen 1.338 toneladas de emisiones al año, equivalentes al 31% de los contaminantes totales que afectan al aire de la capital, dice la Comisión Ambiental de la Megalópolis.

Комиссия по охране окружающей среды утверждает, что только в долине Мехико 70 000 отраслей промышленности ежегодно производят 1 338 тонн выбросов, что эквивалентно 31% от общего объема загрязняющих веществ, пагубно влияющих на воздух в столице (*El País*. 17.05.2018).

Возобновляемая энергетика играет огромную роль в мексиканском промышленном секторе. Регенеративная энергия уже составляет более 16% от всей мексиканской электроэнергии. Однако мексиканская общественность критикует инициативу действующего президента страны, направленную на поддержку строительства нефтеперерабатывающих заводов под его (президента) руководством. Автор статьи отмечает, что это может затормозить инвестирование в возобновляемую энергетику:

La política energética de López Obrador provoca incertidumbre en el sector de las renovables (*El País*. 11.02.2019).

Энергетическая политика Лопеса Обрадора вызывает неясность в сфере возобновляемых источников энергии.

Высокая вулканическая активность на территории Мексики часто приводит к возникновению землетрясений, которые наносят серьезный ущерб экономике страны, однако эффективные мероприятия мексиканских властей, правоохранительных органов и содействие жителей позволяет обеспечить оперативный поиск жертв катастрофы и снизить количество пострадавших в стихийных бедствиях. В статье «Ciudad de México se enfrenta a la reconstrucción» (*El País*. 13.01.2018) упоминается о последствиях землетрясения, произошедшего 19 сентября 2017 года, и о принятых правительством мерах по восстановлению Мехико. Некоторые статистические данные и точные цифры обеспечивают валидность предпринятых властями действий: *más de 110.000 damnificados – более 110 000 пострадавших в катастрофе; recuperar más de 20.000 millones de pesos (más de 1.000 millones de dólares) – выделить из финансового бюджета страны более 20 000 миллионов песо (более 1000 миллионов долларов); el plan de reconstrucción – план восстановления.*

Заключение

Результат проведенного исследования статей из популярных испанских газет («ABC», «El País», «El Mundo») показал, что стабильные многоуровневые связи между Испанией и ее бывшей колонией влияют на мнение испанцев о современном имидже Мексики. Наш анализ продемонстрировал, что после политической и экономической турбулентности Мексика уверенно заявляет о своем главенстве в латиноамериканском регионе. Газета, являясь информационным посредником, способна сформировать внешний имидж государства. Конструктивный опыт сотрудничества двух стран способствует созданию позитивных гетеростереотипов о мексиканской нации у испанского читателя. В современных реалиях Мексика проявляет себя как многонациональное государство, которое способно гарантировать права и свободы своих граждан. Географическая близость и излишняя зависимость от торговых и финансовых рынков США препятствуют экономическому процветанию Мексики, страна испытывает трудности в сфере здравоохранения и образования, которые тормозят развитие страны. Мексиканцы обеспокоены проблемой нелегальной миграции, требуя от правительства принятия необходимых мер для обеспечения безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П.* Внешний имидж государства в медиапространстве // КиберЛенинка. URL : www.cyberleninka.ru/article/v/vneshniy-imidzh-gosudarstva-v-mediaprostranstve (дата обращения: 30.03.2019).
- Галумов Э. А.* Имидж против имиджа. М. : Известия, 2005. 552 с.
- Голев С. В.* Политическая психология : словарь-справочник. Херсон : ОМУРЧ «Украина» ХФ, 2004. 164 с.
- Грушевская Т. М.* Концептуальный мир политического газетного текста (на материале французской политической прессы) // Семантическая организация и интерпретация дискурса. Майкоп, 2002. С. 171–176.
- Добросклонская Т. Г.* Язык СМИ: становление и содержание понятия // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 4. С. 9–17.
- Замятин Д. Н.* Геополитика образа и структурирование метапространства // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–102.
- Захарова С. Е.* Психологические особенности имиджа ведущих политических партий Российской Федерации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 230 с.
- Косевич Е. Ю.* Современные мексикано-испанские отношения // КиберЛенинка. URL : www.cyberleninka.ru/article/v/sovremennnye-meksikano-ispanskiye-otnosheniya (дата обращения: 05.04.2019).
- Косевич Е. Ю.* Мексика в поисках реформы Совета Безопасности ООН // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 148–159.
- Котов А. А.* Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 280 с.
- Липпманн У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Луканина М. В.* Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 123–134.
- Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. М. : Рефл-бук, 2000. 315 с.
- Экономика Мексики. URL : countrymeters.info/ru/MEXICO/economy (дата обращения: 19.04.2019).
- Этнические автостереотипы и гетеростереотипы. URL : arheologija.ru/etnicheskie-avtostereotipy-i-geterostereotipy (дата обращения: 03.04.2019).
- ABC. 2018. URL : www.abc.es/internacional/abci-mexico-convierte-policia-fronteriza-trump-201810210259_noticia.html (дата обращения: 14.01.2019).

- El Mundo. 2018. URL : www.elmundo.es/internacional/2018/11/26/5bfc40cfe2704e1e588b458b.html?cid=MNOT23801&s_kw=2 (дата обращения: 16.01.2019).
- El País. 2019. URL : elpais.com/internacional/2019/01/04/america/1546633029_367630.html (дата обращения: 16.01.2019).

REFERENCES

- Arutjunova N. D.* Jazyk i mir cheloveka. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
- Gavra D. P., Savickaja A. S., Shishkin D. P.* Vneshnij imidzh gosudarstva v mediaprostranstve // KiberLeninka. URL : www.cyberleninka.ru/article/v/vneshnij-imidzh-gosudarstva-v-mediaprostranstve (data obrashhenija: 30.03.2019).
- Galumov Je. A.* Imidzh protiv imidzha. M. : Izvestija, 2005. 552 s.
- Golev S. V.* Politicheskaja psihologija : slovar'-spravochnik. Herson : OMURCh «Ukraina» HF, 2004. 164 s.
- Grushevskaja T. M.* Konceptual'nyj mir politicheskogo gazetnogo teksta (na materiale francuzskoj politicheskoy pressy) // Semanticheskaja organizacija i interpretacija diskursa. Majkop, 2002. S. 171–176.
- Dobrosklonskaja T. G.* Jazyk SMI: stanovlenie i sodержanie ponjatija // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2007. № 4. S. 9–17.
- Zamjatin D. N.* Geopolitika obraza i strukturirovanie metaprostranstva // Polis. Politicheskie issledovanija. 2003. № 1. S. 82–102.
- Zaharova S. E.* Psihologicheskie osobennosti imidzha vedushhijh politicheskijh partij Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2002. 230 s.
- Kosevich E. Ju.* Sovremennye meksikano-ispanskie otnoshenija // KiberLeninka. URL : www.cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-meksikano-ispanskie-otnoshenija (data obrashhenija: 05.04.2019).
- Kosevich E. Ju.* Meksika v poiskah reformy Soveta Bezopasnosti OON // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 12 (85). S. 148–159.
- Kotov A. A.* Mehanizmy rechevogo vozdejstvija v publicisticheskijh tekstah SMI : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2003. 280 s.
- Lippmann U.* Obshhestvennoe mnenie / per. s angl. T. V. Barchunova ; pod red. K. A. Levinson, K. V. Petrenko. M. : Institut fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
- Lukanina M. V.* Gazetnyj tekst cherez prizmu teorii kommunikacii // Vestnik MGU. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2003. № 2. S. 123–134.
- Pochepcov G. G.* Imidzhologija. M. : Refl-buk, 2000. 315 s.
- Jekonomika Meksiki. URL : countrymeters.info/ru/MEXICO/economy (data obrashhenija: 19.04.2019).
- Jetnicheskie avtostereotipy i geterostereotipy. URL : arheologija.ru/etnicheskie-avtostereotipy-i-geterostereotipy (data obrashhenija: 03.04.2019).

- ABC. 2018. URL : www.abc.es/internacional/abci-mexico-convierte-policia-fronteriza-trump-201810210259_noticia.html (data obrashhenija: 14.01.2019).
- El Mundo. 2018. URL : www.elmundo.es/internacional/2018/11/26/5bfc40cf_e2704e1e588b458b.html?cid=MNOT23801&s_kw=2 (data obrashhenija: 16.01.2019).
- El País. 2019. URL : elpais.com/internacional/2019/01/04/america/1546633029_367630.html (data obrashhenija: 16.01.2019).

УДК 179.9

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: literatura_mglu@mail.ru

РОССИЯ И ЗАПАД: ОТ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО ДО ГИ МЕТТАНА – ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

В статье на материале исследований Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и швейцарского журналиста Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война» прослеживается история агрессивной политики коллективного Запада в отношении России. По мнению Н. Я. Данилевского и Ги Меттана истоки вражды восходят к «великой схизме» – конфессиональному расколу Вселенской христианской церкви на Римско-католическую и Греко-католическую. Оставляя за собой роль «Персоны», Запад видит в России свою «Тень» – бессознательную противоположность того, что его сознательная самооценка утверждает в качестве нормы рационального способа поведения. Персона включает в себя наработки философского эмпиризма (Ф. Бекон) и рационализма (Р. Декарт) и вытесняет в Тень бытийность, которая на протяжении веков составляла онтологическую основу русской ментальности.

Ключевые слова: Персона; Тень; идеальное я / реальное я; перенос ответственности; механическая регуляция / органическая регуляция; альтернативный монолизм; диссоциация сознания и психики; самость.

A. P. Bondarev

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of domestic
and foreign literature, the Faculty of translation,
Moscow State Linguistic University; e-mail: literatura_mglu@mail.ru

RUSSIA AND THE WEST: FROM N. Y. DANILEVSKY TO GUY METTAN – WHAT HAS CHANGED?

The article based on the material of research by N. Y. Danilevsky “Russia and Europe” and the Swiss journalist Guy Mettan “West – Russia: millennial war” traces the history of the aggressive policy of the collective West against Russia. According to N. Y. Danilevsky and Guy Mettan, the origins of the enmity go back to the “great

schism” – the confessional split of the Universal Christian Church into the Roman Catholic and Greek Catholic churches. Leaving behind the role of a “Person”, the West sees Russia as its “Shadow” – the unconscious contrast of what its conscious self-esteem claims as the norm of a rational way of behavior. The person includes the achievements of philosophical empiricism (F. Bacon) and rationalism (R. Descartes) and displaces into his shadow the being, which for centuries was the ontological basis of Russian mentality.

Key words: persona; shadow; ideal self / real self; transfer of responsibility; mechanical regulation / organic regulation; alternative monologue; dissociation of consciousness and psyche; selfhood.

Введение

В статье предлагается анализ этноконфессиональных и культурно-цивилизационных причин тысячелетнего агрессивного давления Запада на Россию. С психоаналитической точки зрения, отводя себе роль Персоны, а России – Тени, Запад прибегает к «переносу ответственности» как форме психологической защиты.

Генетической причиной глобального противостояния послужила «великая схизма», приведшая в 1054 г. к расколу Вселенской христианской церкви на Римско-католическую и Греко-католическую. С той поры западная ментальность стала характеризоваться отмеченной Н. Данилевским «насильственностью» (*Gewaltsamkeit*), в то время как евразийское геополитическое сознание России поддерживало ее познавательный интерес к обеим культурам в целях собственной этнокультурной самоидентификации.

Гносеология, ставшая ведущей философской дисциплиной Нового времени, обеспечила Западу технологический прогресс, который превратил некоторые европейские страны в имперские метрополии. Россия же, веками жившая в «аграрном космосе», оказалась вынужденной в петровскую эпоху «догонять» развитый Запад, прибегая к средствам затратной и малопродуктивной «мобилизационной экономики».

Предрассудок западной исключительности блокирует когнитивные преимущества трансграницности (вненаходимости), что приводит к полному непониманию славянской ментальности.

Русофобскому монолизму маркиза де Кюстина ценностно противопоставляется «высшее познание», которое, по словам А. С. Хомякова, «должно принадлежать всякому народу» в интересах его собственного творческого саморазвития [Хомяков 2007].

Концептуальные положения статьи основываются на работах Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова, маркиза де Кюстина, Ги Меттана, М. М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, В. И. Овчаренко, Д. А. Холла, К. Г. Юнга и К. Ясперса. К анализу привлекаются также литературно-поэтические и критические наблюдения Ф. И. Тютчева, А. Блока и Л. Н. Толстого.

Психоаналитическая составляющая

Оксюморон «любим ненавидеть» отсылает к психоаналитической интерпретации эмоционально негативного отношения к «другому» и диагностируется как «проекция» на базе «отрицания реальности».

«Перенос», «негативный трансфер» – выявленные психоанализом «защитные механизмы» психики. «Проекция, – разъясняет статья «Новейшей психоаналитической энциклопедии», – приписывание другим людям собственных подавленных влечений, желаний, конфликтов и импульсов» [Овчаренко 2010, с. 279].

«Отрицание реальности» интерпретируется как «процесс и результат намеренного игнорирования в фантазиях, словах или действиях важных и болезненных реальностей, обеспечивающий отвлечение внимания и такое поведение личности, как будто эти реальности не существуют» [там же].

Запад видит в России онтологическое содержание своего «реального я» (К. Хорни), «модуса бытия», вытесненного «идеальным я» в интересах «модуса обладания» (Э. Фромм). На протяжении обозначенного Ги Меттаном тысячелетия Запад компульсивно отводил России роль Тени, великодержавно оставляя за собой роль Персоны. «Персона (лат. *актерская маска*), по терминологии К. Г. Юнга, – социальная роль человека, проистекающая из общественных ожиданий и обучения в раннем возрасте. <...> Идентификация с отдельной персоной (доктор, ученый, артист и т. д.) препятствует психологическому развитию» [Холл 2008, с. 219]. Самоотождествление коллективного Запада с Персоной – собственной интеллектуальной исключительностью – выводит его из познавательного диалога с «другим» и ограничивает его когнитивное сознание.

Тень, роль которой тенденциозно отводится Западом России, «обозначает бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании» [Холл 2008, с. 220].

«Идеальное я» считает ниже своего достоинства вступать в диалог с Тенью и самонадеянно игнорирует ее как архаичное, исторически преодоленное психическое содержание.

«Проекция» и «перенос ответственности» – оперативные термины Ирвина Ялома, автора работы «Экзистенциальный психоанализ», – позволяют Западу поддерживать относительное психическое здоровье, экстраполируя свои имперские амбиции на чуждую им этноконфессиональную и культурно-онтологическую идентичность России. Запад как коллективный субъект переносит в целях психологической самозащиты свой патриархальный (отцовский) утилитаризм на матриархальную (материнскую) бытийность России. Приводимые Н. Я. Данилевским и Ги Меттаном факты иллюстрируют способность «альтернативного монологизма» формировать одностороннюю ориентацию коллективного бессознательного. В свою очередь, неотрефлексированная альтернативно монологическая установка приводит к эпистемологическому разрыву между Персоной и Тенью.

Великая схизма

Причину западно-российского «тектонического разлома» на пространстве европейского континента Н. Я. Данилевский усматривал в этноконфессиональном отличии католицизма от православия. «Католичество, – утверждает Данилевский – зародилось, собственно, со времен Карла Великого, когда он своим покровительством утвердил власть римского епископа во всем своем государстве, границы которого почти совпадали с тем, что, собственно, должно называть Европой» [Данилевский 2010, с. 208].

И Николай Данилевский, и Ги Меттан указывают на *филиокве* как на теологическую причину церковного раскола. Филиокве стало добавлением к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятого Римской церковью в XI в. догмата о Троице: о «схождении» Святого Духа не только от Бога-Отца, но «от Отца и Сына». Оба автора возводят начало «великой схизмы» – цивилизационного кризиса между Россией и Европой – к произошедшему в 1054 г. расколу Вселенской христианской церкви на Римско-католическую и Греко-католическую.

Н. Я. Данилевский отмечает, что Карл Великий вынашивал идею сосредоточения всей светской и духовной власти в руках императора, правителя всемирного христианского государства, боролся за

утверждение «идеала того цесаропапизма, которым иностранцы любят укорять Россию» [Данилевский 2010, с. 210].

Насильственный монологизм и толерантный диалогизм

Этнографический анализ, проведенный Данилевским в восьмой главе под названием «Различия в психическом строе», свидетельствует, что инициатором навязчиво-агрессивного утверждения своей картины мира выступает не Россия, а Запад: «Одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность (*Gewaltsamkeit*). Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма, чрезмерного чувства собственного достоинства чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему» [Данилевский 2010, с. 206].

В отличие от монологического Запада геополитическое преимущество промежуточного положения России между Западом и Востоком побуждает ее вживаться в культурно-историческое своеобразие западных и восточных народов. Евразийская уникальность России пробуждает в ней *интерес*¹ к обеим культурам, продиктованный потребностью в собственной этнокультурной самоидентификации.

Эту восприимчивость имел в виду Александр Блок в стихотворении «Скифы», прозвучавшим откликом на заключение унизительного для России Брестского мирного договора 1918 года:

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Что касается Запада, то, начиная с XVII в., – времени утверждения абсолютизма в политике, картезианства в философии и неоклассицизма

¹ *Lat.* inter-esse – быть, находиться посередине.

в искусстве, – он замкнул свою автоконцепцию в коконе самодостаточности, узаконил так называемое евклидово мышление, навязывающее разуму аксиоматическую ригидность – выведение неизвестного из известного. Этот догматизированный евклидовый априоризм позволяет западному позитивизму объективировать Россию как свое теневое alter ego, будто бы давно преодоленное и навсегда оставленное в прошлом. В контексте двухвековой (XVII–XVIII) полемики трансцендентальной и эмпирической школ западной философии высокомерное отношение Запада к России аналогично высокомерному отношению разума к чувству. Мировоззренческой базой такого отношения выступает картезианское *cogitare*, противопоставляющее себя *esse* – «*Cogito ergo sum*».

На протяжении последних четырехсот лет – от «Нового Органона» (*Novum Organum scientiarum*, 1620) Френсиса Бэкона и «Размышлений о первой философии» (*Meditationes de prima philosophia*, 1641) Рене Декарта – европейский менталитет подтверждал свой эволюционный статус научно-техническими открытиями. Ведущей философской дисциплиной утвердилась гносеология, изучающая способы обретения достоверного знания. Она обеспечивала научно-технический прогресс и поочередно жаловала титул имперского гегемона европейским метрополиям: Португалии, Испании, Франции, Италии, Великобритании, а в наше время – США.

Технический прогресс и аграрный космос

Эволюционная концепция истории отвела Западу роль прогрессивного генератора производственных технологий, а Востоку – консервативного выразителя традиционалистской аграрной культуры. Однако, как свидетельствует опыт и человеческих жизней, и мировых цивилизаций, любая односторонняя ориентация провоцирует диссоциацию психики. Вирусные последствия когнитивного диссонанса предвидит дипломатически осмотрительный Карл Ясперс: «Объективный исторический анализ выявляет, правда, превосходство Запада в воздействии на формирование мира, однако вместе с тем показывает и его незавершенность и недостаточность, в силу которых вопросы, обращенные к Востоку, всегда остаются современными и плодотворными» [Ясперс 1994, с. 90]. Последствия научно-технической революции середины XX в. повлияли на ментальность современного

среднестатистического европейца. Он вынужден обращаться за помощью к профессиональным психотерапевтам для ассоциации расщепленных функций сознания и психики.

Принципиально иными веками были складывавшиеся аграрно-космические условия формирования России. Начиная с петровских времен, она оказалась вынужденной, для обеспечения своего государственного суверенитета и стратегической безопасности, «догонять» технологически развитый Запад посредством затратной и малопроизводительной «мобилизационной экономики».

Современный западный прагматизм, изживающий свое научно-техническое лидерство, теснимый другими интенсивно и экстенсивно развивающимися экономиками, инерционно противопоставляет себя социально-онтологической норме целостного человека. Приписывая России свои экспансионистские цели, западная ментальность демонстрирует пренебрежение тем «здравым смыслом» (common sense), на мировоззренческом фундаменте которого она, в лице И. Бентама, В. Годвина, Б. Констана, П. П. Руайе-Коллара и Ф. Гизо, основала доктрину классического либерализма. Унижающие Запад пропагандистские обвинения в адрес России ставят под сомнение действенность его собственных декларативных установок на научную объективность и кросскультурную поливалентность. Утратой международного авторитета расплачивается он за стремление утвердить гегемонию механической регуляции, не останавливаясь и перед применением военной силы для разрушения традиционных культурных, общественных и государственных форм жизни.

«Западный» Прометей (думающий прежде) и «восточный» Эпиметей (думающий после) – братья близнецы, и Россия, благодаря своему уникальному евразийскому статусу, занимает между ними творчески продуктивное посредническое положение. Она вынуждена, в отличие от других народов и государств, локализованных в своих региональных контекстах, продолжать трудиться над выработкой концепции собственной культурной идентичности.

Славянофильство и западничество

А. С. Хомяков констатировал трудности, с которыми Россия сталкивается в процессе самопознания, в то время как трансгредиентность (внезаходимость) позволяет ей понимать Запад лучше, чем он

понимает себя сам: «Мы, вышедшие из начал других, можем удобнее узнать и оценить Запад и его историю, чем он сам; но в то же время, видя всю трудность самопознания, мы имеем полное право извинить неясность нашего знания о России. Европа, может быть, узнает нас лучше нас самих, когда узнает» [Хомяков 2007, с. 175].

В отличие от «завершенного» Запада становящаяся русская идея познавательного открыта навстречу прошлому и будущему. В контексте общей философской эстетики М. М. Бахтина родилась мысль об ущербности всякой завершающей самообъективации: «Своею завершенностью и завершенностью события жить нельзя, нельзя поступать; чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя – во всяком случае, во всех существенных моментах жизни, – надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью» [Бахтин 1979, с. 14]. Насколько «предстоящая себе» Россия действительно существует, и насколько замкнутая на себе западная «завершенность» позволяет ей судить о становлении?

В отличие от православной России католический Запад давно «поверил алгебру гармонией» – поставил «здравый смысл» (Common sense) Томаса Пейна на службу «теории полезности» (Utility theory) Иеремии Бентама и мировоззренчески успокоился, «целесообразно» подчинив себя захватнической компульсивности. Исследованию генезиса деструктивности посвящены труды Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1930), В. Райха «Психология масс и фашизм» (1933), Г. Маркузе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964), Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), Ж. Бодрийара «В тени молчаливого большинства, или конец социального» (1982) и многие другие.

Все они побуждают вдуматься в конкретно-историческое содержание нового предрассудка – идеи самодостаточной «исключительности». Согласно Х. Г. Гадамеру, «преодоление всех предрассудков, это наиболее общее требование Просвещения, само разоблачает себя в качестве предрассудка, пересмотр какового впервые открывает путь для правильного понимания той конечности, которая господствует не только над нашим человеческим бытием, но и над нашим историческим сознанием» [Гадамер 1988, с. 79].

Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Э. Фромм, Т. Адорно и другие представители «вопрошающего философствования»,

развенчивающие презумпцию западного превосходства, ищут способы гармонизации коллективно бессознательного и индивидуально сознательного. Они предостерегают европейскую цивилизацию от патогенной тенденции возвышения «внутреннего человека» М. Лютера до «сверхчеловека» Ф. Ницше, чреватого его последующим низвержением до альфауна А. фон Арнима, крошки Цахеса Э. Т. А. Гофмана и героев Ф. Кафки, раздавленных абсурдом государственного делопроизводства. Между тем историческая задача европейского человечества заключается в пробуждении и развитии консолидирующего центра личности – *самости* (Das Selbst). Если востребованная проблематикой европейского романа Нового времени теория познания стала ведущей дисциплиной философии Нового времени, гуманистический интерес русской классической литературы к онтологическому феномену «маленького человека» возвел экзистенциализм в ведущую философскую дисциплину века XX.

«Библия русофобов» и русская самобытность

Суждения маркиза де Кюстина, автора путевых заметок «Россия в 1839 году», которые Ги Меттан метко назвал «библией русофобов», воспринимаются сегодня как серия деклараций либеральной Персоны, защищающейся от прорывающихся в сознание содержаний собственной Тени. На вышедшую книгу маркиза де Кюстина Ф. И. Тютчев полемически откликнулся проникновенными стихами:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В наготы твоей смиренной.

Строками Ф. И. Тютчева заговорило не «научнообразное познание, не логическое определение, а высшее познание, жизненное, которое может и должно принадлежать всякому народу» [Хомяков 2007, с. 175]:

Летом 1844 г. Ф. И. Тютчев анонимно издал в Мюнхене брошюру, в которой раскритиковал предвзятое отношение западной прессы

к России, освободившей тридцать лет назад Европу от наполеоновского нашествия. Посредством настойчиво повторяемого пропагандистского «припева» Запад создал в представлении нового поколения европейцев образ России как «какого-то людоеда».

Ю. М. Лотман приводит в своих «Комментариях» к «Евгению Онегину» фрагмент из воспоминаний знаменитого мемуариста Ф. Ф. Вигеля, рисующий типичный портрет самовлюбленного французского гувернера: «Об отечестве своем говорил как все французы, без чувства, но с хвастовством, и с состраданием, более чем с презрением, о нашем варварстве. Мало-помалу приучил он меня видеть во Франции прекраснейшую из земель, вечно озаренную блеском солнца и ума, а в ее жителях избранный народ, над всеми другими поставленный» [Лотман 1980, с. 44].

Камуфлируемую западной либеральной риторикой Тень вывел на свет Л. Н. Толстой, отправившийся в начале 1857 г. с ознакомительной целью в Европу. Германия, Франция, Англия, Швейцария и Италия поразили впечатлительного художника параличом подлинного, а не показного гуманизма. Пережитое им разочарование в европейской цивилизации отразилось в рассказе «Люцерн», построенном на противопоставлении красоты швейцарской природы духовному убожеству самодовольных английских туристов: «Седьмого июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним» [Толстой URL].

Заключение

Россия *любит* Запад, потому что видит в нем компенсацию своей матриархальной бытийности.

Запад *не любит* Россию, потому что она способом своего присутствия в мире выступает онтологической альтернативой его патриархальному утилитаризму, зеркалом, в котором Запад не хочет видеть одностороннюю компульсивность своего прагматизма.

Возвращаясь к вынесенному в заглавие статьи вопросу, «Что изменилось в отношениях Запада к России?», приходится констатировать изменения к худшему. Критически понизился политический уровень

межгосударственных и дипломатических отношений, а также научный уровень исторических исследований.

«Если ты ненавидишь – значит, тебя победили». Этот мудрый афоризм древнекитайского мыслителя Конфуция в очередной раз подтверждает свою вневременную актуальность. Русофобская тональность, побуждающая интеллектуальный Запад выходить за пределы им же очерченной сферы непротиворечивой логической аргументации, обнажает его суетность в сравнении со спокойной невозмутимостью Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Эти былинные богатыри славянской мифологии готовы и сегодня протянуть руку славным героям средневекового героического эпоса – Роланду, Сиду и Зигфриду – для совместного противостояния демоническим силам, посягающим на идею человека, призванного жить в гармонии с собой и миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 7–180.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 664 с.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
- Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л. : Просвещение, 1980. 416 с.
- Овчаренко В. И.* Защитные механизмы // Психианализ: новейшая энциклопедия. Минск : Книжный дом, 2010. С. 278–280.
- Толстой Л. Н.* Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн. URL : royallib.com/book/tolstoy_lev/iz_zapisok_knyazy_d_nehlyudova_lyutsern.html.
- Холл Д. А.* Юнгианское толкование сновидений: Практическое руководство. СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 224 с.
- Хомяков А. С.* Мнение иностранцев о России // Дар песнопенья. О старом и новом. Церковь одна. Труженик. М. : Русский мирь, 2007. С. 170–188.
- Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. С. 28–286.

REFERENCES

- Bahtin M. M.* Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti // Jestetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskusstvo, 1979. S. 7–180.

- Danilevskij N. Ja.* Rossiya i Evropa. Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija slavjanskogo mira k germano-romanskomu. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. 664 s.
- Gadamer H.-G.* Istina i metod : Osnovy filosofskoj germenевtiki / per. s nem., obshh. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.
- Lotman Ju. M.* Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij. L. : Prosveshhenie, 1980. 416 s.
- Ovcharenko V. I.* Zashhitnye mehanizmy // Psihoanaliz: novejschaja jenciklopedija. Minsk : Knizhnyj dom, 2010. S. 278–280.
- Tolstoj L. N.* Iz zapisok knjazja D. Nehljudova. Ljucern. URL : royallib.com/book/tolstoj_lev/iz_zapisok_knyazya_d_nehlyudova_lyutsern.html.
- Holl D. A.* Jungianskoe tolkovanie snovidenij: Prakticheskoe rukovodstvo. SPb. : Izdatel'skij Dom «Azbuka-klassika», 2008. 224 s.
- Homjakov A. S.* Mnenie inostrancev o Rossii. // Dar pesnopen'ja. O starom i novom. Cerkov' odna. Truzhenik. M. : Russkij mir, 2007. S. 170–188.
- Jaspers K.* Istoki istorii i ee cel' // Smysl i naznachenie istorii. M. : Respublika, 1994. S. 28–286.

УДК 821.161.1

И. Н. Коржова

кандидат филологических наук; заведующая отделением общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Орского колледжа искусств; e-mail: clean24@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ К. СИМОНОВА «ЖДИ МЕНЯ» В ПОЭЗИИ 1940–1950-х ГОДОВ

В статье выявлено несколько форм творческой рецепции стихотворения К. Симонова «Жди меня» в военной и послевоенной поэзии. Ряд произведений подхватывают реализованный Симоновым тоpos женской спасительной любви. Особую группу составляют послевоенные тексты, разрабатывающие заклинательную поэтику претекста. Выделяется группа полемичных «Жди меня» стихотворений, противопоставляющих мифу о спасительной верности иную концепцию отношений.

Ключевые слова: К. Симонов; «Жди меня»; художественная рецепция; полемика; тоpos; мотив; заклинание; военная поэзия; любовная лирика.

I. N. Korzhova

PhD (Philology); head of Department of General education, humanitarian and socio-economic disciplines; Orsk College of arts; e-mail: clean24@yandex.ru

ARTISTIC PERCEPTION OF K. SIMONOV'S POEM “WAIT FOR ME” IN THE POETRY OF THE 1940S–1950S

The article reveals several forms of creative perception of K. Simonov's poem “Wait for me” in the war and post-war poetry. Among them are works which implemented the topos of women's saving love, realized by Simonov. A special group consists of post-war poems which develop the poetics of the poem-spell. There is a group of polemical poems which oppose the myth of saving faithfulness to other concept of relations.

Key words: K. Simonov; “Wait for me”; artistic perception; controversy; topos; motif; spell; war poetry; love lyrics; literary generation.

Введение

«Жди меня» К. Симонова стало знаковым произведением не только в судьбе автора. Без преувеличения можно сказать, что оно определило один из путей развития военной поэзии. Отказ в публикации в газетах «Красная звезда» и «На штурм», колебания редактора «Правды» П. Н. Поспелова говорят о том, каким прорывом в сферу интимной

лирики было это стихотворение. Небывалая популярность произведения порождает вопрос о его влиянии на творчество современников поэта, вопрос, который был оставлен без ответа в отечественном литературоведении. Целью статьи является исследование форм отклика на этот лирический шедевр.

Актуализация лирического начала в военной поэзии

Первый круг влияния наиболее широк. М. О. Чудакова отмечает особую роль К. Симонова в советской военной поэзии: «С 1941 и в течение 1942 года на том самом поле, на котором усилиями Симонова “больше, чем кого-либо из современных поэтов”, уничтожено “представление о поэзии как о специфическом виде искусства”, сам он бурно начинает писать почти исключительно любовную лирику <...>. Именно ему выпадает начать изменение того языка *печатной* советской поэзии, который упрочивался к концу 1930-х при его же активной роли» [Чудакова 2002, с. 245]. Успех «Жди меня» определил направление творческих поисков самого К. Симонова как поэта. Знаменитая публикация в «Правде» состоялась 14 января 1942 года, подборка стихотворений с подзаголовком «С тобой и без тебя», включавшая и легендарный текст, была включена в декабрьский номер «Нового мира» за 1941 год, подписанный в печать только в марте 1942. Не будем строить предположений, какова была бы реакция на появившееся начало цикла, не завоюй «Жди меня» всесоюзной популярности, но критик В. Александров, откликнувшийся на вышедший отдельной книгой цикл, счел написанное Симоновым далеко не равнозначным. После выхода первой части «С тобой и без тебя» в «Новом мире» Симонов продолжил цикл еще двумя журнальными подборками.

Однако суждение М. О. Чудаковой всё же нуждается в двух дополнениях. Отметим, что для самого Симонова движение к лирике началось еще в довоенную пору. В 1939 году в «Литературной газете» он выступает с «Заметками о поэзии», имеющими говорящий подзаголовок «О праве на лирику». В них поэт высказывает идеи, почти еретические по отношению к соцреалистической доктрине: «Честная лирическая книга всегда убедительна. Она повествует о человеке, но не о том типическом человеке, который твердой, иногда слишком твердой походкой проходит через романы и эпические поэмы. <...>

Герой правдивой лирической книги – это автор в его особенном поэтическом самовосприятии» [Симонов 1939, с. 3].

Другое дополнение к мыслям М. О. Чудаковой связано с необходимостью исправить нарисованную ею картину, на которой по новой поэтической дороге идет исключительно один Симонов. Ряд исследователей, напротив, отмечают общее изменение поэзии, привнесение в нее того, что принято называть собственно лирикой. Так, Б. Менцель пишет: «Душевные переживания в интимной лирике переплетались с мотивами патриотизма и жертвенности, однако они были представлены более конкретно и многопланово, чем в довоенный период. Под впечатлением военных переживаний даже у ведущих авторов “барабанной лирики” появляются подчас стихотворения, нарушающие присущий их творчеству заданный казенный оптимизм» [Менцель 2000, с. 962]. В. В. Кожин точно подмечает парадоксальную особенность лирики военных лет: «Преобладающая часть этих стихотворений написана не столько о войне, сколько *войною* <...>. С “тематической” точки зрения – это стихотворения о родном доме, о братстве людей, о любви, о родной природе во всем ее многообразии и т. п.» [Кожин 2002, с. 151].

И все же стихотворению «Жди меня» принадлежит в лирическом военном движении особая роль. Конечно, такие жемчужины любовной лирики, как «Бьется в тесной печурке огонь...» А. Суркова, «В лесу прифронтовом» М. Исаковского, сразу зазвучавшая как песня «Темная ночь» В. Агапова, произведения вполне самобытные, но они вошли в литературу по фарватеру, проложенному Симоновым. Его влияние здесь касается не текстуальной близости, а направленности литературного процесса. Этот самый широкий круг рецепции связан с утверждением в военной поэзии интимного камерного начала.

Рецепция топоса женской спасительной любви

Стихотворение Симонова представило в очищенном виде важный для военной литературы мотив «спасения любовью», который был подхвачен другими поэтами. Мы далеки от утверждения, что Симонов является, так сказать, изобретателем этого мотива. Думается, «Жди меня» обеспечило себе небывалую популярность именно потому, что затронуло один из важнейших топосов русской культуры.

Вхождение в литературоведение середины XX в. взятого из риторики термина «топос» связано с трудами Э. Курциуса. Исследователь

дает токование термину, опираясь на античную традицию: «They are intellectual themes, suitable for development and modification at the orator's pleasure. <...> We shall therefore retain the Greek *topos*»¹ [Curtius 2015, с. 70]. К топосам он относит устойчивые словесные обороты и, главное, идеи, стоящие за ними. Курциус также называет топосами и устойчивые образы, сближая их с архетипами Юнга: «It [topos] is rooted in the deeper strata of the soul. It belongs to the stock of archaic proto-images in the collective unconscious»² [там же, с. 105].

В отечественной науке осмысление термина продолжил А. М. Панченко, поставивший вопрос об эволюции и культурном своеобразии топосов: «Идея национальной топики ни в коей мере не противоречит эволюционному принципу. Эволюция культуры – явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может пребывать в застывшем, окостенелом состоянии. Но эволюция все же протекает в пределах “вечного града” культуры» [Панченко 1986, с. 248]. Таким образом, не будучи так тесно связанным с конкретной лексемой, как концепт, топос, так сказать, глубже мотива: он надындивидуален, предполагает определенное ценностное наполнение повторяющейся текстовой единицы и, по наблюдению А. М. Панченко, обладает национальной специфичностью.

Четкость артикуляции топоса спасительной женской любви в военной поэзии принадлежит именно Симонову и связана со «Жди меня». Сам поэт пытался продолжить разработку топоса в других текстах: вариацией на ту же тему явилось «Я не помню, сутки или десять...». Но стихотворение не прозвучало ни как мощное выражение общего чаяния, ни как проникновенная исповедь.

Представление о спасительной силе женской любви стало основой многих военных произведений. Есть оно и в очень известных текстах: «Мне в холодной землянке тепло / От твоей негасимой любви» А. Суркова и (с прямой аллюзией на Симонова) «Ты меня ждешь / <...> И поэтому знаю – со мной / Ничего не случится» В. Агатова.

¹ «Это интеллектуальные темы, способные развиваться и изменяться по желанию оратора <...>. Поэтому мы вернемся к греческому термину “топос”» (перевод наш. – И. К.).

² «Он [топос] коренится в более глубоком слое души. Он принадлежит к архаическим протообразам коллективного бессознательного» (перевод наш. – И. К.).

Далее речь пойдет о менее известных произведениях, где любовью также сохраняется жизнь героя, т. е. топос представлен столь же четко, как у Симонова.

Стихотворение А. Прокофьева «Песенка» (1943) с его неприятным заглавием не пытается стать призывом заклинательной силы. Собственно, воздействие «Жди меня» можно свести к повторению ключевого мотива во фразе «хорошей любовью храня» [Прокофьев 1986, с. 244]. Однако следует отметить и легкое стилистическое влияние современника: обилие повторов концептуально важных слов, хотя и не переходящее в симоновскую заклинательность: «Ты всё озари, озари, / Ты как меня помнишь, / Ты как меня любишь, / Еще и еще повтори!» [там же]. В стихотворении Прокофьева отразился еще один топос военной поэзии, также с особой настойчивостью повторяемый Симоновым. Это идея незримого присутствия женщины рядом с бойцом. Начало «Песенки» Прокофьева – «Как будто с тобою сижу и поюя» [там же]. В цикле Симонова эта мысль проведена неоднократно: «Ты по камням оледенелым / Со мной невидимо прошла» [Симонов 1982, с. 188], «Она – ты не видал ее – / Сидела третьей за столом» [там же, с. 193]. По нашей гипотезе, она присутствует и в «Жди меня» («Среди огня / Ожиданием своим ты спасла меня» [там же, с. 175]).

Подхватывая основной мотив «Жди меня», Прокофьев «уберегает» себя от прямого подражания, вводя новый, дополнительный мотив – ответную заботу воина о женщине. Общий посыл текста раздваивается: если в средней части лирический герой говорит о женской любви, ее во всех смыслах живительной силе, то в начале и конце рефреном звучат другие строки: воюем, «чтоб легче любимым жилось!» [Прокофьев 1986, с. 244]. Происходит возвращение к привычным функциям: «мужчина воюет во имя женщин» – «женщина ждет». Прокофьеву не хватило поэтической смелости Симонова, которую Л. Аннинский увидел как раз в том, что мы назвали топосом спасительной женской любви: «Тысячу раз было сказано (в том числе и самим Симоновым): мужчина, дерясь на войне, спасает свою женщину. И только раз – навыворот общеизвестному <...>. И этот единственный раз – прорыв стиха в величие» [Аннинский 2009, кн. 2, с. 210].

На близость стихотворения И. Уткина «Ты пишешь письмо мне...» (1943) к «Жди меня» указал А. В. Лычагин: «Иосиф Уткин не полемизирует с Симоновым, не опровергает основную мысль “Жди меня”.

В стихотворении 1943 г. “Ты пишешь письмо мне...” поэт также скажет о значении в жизни солдата любви и верности» [Лычагин 2011, с. 65]. И далее исследователь приводит действительно самый концептуально схожий с симоновским фрагмент стихотворения:

Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома – и в дыме войны!
[Уткин 1966, с. 233]

Прочитированные строки сложно назвать авторской удачей, слишком двусмысленно и ненамеренно залихватски звучит сравнение *на войне как дома*.

Героев произведений Уткина и Симонова роднит пророческая уверенность в возвращении: «Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю» [там же] – и переход к будущему времени, времени послевоенной встречи, в финале. Такая концовка является одним из любимых типов завершения у Симонова (например, в стихотворении «Далекому другу»), хотя характерна для военной поэзии в целом. Значимо, что Уткин, как и Прокофьев, также совмещает топосы, присоединяя к мотиву спасительной любви мотив совершаемых силой чувств чудесных пространственных перемещений женщины: «Зато я уверен: к переднему краю / Прорвется такая любовь!» [Уткин 1966, с. 233].

Мы полагаем, что мотивы спасения и перемещения составляют некий устойчивый комплекс, который берет начало в «Плаче Ярославны», обнаруживающем сходное соединение мотивов. Несмотря на фольклорные истоки «Плача...», соединение мотивов редко встречалось в народном творчестве. Так, Вс. Миллер обнаружил параллель только в южнославянском фольклоре. Своеобразие в разработке фольклорных мотивов автором «Слова...» подчеркивает Л. В. Соколова: «Ярославна-кукушка летит к любимому не для того, чтобы оплакать его на поле битвы, а чтобы с помощью живой и мертвой воды вернуть его к жизни. Как и в других случаях, автор С<лова> трансформирует традиционный фольклорный образ» [Соколова 1995, с. 111].

Влияние заклинательной поэтики стихотворения К. Симонова

Творческая рецепция стихотворения Симонова продолжается и после войны, влияя на решение темы разлуки с любимой. Актуальной

становится форма стихотворения-заклинания, позволяющая психологически и интонационно точно передать обращение к любимой.

Магия «Жди меня» коснулась стихотворения П. Антокольского «Опять» (1946). Антокольский вел в Гослитиздате и Литинституте поэтические семинары, которые до войны посещал Симонов, позже поэтов связывали теплые отношения. Стихотворение «Опять» включено в цикл «Зоя Бажанова», посвященный жене. Сложно однозначно утверждать наличие симоновского влияния, хотя в оценке «Жди меня» Антокольский не расходился с народным мнением: «Если тогда же, больше двадцати лет назад, “Жди меня, и я вернусь” молниеносно облетело всю армию и все наши тылы, если решительно каждый советский человек и каждая женщина ощутили потребность применить лично к себе короткие строки этого стихотворения – это было точно таким же чудом искусства тех лет, и забыть о нем невозможно» [Антокольский 1971, т. 4, с. 224–225]. Стихотворения «Жди меня» и «Опять» роднит идея страстной, неизбывной и нерасторжимой любви, испытываемой расстоянием, и, главное, сам принцип использования очень интимной по содержанию и интонационно верной реплики, которая становится рефреном текста. Ключевая фраза: «Помни меня, не забудь меня! Слышишь? / Не за...» [Антокольский 1971, т. 1, с. 170] вначале передает призыв лирического героя, а в финале звучит из уст женщины.

Антокольский, в отличие от Симонова, не выверяет композицию рационально. Казалось бы, текст начат излюбленными у ученика анафорами: «Это мой крик, захлебнувшийся в ветре весеннем. / Это сама ты меня целовала в глаза. / Это мы оба остались друг другу спасеньем» [там же]. Но здесь использовано «нагнетание описательных перифраз» (термин Н. А. Коварского) [Цит. по: Магомедова 2004, с. 100], поиск истины идет словно интуитивно. У Симонова же анафору составляют в большинстве случаев придаточные части предложения – самое надежное средство установить временные или причинно-следственные связи.

Симонова и Антокольского объединяет любовь к деталям. Однако как раз в «Жди меня» их круг предельно ограничен, за счет чего и создается универсальность. Но и в целом детализация у Антокольского иная, не обрисовывающая с ясностью снимка только одну ситуацию. Л. Аннинский пишет: «Этот фактурный напор, поток реалий,

шквал подробностей – мета мастера» [Аннинский 2009, кн. 1, с. 252]. И здесь важно слово «шквал», подробности у Антокольского всегда суммируются до превращения в крушащую силу: «Память наполнится музыкой, ветром сырым, / Морем, вокзалами, хриплыми вздохами пара» [Антокольский 1971, т. 1, с. 170].

Что же всё-таки может указывать на генетическую близость текстов? У Антокольского, как и у Симонова, звучит мотив любви-спасения, хотя в ситуации послевоенной он не мотивирован. Очевидно, речь идет о спасении экзистенциальном: «Это мы оба остались друг другу спасеньем» [там же]. В целом, безусловным остается только факт построения стихотворения на заклинательном рефрене, точно услышанных интонациях взволнованного сердца.

Другой послевоенный отклик на «Жди меня» – «Заклинанье» И. Сельвинского (1958). Сельвинский – еще один руководитель посещавшегося Симоновым поэтического семинара при Гослитиздате, но отношений учитель – ученик, очевидно, между ними не было. В 1950-е гг. в любовной лирике Сельвинского происходит поворот, вместо легкой опьяненности женщиной появляется драма любви полу-взаимной, когда героиня на мужское позднее чувство отвечает привязанностью, заинтересованностью, порой запрятыми от себя самой, но только не любовью. Именно в этот период в ряде текстов Сельвинского пробиваются симоновские интонации.

В самом названии «Заклинанье» прямо отрефлексирована та форма, которая позволила «Жди меня» не просто стать любимым миллионами, но и выполнить важную во время войны культурную функцию. Первый читатель, Лев Кассиль, отметил, что стихотворение «немного похоже на заклинание» [Цит. по: Чудакова 2002, с. 240]. Важно, что слово «заклинательный» прозвучало и в одном из первых критических разборов стихотворения: «Написать эти стихи нужно было именно с такими заклинательными повторениями» [Александров 1943, с. 160]. Это делает еще определеннее аллюзивность заголовка у Сельвинского.

Поэт лишает свой текст строгой строфической выверенности, но начинает с настойчивого повтора ключевой фразы, переходящего в суггестивный всплеск: «Позови меня, позови меня, / Позови меня, позови меня!» [Сельвинский 1971, т. 1, с. 195] Сельвинский использует и повтор корня. Напомним, что у Симонова слово «жди» повторяется 11 раз, а всего однокоренных слов 18. У Сельвинского

повторов «позови» 13, также используется однокоренное слово «назови». В «Заклинанье» мужчина является носителем магической силы, которая уберезет любимую: «А не смеешь шепнуть письму, / Назови меня хоть по имени – / Я дыханьем тебя обойму!» [там же]. Но «назови» – ослабленная версия «позови» – некий компромиссный вариант присутствия в жизни женщины, присутствия в виде имени, но герой согласен и на него. Уже этот фрагмент вскрывает сложность отношений, которая подтверждается далее и объясняет последнюю оборванную строчку с мучительным упором на звук: «Поз-зови меня...»

Стихотворение Сельвинского очень сложно: герой верит во всепобеждающую силу любви, но в то же время заклинанием пытается вызывать саму любовь. Интересно, что Сельвинский не только изменил претекст (магической спасительной силой наделен мужчина), но и сделал очевидной некоторую логическую и психологическую особенность симоновского шедевра, по сути, рисующего столь же сложные отношения. В «Жди меня» хотя и звучит большая уверенность в будущем, чему способствует сложный временной переход в третьей строфе, когда настоящее становится прошлым, а чаяния сбываются, но сама суггестивная поэтика только призывает героиню обратиться к магии любви. Когда говорят о заклинательной поэтике и магической силе женской любви в «Жди меня», происходит невольная аберрация. Ведь сначала нужно одно чудо – заклясть женщину, чтобы уже потом явилось другое – она спасла героя. Этот оттенок сомнения и некую шаткость чуда, которое может и не сбыться, тонко почувствовал в первоисточнике Сельвинский.

Художественная полемика со стихотворением «Жди меня»

Проанализированные стихотворения довольно сильно отличаются от «Жди меня», заимствуя или ключевой топос, или основной прием. Прямое подражание известному тексту делало заранее обреченной на неудачу роль последователя. Однако более полная опора на структуру возможна в художественной полемике, при которой узнаваемость исходного произведения как указание на позицию оппонента просто необходима. Нам удалось обнаружить два полемических отклика на стихотворение «Жди меня» – «Не жди меня» (1958) С. Кирсанова и «Я своих фотографий тебе не дарил...» (1944) С. Орлова. В обоих случаях

претекст стихотворений был указан литературоведами. Так, М. Л. Гаспаров отмечает: «*Не жди меня* – аллюзия на стихотворение К. Симонова “Жди меня”» [Гаспаров 2006, с. 769]. О. А. Дашевская в практикуме предлагает: «Сопоставьте стихотворения К. Симонова “Жди меня” и С. Орлова “Я своих фотографий тебе не дарил”. Как можно объяснить открытую полемику С. Орлова с известным стихотворением К. Симонова?» [Жанрово-стилевые тенденции ... 2011, с. 30]. Однако сопоставительный анализ стихотворений ранее не проводился.

С. Кирсанов включает стихотворение с говорящим подзаголовком «*Не жди меня*» в «Поэму поэтов», доверяя авторство героине Варя Хохловой. Спрятавшись за маской начинающего стихотворца, Кирсанов не боится подражательности. Будучи двойным отражением в зеркалах литературной игры Кирсанова, стихотворение одновременно оппонирует симоновскому тексту и служит характеристикой героини и ее жизненного и творческого пути. В предисловии к поэме говорится, что издателю не удалось отыскать персонажей-поэтов после войны. А в «Поэме фронта» среди казненных нацистами названа Варя Хохлова. В этом уже можно увидеть полемический жест: стихотворение, литература, не может спасти от смерти, повлиять на жизнь. В творческом же становлении Вари это произведение обозначает изменение художественной манеры: по простоте языка и выражений оно не только не кирсановское, но даже не Варино. Ведь она была не чужда языковым экспериментам, фрагмент из «ее» «В воскресенье» («с ничегонедельня, с никуданебеганья... с ниокомнедуманья») М. Л. Гаспаров приводит как пример «игры самопрорастающими значениями слов», которая «перестает казаться пустяками» [Гаспаров 2006, с. 13].

Вынесенный в заголовок призыв «*Не жди меня*» становится лейтмотивом нового текста. Оно адресовано мужчине: «*Не жди меня, товарищ*» [Кирсанов 2006, с. 609], пол адресата уточняет ответная реплика: «*Я не ждал тебя!*» [там же, с. 610]. Обращение «*товарищ*», казалось бы, слишком сухо, подчеркнуто бесполо, чтобы указывать на любовные чувства. Однако последние строки говорят об ином: «*ты вскрикни: – Я не ждал тебя! – / и обними с любовью*» [там же]. По предыдущим стихотворениям Вари становится понятно, что она еще только ждет любви и даже тяготится своим равнодушием. А теперь любовь откладывается до Победы. То ли это наложенное

самоограничение, то ли, напротив, надежда, что Победа откроет что-то новое в ее душе.

Стихотворение в целом не повторяет особенностей размера и рифмовки оригинала. Несколько ближе к симоновскому оно в композиционном плане. «Не жди меня» состоит из семи строф, которые можно сгруппировать по две, благодаря повтору фразы. Напомним, что в «Жди меня» как раз три строфы, отмеченные повторами. Седьмая строфа кирсановского текста изменяет ситуацию и рисует состоявшуюся счастливую встречу. Как и у Симонова, в финале использован переход к будущему времени, но более осторожный, ограниченный условным союзом: «А если я приду...» [там же]. Таким образом, текст теряет приметы заклинания, переходя в некий настойчивый совет. Начало стихотворения Симонова основано на синтаксическом параллелизме «Жди, когда...» – его эквивалентом у Кирсанова служит конструкция «Не жди, пока...». Ограничение простирается до дня, когда завершатся бои. В стихотворении Кирсанова, вообще, гораздо больше примет военного времени, чем в «Жди меня».

Кирсанов во многом следует по сюжетным вехам Симонова, только подставляя отрицательное «не». Так, героиня предлагает «не ждать» ее предельно долго. Если Симонов дает эмблематические зарисовки разных времен года: «желтые дожди», «снега», «жара», то Кирсанов обращается к названиям месяцев. У Симонова вся вторая строфа «Жди меня» призывает не отказываться от вмененного действия даже перед лицом очевидности – Кирсанов, по сути, призывает к тому же, но теперь требуется не верить в возвращение: «И если распахнется дверь / и я приду до срока, / что это я, ты не поверь, / ты отвернись жестоко» [Кирсанов 2006, с. 609].

Думается, полемический эффект стихотворения основан на игре гендерным аспектом. Стихотворение женщины, отправляющейся воевать, к мужчине, кажется, открывает натуру более сильную, чем герой Симонова. Героиня не нуждается ни в моральной поддержке, ни в магической защите, она находит в себе силы, чтобы не связывать никого «тоскою ожиданья». Однако в случае с Кирсановым полемический выпад все время отклоняется от цели, ведь этот упрек брошен наивной девушкой, в своем максимализме еще не знающей потребностей зрелого сердца. Но если полемику ведет Варя, то каковы же задачи Кирсанова? Думается, поэт могла привлечь идея создать

стихотворение, не отступающее от человеческой правды на войне, но опирающееся на прямо противоположный симоновскому призыв не ждать. Поэт пробует сделать психологически убедительным парадокс и добивается своей цели.

Стихотворение С. Орлова «Я своих фотографий тебе не дарил...» – гораздо ярче в художественном отношении, чем произведение Кирсанова. Но и оно не может быть понято без учета «Жди меня». От чисто литературного спора его отличает то, что стихотворение, вероятно, написано под влиянием большого искреннего чувства. Согласно воспоминаниям товарища поэта, с юности через годы войны Орлов пронес любовь к одной девушке – Людмиле П. [Викулов 2001].

Произведение Орлова не имитирует структуры претекста, зато прямо оппонирует литературной традиции: «Это только поэты пишут в стихах, / Это только в песнях поют, / Будто женская верность на дымных полях / Охраняет солдат в бою» [Орлов 1982, с. 27]. Конечно, в данном случае оспаривается топос, разрабатываемый не только Симоновым, о чем говорит множественное число – «поэты», «песни». Гораздо конкретнее главный объект спора вырисовывается, когда ключевой корень появляется во фразе «Ожиданием пули не отведешь, / заклинать судьбу ни к чему» [там же]. Возможно, и слово «заклинать» подобрано не случайно (выше говорилось, что современники прямо указывали на заклинательность «Жди меня»). Наконец, в последней строфе: «Позабудешь, устанешь ждать за года, / Значит, мертвым я упаду?» [там же] – используя принцип доказательства от противного, Орлов разоблачает нелепость мифа, внушенного текстом Симопова. На объект спора указывают и реминисценции: «позабудешь» – «позабыв вчера», «устанешь ждать» – «пусть друзья устанут ждать». Женщина совершает именно то отступничество, на которое она не способна у Симопова.

«Жди меня» оспаривается скорее как самый представительный текст военной любовной лирики, но круг произведений, вовлеченных в полемику, шире. Полагаем, что спор ведется с циклом «С тобой и без тебя» в редакции 1942 г. Герой описывает свое поведение через отрицание закреплённых в поэзии шаблонов: он не носит с собой фотографий любимой, не говорит о ней перед боем. О некоей охранительной силе фотографии возлюбленной говорится в стихотворении Симопова «Я, перебрав весь год, не вижу...», упомянуты снимки возлюбленных и в «Я пил за тебя под Одессой в землянке...», сюжет последнего

стихотворения как раз составляет разговор незнакомых солдат о любимых. Фраза Орлова «Будто ты меня силой любви спасешь – / Я не верю совсем тому» [Орлов 1982, с. 27] – возможная реминисценция симоновской «Когда б одною силою любви / Мог наши души поселить я рядом» [Симонов 1982, с. 204] с тем же метафорическим оборотом.

Что же противостоит этой, как считает герой, литературщине? Природа живого чувства и живых отношений открывается в финале: «Схорони, забудь, я живой тогда / Непременно, назло приду» [Орлов 1982, с. 27]. Очевидно перед нами отношения, построенные на борьбе, в них герой, выживающий назло женщине, предстает как человек любящий сильнее, ее же чувство мимолетно. Наречие «назло», очевидно, тоже взято из «Жди меня» («всем смертям назло»). Однако Симонов использовал его или близкие обороты и в других контекстах: «назло той упрямой» [Симонов 1982, с. 168], «злом на зло привыкал отвечать» [там же, с. 197]. Отношения героя Симонова с возлюбленной как раз далеки от идиллии, внутренне конфликтны. Сложно сказать, игнорировал ли Орлов эти особенности цикла или считал его лишенным внутреннего единства и оспаривал лишь отдельные стихотворения. Проанализированное стихотворение Орлова можно считать одним из ранних свидетельств осмысления младшим поколением фронтовых поэтов своего особого подхода к военной теме – подхода, отказывающегося от литературности и отличающегося жесткой прямоотой.

Заключение

Парадоксальным образом все отмеченные стихотворения, вне зависимости от избранной позиции развития топоса или спора с ним, находятся в едином потоке с лирикой Симонова, ибо принадлежат к тому руслу поэзии, которая стала представлять любовное чувство вовсе не облегченно. Открытие этого пути в военной лирике и совершил Симонов. Наше исследование показывает, насколько сама тенденция, вне зависимости от принятия более частных идей автора, была востребована в русской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров В. Б.* Письма в Москву // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160. (*К. Симонов «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.»*).
- Аннинский Л. А.* Красный век. Эпоха и ее поэты : в 2 кн. М. : ПРОЗАИК, 2009.

- Антокольский П. Г.* Собр. соч. : в 4 т. М. : Художественная литература, 1971.
- Викулов С. В.* К 80-летию Сергея Орлова. Были витязи когда-то (Из воспоминаний о друге-поэте) // Наш современник. 2001. № 8. С. 240–257.
- Гаспаров М. Л.* Семён Кирсанов, знаменосец советского формализма // С. Кирсанов. Стихотворения и поэмы. СПб. : Академический проект, 2006. С. 5–18; С. 677–773. (Примечания).
- Жанрово-стилевые тенденции в поэзии Великой Отечественной войны. Практикум к курсу «История русской литературы XX века: 1920–1950-е годы» / сост. О. А. Дашевская. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2011. 42 с.
- Кирсанов С. И.* Стихотворения и поэмы. СПб. : Академический проект, 2006. 800 с.
- Кожин В. В.* Поэзия военных лет (вместо заключения) // Россия. Век XX-й (1939–1964). М. : Эксмо-Пресс, 2002. 448 с.
- Лычагин А. В.* Особенности поэтического диалога в творчестве Иосифа Уткина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1. С. 61–64.
- Магомедова Д. М.* Филологический анализ лирического стихотворения. М. : Академия, 2004. 192 с.
- Менцель Б.* Советская лирика сталинской эпохи: мотивы жанры, направления // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект, 2000. С. 953–968.
- Орлов С. С.* В легкой песне берез... Книга стихов. М. : Современник, 1982. 194 с.
- Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М. : Наука, 1986. С. 236–251.
- Прокофьев А. А.* Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1986. 591 с.
- Сельвинский И. Л.* Собрание сочинений : в 6 т. М. : Художественная литература, 1971–1974.
- Симонов К. М.* Заметки о поэзии // Литературная газета. 1939. № 72. С. 3.
- Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1982. 623 с.
- Соколова Л. В.* Плач Ярославны // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. Т. 4. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. С. 109–116.
- Уткин И. П.* Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1966. 380 с.
- Чудакова М. О.* «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛЮ. 2002. № 58. С. 223–259.
- Curtius E. R.* European literature and the Latin middle ages : transl. from German. New York : Harper & Row publ, 2015. 659 p.

REFERENCES

- Aleksandrov V. B.* Pis'ma v Moskvu // *Znamja*. 1943. № 1. S. 149–160. (K. Simonov «S tobj i bez tebj» i «Stihi 1941 g.»).
- Anninskij L. A.* Krasnyj vek. Jepoha i ee pojety : v 2 kn. M. : PROZAIK, 2009.
- Antokol'skij P. G.* Sobr. soch. : v 4 t. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1971.
- Vikulov S. V.* K 80-letiju Sergeja Orlova. Byli vitjazi kogda-to (Iz vospominanij o druge-pojete) // *Nash sovremennik*. 2001. № 8. S. 240–257.
- Gasparov M. L.* Semjon Kirsanov, znamenosec sovetskogo formalizma // S. Kirsanov. *Stihotvorenija i pojemy*. SPb. : Akademicheskij proekt, 2006. S. 5–18; S. 677–773. (Primechanija).
- Zhanrovo-stilevyje tendencii v poezii Velikoj Otechestvennoj vojny. Praktikum k kursu «Istorija ruskoj literatury HH veka: 1920–1950-e gody» / sost. O. A. Dashevskaja. Tomsk : Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 42 s.
- Kirsanov S. I.* Stihotvorenija i pojemy. SPb. : Akademicheskij proekt, 2006. 800 s.
- Kozhinov V. V.* Poezija voennyh let (vmesto zaključenija) // *Rossija. Vek XX-j (1939–1964)*. M. : Jeksmo-Press, 2002. 448 s.
- Lychagin A. V.* Osobennosti poetičeskogo dialoga v tvorčestve Iosifa Utkina // *Učenyje zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 1. S. 61–64.
- Magomedova D. M.* Filologičeskij analiz liričeskogo stihotvorenija. M. : Akademija, 2004. 192 s.
- Mencel' B.* Sovetskaja lirika stalinskoj jepohi: motivy zhanry, napravlenija // *Socrealističeskij kanon*. SPb. : Akademicheskij proekt, 2000. S. 953–968.
- Orlov S. S.* V legkoj pesne berez... Kniga stihov. M. : Sovremennik, 1982. 194 s.
- Pančenko A. M.* Topika i kul'turnaja distancija // *Istoričeskaja poetika. Itogi i perspektivy izučenija*. M. : Nauka, 1986. S. 236–251.
- Prokof'ev A. A.* Stihotvorenija i pojemy. L. : Sovetskij pisatel', 1986. 591 s.
- Sel'vinskij I. L.* Sobranie sočinenij : v 6 t. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1971–1974.
- Simonov K. M.* Zametki o poezii // *Literaturnaja gazeta*. 1939. № 72. S. 3.
- Simonov K. M.* Stihotvorenija i pojemy. L. : Sovetskij pisatel', 1982. 623 c.
- Sokolova L. V.* Plach Jaroslavny // *Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve»* : v 5 t. T. 4. SPb. : Dmitrij Bulanin, 1995. S. 109–116.
- Utkin I. P.* Stihotvorenija i pojemy. L. : Sovetskij pisatel', 1966. 380 s.
- Chudakova M. O.* «Voennoe» stihotvorenije Simonova «Zhdi menja...» (ijul' 1941 g.) v literaturnom processe sovetskogo vremeni // *NLO*. 2002. № 58. S. 223–259.
- Curtius E. R.* European literature and the Latin middle ages : transl. from German. New York : Hatper & Row publ, 2015. 659 p.

УДК 001.9

Ю. С. Барышева

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: ubarysheva@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АГЕНТА СОЦИАЛИЗАЦИИ

В XXI в. происходит интеллектуализация массовой культуры: разрабатывается высококачественный массовый культурный продукт, выполняющий функции социализации и инкультурации, обучения и популяризации науки с применением технологий инфотейнмента и эдьютейнмента. В статье с применением методов включенного и невключенного наблюдения, функционального анализа рассматривается образовательный потенциал различных форм современной массовой культуры, в том числе российские мультсериалы, реализующие функции трансляции и популяризации научного знания в доступной и ускоренной форме, индивидуализации образовательной траектории.

Ключевые слова: массовая культура; образование; социализация; популяризация науки; мультсериал; эдьютейнмент; инфотейнмент.

Yu. S. Barysheva

Ph.D. in Cultural Studies, Associate Professor,
Department of World Culture, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ubarysheva@mail.ru

EDUCATIONAL CAPABILITIES OF MODERN MASS CULTURE AS SOCIALIZATION AGENT

Intellectualization of mass culture happens in the XXI century: there is a high-quality product which performs such functions as socializing, enculturation, education and popularization of science, using technologies of infotainment and edutainment. Educative capacities of various mass culture forms are explored in this paper through the methods of functional analysis, methods of participant and non-participant observation. We pay attention to Russian animated series, realizing functions of translation and popularization of scientific knowledge in a comprehensible and accelerated form, individualization of educational paths.

Key words: mass culture; education; socialization; popularization of science; animation series; edutainment; infotainment.

Введение

Подходы к изучению массовой культуры, как и определение ее сущности и функций, различны и трансформировались на протяжении XX – начала XXI века. На сегодняшний день значительным образом разнятся точки зрения западных и отечественных исследователей на роль массовой культуры в современном обществе, разнятся теоретико-методологические основания ее изучения, не определено содержание понятия «массовая культура», не изучена достаточно взаимообусловленность массовой культуры и постиндустриального и информационного общества [Костина 2016], ведутся дискуссии относительно функций и влияния конкретных текстов массовой культуры на реципиентов и т. д. Критика массовой культуры достаточно обширно представлена различными точками зрения, мы же в данной статье сосредоточимся на конструктивном социокультурном и образовательном потенциале массовой культуры, опираясь на исследования таких российских ученых, как Э. А. Орлова, А. Я. Флиер, А. В. Костина и др., поскольку «результаты исследования трансляционной функции массовой культуры достаточно убедительно доказывают наличие у рассматриваемой культурной формы большого социального потенциала» [Кожаринова 2014, с. 82]. «Не проясненными остаются вопросы относительно роли массовой культуры в процессе циркуляции знаний в обществе» [там же, с. 80], при этом в конце XX – начале XXI века ряд факторов способствует интеллектуализации содержания массовой культуры, которая на современном этапе выполняет функцию транслятора модифицированного специализированного знания массовой аудитории, но в современных отечественных и зарубежных исследованиях практически отсутствует глубокое и полное осмысление трансляционной функции массовой культуры и ее образовательного потенциала [там же].

Основные функции массовой культуры в постиндустриальном обществе

Массовая культура зародилась в Новое время в процессах трансформации сословных обществ в национальные; процессах индустриализации, урбанизации, массовой миграции; процессах деградации форм традиционной обыденной культуры доиндустриального типа; процессах развития технических средств тиражирования и трансляции

информации; процессах становления всеобщей грамотности населения и массового образования; процессах стандартизации социокультурных установок и др. [Флиер 2014]. Количественный рост и качественные трансформации массовой культуры происходят в результате процессов социокультурной модернизации второй половины XX в. и перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) этапу технологического развития современного общества [там же]. Трансляция информации широкой аудитории с помощью технических средств массовой коммуникации в XX в. стала одной из наиболее значимых компонент в культуре [Орлова 2001], тексты массовой культуры как специально отобранный и особым образом организованный материал составляют основное содержание транслируемой информации. Границы между формами коммуникации сегодня не столь отчетливы: телевидение, радио, печать, телефонная связь подвергаются значительным технологическим изменениям, центром радикальных изменений в сфере коммуникаций является Интернет. Стирая различия между традиционными формами средств массовой информации, он становится центральным каналом массовой коммуникации и может стать единственным средством доставки информации для массовой аудитории, в том числе средством доступа к знанию, поскольку позволяет оказаться на небывалом ранее уровне взаимосвязанности и интерактивности [Гидденс 2005].

Современная массовая культура рассматривается нами как вариант (варианты) культуры городского населения, транслирующей культурные смыслы от узкоспециализированных областей к обыденному уровню в форме экономно скомпонованной, редуцированной, стандартизированной, предназначенной для ускоренного восприятия информации. Такой тип культуры соответствует увеличившемуся темпу социокультурных изменений и динамике городской среды, удовлетворяя потребность в упрощении больших объемов дифференцированного специализированного знания, которое в нередуцируемом объеме доступно только профессионалам [Орлова 2001; Флиер 2014]. Произошедшие и происходящие социокультурные изменения предполагают необходимость изменений механизмов социализации и инкультурации индивида. По мнению британского социолога Э. Гидденса, агентами социализации являются «группы и социальные контексты, в рамках которых совершаются процессы социализации» [Гидденс 1999, с. 82].

Традиционно на стадии первичной (базовой) социализации основным социализирующим агентом является семья, далее влияние на ребенка оказывают школа и система образования, группа сверстников, друзья, средства массовой коммуникации и средства массовой информации и др. [Гидденс 1999], вторичная социализация – процесс, который продолжается на протяжении всей жизни, поскольку любые социокультурные изменения предполагают освоение индивидом нового опыта. В современной социокультурной ситуации средства массовой коммуникации как каналы трансляции информации и массовая культура как конгломерат содержательных контекстов социокультурного опыта становятся одними из основных агентов социализации и инкультурации, наряду с семьей, «значимыми другими», институтом образования. При этом современные социологи также отмечают, что образование в современном обществе приобрело особую характеристику универсальности. П. Бергер пишет, что «образование в очень широком смысле можно определить, как все формы социализации, которые должны быть совершены после первичной социализации» [Бергер 2004, с. 172], т. е. все формы вторичной социализации. В современном динамично меняющемся мире невозможно оставаться конкурентоспособной личностью без регулярного повышения квалификации и самообразования в рамках постиндустриальной экономики. Поток инноваций, темп изменения технологий, приращения научных знаний, изменений окружающей среды, социума и культуры таков, что человек должен постоянно находиться в ситуации освоения нового социокультурного опыта, поскольку иначе перестанет быть социально адекватной личностью и востребованным профессионалом. Образование является одним из самых разветвленных социокультурных институтов в современном обществе, образовательная деятельность всех видов – один из главных секторов системы занятости, является настоящей «индустрией знания» [Бергер 2004, с. 171]. Человек всё раньше (ребенком) попадает в образовательное пространство и уже практически не уходит из него. Во многих профессиональных сферах продвижение и успех зависят от непрерывного образования и повышения квалификации, а неграмотным человеком сегодняшнего дня становится тот, кто не научился учиться. Э. Гидденс пишет, что «новые технологии и возникновение экономики знания трансформируют традиционные представления о труде и образовании» [Гидденс 2005, с. 457–458], обучение и усовершенствование

квалификации сегодня успешно реализуется с помощью Интернета. Традиционные институты образования стремительно меняются. «Понятие образования, предполагающее структурированную передачу знания в условиях официального учебного заведения, уступает место более широкому понятию учения, которое происходит в самой разной обстановке» [Гидденс 2005, с. 459], навыки и знания можно приобрести с помощью самых разных типов контактов – на семинарах и в музеях, публичных лекциях и вебинарах, через Интернет в онлайн-университетах и на образовательных порталах и т. д., круг образовательных возможностей стремительно расширяется для дошкольников, школьников, студентов, профессионалов и любых других индивидов, занимающих активную позицию. Информационные технологии интенсивно внедряются в процесс образования: форматы дистанционного, ускоренного и модульного обучения в Интернете стремительно стали популярными, что соответствует общемировым процессам формальной рационализации (макдональдизации) образования [Ритцер 2011].

В наши задачи входит анализ современных функциональных трансформаций некоторых форм массовой культуры. Применяя методы включенного и невключенного наблюдения, функционального анализа, мы рассмотрим образовательный потенциал современной массовой культуры (в том числе российские мультсериалы), реализующей функции трансляции и популяризации научного знания в доступной и ускоренной форме.

В современной социокультурной ситуации функции современной массовой культуры представляют сложный конгломерат, где в функционально развлекательное (рекреация и досуг) могут быть интегрированы: коммуникация, трансляция информации и социокультурного опыта, познание и кумуляция, адаптация и компенсация, социализация и инкультурация, в том числе регуляция и нормирование процессов социального взаимодействия и др. В контексте дальнейшего развития техногенной цивилизации особое значение приобретает конструирование, моделирование, прогнозирование возможного будущего в текстах массовой культуры (например, в сериалах и мультсериалах), где в художественных сценариях осмысляются возможности развития и риски при введении в повседневность и образ жизни человечества тех или иных достижений науки и техники, в том числе возможные этические проблемы постнеклассического развития научного знания.

Знание и паттерны, транслируемые массовой культурой, формируют параметры социальной адекватности и культурной компетентности индивида в рамках конкретной культуры или субкультуры. Современная массовая культура (в том числе несмотря на возможное упрощение содержания транслируемых культурных текстов) демонстрирует высокий образовательный потенциал при массовой трансляции, доступности, возможности повторного обращения при необходимости, что в итоге является продуктивным для детской, подростковой и взрослой аудитории (при условии учета субкультурной специфики аудитории). В XXI в. происходит интеллектуализация содержания определенных сегментов массовой культуры, мы наблюдаем разработку высококачественного массового культурного продукта (разнообразных научно-популярных форматов, некоторых сериалов, мультсериалов), ориентированного на определенные субкультуры и интегрирующего ряд функциональных задач.

Образование и популяризация науки в рамках современной массовой культуры

Особым образовательным потенциалом, по нашему мнению, обладают мультсериалы, в том числе научно-популярные. Некоторые современные российские мультсериалы («Лунтик», «Фиксики», «Смешарики» и др.) реализуют, кроме рекреационной, обучающие и другие социализирующие функции: от освоения элементарных навыков коммуникации и элементарной техники безопасности до работы с когнитивной сферой ребенка, в том числе осмысления ценностно-нормативных аспектов социальной жизни и деятельности, проработки паттернов взаимодействия в конфликтной ситуации, трансляции и популяризации научного знания в доступной форме. На уровне первичной социализации мультсериалы транслируют социокультурный опыт (базовые знания и навыки), параллельно с развлекательным просмотром обучают детей умению читать и писать, говорить на иностранных языках, разрешать конфликтные ситуации и многому другому.

Применение технологии эдьютейнмента в данной области особенно актуально для детей, так как уже на уровне базовой социализации может быть заложен познавательный интерес и желание обучаться новым навыкам. Использование инфотейнмента и эдьютейнмента

позволяет эффективно обучать робототехнике с помощью конструктора (конструктор «Лего» и др.), объяснять процессы эволюции через компьютерную игру, изменения детской психики в процессе взросления и наступления подросткового возраста через мультфильм («Головоломка»), корпускулярно-волновую теорию света через научно-популярный мультсериал для детей и подростков («Смешарики: Пин-код») и т. п.

В контексте осмысления образовательного потенциала массовой культуры, следует остановиться на российском анимационном сериале «Смешарики: Пин-код» (спин-офф популярного мультсериала «Смешарики»), основное содержание которого популяризация науки, способствующая формированию интереса к научному знанию, изобретательству и техническому творчеству у детей и подростков. Главные герои мультфильма отправляются путешествовать в космос, попадают в разные сложные ситуации, преодолевают препятствия благодаря возможностям современной науки, в процессе разворачивания сюжета знакомятся с историей развития техники, разбираются в работе тех или иных приборов, узнают о тонкостях протекания химических и физических процессов. Зрители вместе с персонажами мультсериала узнают, что такое невесомость и основные правила поведения в космосе, что такое электричество и какую пользу оно приносит человечеству, как работают разные приборы и кто их изобрел и т. д. В доступной и понятной форме излагается корпускулярно-волновая теория света, теория относительности и другие научные знания из различных областей. Данный мультсериал – прекрасный российский пример массовой культуры с использованием технологии эдьютейнмента в образовании и технологии инфотейнмента в популяризации науки. Рассчитанный на массовую аудиторию, транслируемый на российских телеканалах и доступный в Интернете, эффективно сочетающий обучение и развлечение, качественно сделанный, он популярен у детей и взрослых в США, европейских странах и др. Параллельно данный сериал формирует интерес и уважение к научному знанию, понимание практической применимости конкретных знаний, технологий и изобретений в сложных ситуациях, познавательные паттерны поискового и инновативного поведения и др.

Именно в конце XX – начале XXI вв. реализуется «модель трансляции специализированного научного знания – через массовую культуру» [Кожаринова 2014, с. 91], несмотря на то, что проблему построения

этой модели сопровождают различные сложности, такая модель трансляции знания особенно актуальна для современной России, в которой постоянно реформируются институты образования, что осложняет трансляцию информации и знания через традиционные формы [Кожаринова 2014]. Запрос на научно-популярную информацию в современном российском обществе, например в среднем классе (по профессии и уровню образования), среди студентов и старших школьников крупных городов, других категорий населения, можно сегодня уверенно назвать устойчивым. Этот запрос удовлетворяют многочисленные доступные и бесплатные обучающие форматы и образовательные порталы в Интернете, которые стремительно увеличили свою аудиторию за последние несколько лет: многочисленные электронные библиотеки; разнообразнейшие публичные лекции и вебинары на различные темы; образовательные порталы – «Арзамас» (*arzamas.academy/*), «ПостНаука» (*postnauka.ru/*), «Интернет-урок» (*interneturok.ru/*) и др.; образовательные проекты – «1917. Свободная история» (*project1917.ru/*) и др.; детские образовательные мультсериалы, в том числе научно-популярные («Смешарики: Пин-код» и др.). Они отвечают различным запросам аудитории: детской и подростковой аудитории на то, чтобы с ней говорили понятным и доступным для нее языком, компенсируя, например, язык учебников или нормативность взрослых; запросу узких специалистов с высшим образованием на расширение познаний в социальной и гуманитарной сфере и др. По мнению исследователей, «популяризация науки важна для всего общества, а потому нуждается в государственном финансировании и серьезном, методологически взвешенном подходе», «академическая» популяризация науки должна стать образцом трансляции специализированного знания к обыденному сознанию» [Кожаринова 2014, с. 89].

Построение новой модели образования в массовой культуре

Образование, реализуемое в рамках формальных организаций (общего среднего образования, высшего образования), часто не успевает за темпами социокультурных изменений современного общества, поскольку предназначено для массовой трансляции от поколения к поколению социокультурного опыта, признанного в обществе социально необходимым, а процесс фильтрации и стандартизации опыта

требует времени, в течение которого социум продолжает изменяться, таким образом классическое массовое образование всегда отстает в зафиксированной реальности от реальности текущей. «Построение новой модели трансляции специализированного знания, включающей в участие в этом процессе массовую культуру, должно явиться одним из приоритетных направлений стратегической образовательной инициативы» [Кожаринова 2014, с. 93], так как оно необходимо для модернизации системы образования. Э. Тоффлер писал о необходимости изменить вектор образования от изучения прошлого и настоящего к изучению предполагаемых вариантов будущего, не встраивать в сознание обучающихся стремительно устаревающие культурные рецепты, а учить человека рефлексивно выбирать направление движения в информационном потоке, а самое главное, научить учиться самостоятельно, поскольку в столь стремительно меняющемся мире и в постиндустриальной экономике индивидуализация образования неизбежна [Тоффлер 2002]. Образование, дополненное и расширенное доступными ресурсами Интернета, современными формами и массовыми технологиями, способно сформировать активного, социально мобильного, творческого индивида, готового к постоянным изменениям социокультурной среды, перемене места жительства и работы, способного выделять и обрабатывать огромное количество актуальной информации, справляться со сложностью и динамизмом дифференцированного урбанизированного пространства, прогнозировать возможные варианты социальных изменений и рефлексивно действовать. При этом перечисленные форматы и компьютерные технологии, внедряемые в сферу образования, не могут заменить и не должны заменять полностью взаимодействие профессионала-преподавателя и обучающегося, внутригрупповые дискуссии, интерактивную коммуникацию «лицом к лицу» и «здесь и сейчас». Современные технологии упрощают возможность самообразования и индивидуализации образовательной траектории в системе модульного обучения, которое является необходимой составляющей для любого профессионала не только в сфере образования, но и в любой системе, где существует стандартизация. В современной социокультурной ситуации профессиональная деятельность – это не только применение уже существующего опыта, но и поиск инновационных решений возникающих проблем, что невозможно без индивидуализации содержания образования

и индивидуальной рефлексии. Поскольку потребность современной постиндустриальной экономики в интеллектуальных ресурсах и развитии современных технологий является основополагающей, баланс, обеспечивающий массовость и содержательную стандартизацию, необходимую для устойчивости фундаментальных параметров социализации, и качество, без которого индивиды и государство в целом не смогут быть конкурентоспособными в глобальном мире высоких технологий, достигается за счет макдональдизации массового образования на уровне компьютерных технологий и лекционных потоков [Ритцер 2011], при условии дальнейшей индивидуализации и использования дополнительных возможностей современных средств массовой коммуникации и качественной массовой культурой.

Заключение

Современная массовая культура в XXI в. демонстрирует высокий образовательный потенциал: обучение различным знаниям и навыкам и популяризация науки стали социально-значимыми функциями массовой культуры, которые реализуются в различных форматах в соответствии с целевой аудиторией. Происходит интеллектуализация некоторых сегментов массовой культуры: современная постиндустриальная экономика создает разветвленную индустрию знания, вовлекающую индивида в непрерывный процесс обучения, так как поток инноваций, темп изменения технологий, приращения научных знаний, изменений окружающей среды, социума и культуры предполагает регулярное освоение индивидом нового социокультурного опыта для сохранения социальной адекватности и профессиональной востребованности. Образовательный потенциал массовой культуры также заключается в упрощении и ускорении процессов самообразования, индивидуализации образовательной траектории в системе традиционного стандартизированного обучения, использовании новейших технических достижений и образовательных технологий в процессах обучения.

Мы полагаем, что влияние массовой культуры в образовательной сфере будет увеличиваться, дифференциация и качество массовой культуры повышаться. Количественные и качественные характеристики каналов массовой коммуникации и массовой культуры являются значимым показателем социокультурного развития общества и остаются междисциплинарным полем исследовательских интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П. Л., Бергер Б.* Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М. : Академический проект, 2004. 608 с.
- Гидденс Э.* Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
- Гидденс Э.* Социология / при участии К. Бердсолл : пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
- Кожаринова А. Р.* Конструктивный и социальный потенциал массовой культуры: опыты исследования трансляционной функции массовой культуры // Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе : «Круглый стол» / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 99 с.
- Кожаринова А. Р.* Проблемы построения новой модели трансляции специализированного знания в эпоху постмодерна // «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» : «Круглый стол» / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 99 с.
- Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : Книжный дом «Либроком», 2016. 352 с.
- Морфология культуры. Структура и динамика : учебное пособие для вузов / под ред. Э. А. Орловой. М. : DrDoom, 2001. 415 с.
- Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. М. : Праксис, 2011. 592 с.
- Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : Издательство АСТ, 2002. 557 с.
- Флиер А. Я.* Избранные работы по теории культуры. М. : ООО Издательство «Согласие» ; Издательство «Артем», 2014. 560 с.

REFERENCES

- Berger P.L., Berger B.* Sotsiologiya: Biograficheskii podkhod // Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya. M. : Akademicheskii projekt, 2004. 608 s.
- Giddens E.* Sotsiologiya. M. : Editorial URSS, 1999. 704 s.
- Giddens E.* Sotsiologiya / pri uchastii K. Berdsoll : per. s angl. Izd. 2-e, polnost'yu pererab. i dop. M. : Editorial URSS, 2005. 632 s.
- Kozharinova A. R.* Konstruktivnyi i sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: opyty issledovaniya translyatsionnoi funktsii massovoi kul'tury // «Konstruktivnyi sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: spetsifika proyavleniya v informatsionnom obshchestve» : «Kruglyi stol» / отв. red. A. V. Kostina. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. 99 s.
- Kozharinova A. R.* Problemy postroeniya novoi modeli translyatsii spetsializirovannogo znaniya v epokhu postmoderna // Konstruktivnyi sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: spetsifika proyavleniya v informatsionnom obshchestve : «Kruglyi stol» / отв. red. A. V. Kostina. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. 99 s.

- Kostina A. V.* Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva. M. : Knizhnyi dom «Librokom», 2016. 352 s.
- Morfologiya kul'tury. Struktura i dinamika: uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. E. A. Orlovoi. M. : DrDoom, 2001. 415 s.
- Rittser Dzh.* Makdonal'dizatsiya obshchestva 5. M. : Praxis, 2011. 592 s.
- Toffler E.* Shok budushchego. M. : Izdatel'stvo ACT, 2002. 557 s.
- Flier A. Ya.* Izbrannye raboty po teorii kul'tury. M. : OOO Izdatel'stvo «Soglasie»; Izdatel'stvo «Artem», 2014. 560 s.

УДК 008

А. Н. Юрин

аспирант кафедры теории и истории культуры факультета культурологии
Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: yurinalexander@mail.ru

ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЯ НАЦИЮ: РАЗВИТИЕ ДИСКУРСА О МИГРАНТАХ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Эта статья ставит перед собой задачу исследовать то, каким образом понятие «нация» переосмыляется в академическом дискурсе о мигрантах в современной Германии. В фокусе исследования оказываются три магистральные для развития дискурса о мигрантах полемических узла: «дебаты о гражданстве»; «иммиграция и поиск культурных основ для европейской идентичности»; «иммиграция и роль религии (ислама) в современной Германии», которые играют роль контекстов в переосмыслении понятия «нация».

Ключевые слова: Германия; Европейский союз; миграция; нация; этничность; цивилизация; религия; европейская идентичность.

A. N. Yurin

Post-graduate student; Chair of theory and history of culture;
Faculty of cultural studies; Russian State University for the Humanities;
e-mail: yurinalexander@mail.ru

REDEFINING THE NATION: EVOLUTION OF MIGRATION DISCOURSE IN MODERN GERMANY

This paper aims to investigate how the concept “nation” is being reconsidered in modern Germany’s academic discourse on migration. There are three nodal topics in the focus of the article which constitute academic discourse on migration: “citizenship debates”; “migration and European identity”, “migration and place of religion (Islam) in Germany”. These topics allow to contextualize the concept «nation» and find the ways it is being redefined.

Key words: Germany; European Union; migration; nation; ethnicity; civilization; religion; European identity.

Введение

Сегодня тема иммиграции является едва ли не основной как в общественных дебатах, так и в академических дискуссиях современной Германии [Foroutan 2016]. Обсуждение этой темы оказывается

важным и благодатным исследовательским полем для изучения того, каким образом в нем осмысливается понятие «нация». Будучи нервом современной социальной и культурной политики, тема миграции привлекает широкий круг участников и изобилует разнообразием дискурсивных стратегий, которые по-разному конструируют как проблемное поле, так и способы решения этих проблем. Такое положение дел значительно усложняет исследование того, каким образом происходит ресемантизация понятия «нация», которое традиционно являлось базовым в социально-политическом лексиконе Германии(-й) в XX в. [Вернер 2014].

В фокусе этой статьи окажутся работы исследователей социальных и гуманитарных наук, входящих в ядро научных дискуссий о проблеме миграции в объединенной Германии. Отбор авторов не будет ограничен ни их происхождением, ни немецким языком, а в первую очередь вовлеченностью в академические дискуссии о мигрантах в Германии и релевантностью этих работ поставленной задаче. Это позволит произвести первичный отбор источников, рассчитывая на их относительную однородность и сопоставимость.

Чтобы сузить круг поиска, мы отберем те тексты, которые группируются вокруг важных для академического дискурса о мигрантах полемических узлов: дебаты о гражданстве; иммиграция и поиск культурных основ для европейской идентичности; иммиграция и роль религии (ислама) в современной Германии.

Для того, чтобы сделать объем литературы, формирующийся вокруг этих тем, операбельным и отобрать тексты релевантные исследованию, мы будем опираться в первую очередь на те работы, в которых понятие «нация» эксплицитно или имплицитно подвергается ресемантизации, встраиваясь в новые семантические отношения с другими понятиями и позволяет себя обнаружить в наиболее отчетливых формах. На примере ключевых работ будет проведена реконструкция тех контекстов, в которых возникают новые понятийные конstellации, позволяющие фиксировать новые смыслы и коннотации понятия «нация».

Понятие «нация» в научных дебатах о гражданстве

Одной из ключевых работ, которая поставила вопрос о связи смыслового наполнения понятия «нация» в современной Германии с институциональными и законодательными практиками в области

миграционной политики, стала книга Роджерса Брубейкера «Гражданство и национальность во Франции и Германии» (1992). В фокусе этой работы оказались две модели национального строительства (французская и немецкая), которые предполагали разное понимание того, что такое нация. Роджерс Брубейкер убедительно демонстрирует, как от интерпретации этого понятия зависит то, каким образом устроен один из наиболее важных на сегодняшний день институтов, гарантирующих доступ к правам и свободам – институт гражданства.

Одним из главных тезисов этой работы является то, что понимание немецкой нации (в противоположность французской) развивалось преимущественно в качестве до-государственного, не политического, а этнокультурного сообщества. Такое понимание, несмотря на негативный исторический фон с ним связанный, оказалось очень живучим и наиболее ясно позволяет обнаружить себя в политике гражданства и иммиграционном законодательстве: «В то время как немецкие иммигранты автоматически признаются гражданами, или, что на практике означает одно и то же, немцами, иммигранты не-немецкого происхождения (даже второе и третье поколение иммигрантов), могут стать гражданами только через натурализацию. Как мы видели, только небольшому количеству удалось осуществить это. В силу того, что не-немецкая иммиграция стала оседлой, ее низкий уровень натурализации становился всё более проблематичным, а статус иммигрантов в отношении гражданства – аномальным, особенно в сравнении с автоматически присваиваемым статусом гражданина для этнических немцев из Восточной Европы (и применением *jure sanguinis* в течение всего послевоенного периода в отношении восточных немцев)»¹ [Brubaker 1992, с. 172–173].

Здесь, однако, надо сказать, что консервация традиционного этнокультурного содержания понятия «нация» была обусловлена послевоенным делением Германии, и в значительной мере именно такое представление о разделенной на два государства культурной нации (Kulturnation) послужило основанием для воссоединения двух послевоенных Германий в 1990 г. Тем не менее ситуация неравнозначного отношения к иммигрантам (репатриантам) немецкого не-немецкого происхождения поставила последних в чрезвычайно сложные условия.

¹Зд. и далее перевод наш. – А. Ю.

Так, Гёкче Юрдакюль в своей книге «Из гастарбайтеров в мусульмане: трансформация турецких иммигрантских ассоциаций в Германии» [Yurdakul 2009] убедительно демонстрирует то, как падение Берлинской стены привело к переформатированию турецких иммигрантских организаций, основным ядром которых до конца 1980-х гг. были профсоюзы. Профсоюзные организации могли объединять немецких, турецких и курдских рабочих вне зависимости от их национальности, будучи основанными исключительно по классовому принципу. Это привело к замещению дискурса «о правах рабочих» на дискурс о «правах гражданина», а на фоне специфики германского законодательства – к доминированию дискурса об «этничности».

Объединение Германии и последовавший за ним экономический спад только усилили эти изменения. Сокращение рабочих мест и перераспределения на трудовом рынке привели к усилению дискурса об этничности, а что самое главное – к «этнизации» конфликтных ситуаций, которые не были таковыми по своей природе: «И хотя нет эмпирических доказательств того, что турецкие рабочие были уволены с работы по этническому признаку, именно так расценивали это турецкие иммигранты» [Yurdakul 2009, с. 57].

Роль катализатора в «этнической самоорганизации» иммигрантов, по мнению Кристиана Йопке, сыграли ксенофобские акты насилия в начале 1990-х гг., что привело к формированию ощущения принадлежности к турецкой культуре даже у иммигрантов второго поколения. Рассуждая о последствиях актов насилия в Золингине, он пишет: «Таким же образом как хорваты открыли в себе хорватскость (Croatianness) после того, как они были ввергнуты в кровавую войну, обычные турецкие иммигранты осознали свою турецкость (Turkishness) после того, как их калечили и оскорбляли именно по этому признаку» [Joppke 1999, с. 219].

Переход от профсоюзных организаций как основной формы иммигрантской политической активности к этнонациональным объединениям изменил и их основную повестку: если профсоюзы видели основной целью улучшение условий труда, то новые этнонациональные организации ставили себе задачу добиться социального и политического равенства во всех сферах. И если для немецкой части населения Германии понятия «нация» и «этничность» были традиционно сближены, то будучи помещенными в контекст интеграции

иммигрантов, они превратились в категории политического выбора для турецкой иммиграции. Исследуя различные стратегии интеграции, формирующиеся крупнейшими иммигрантскими ассоциациями в Германии, Юрдакюль пишет: «Как было замечено, основное отличие в вопросах инкорпорирования иммигрантов для ТВВ¹ и Семаат состоит в их подходе к турецкой этнонациональной идентичности. Лидеры ТВВ не раз заявляли о том, что турецкость (Turkishness) – это этничность, и выступают против формирования меньшинств в Германии. Таким образом, их подход к инкорпорации иммигрантов предполагает то, что турки ассимилируют в немецкое общество, а турецкая этничность станет личным частным делом каждого (Yurdakul 2009). В то время как Семаат выступает против этой идеи в пользу сохранения турецкости, как этнонациональной идентичности, vis-à-vis немецкости (Germanes)» [Yurdakul 2009, с. 75–76]. На этом примере видно, что в этом контексте понятие «этничность», использованное в качестве самоопределения турок в Германии, отсылает к ассимиляторной модели интеграции, в то время как понятие «нация» соотносится с мультикультуралистской моделью и предполагает сохранение тесных связей с Турцией. Эти примеры наглядно демонстрируют сложную взаимосвязь между понятиями «нация» и «этничность», которая по-разному актуализируется в дискурсе о мигрантах.

Падение берлинской стены и распад СССР послужили катализатором научных дискуссий о глобализации, которые предложили новые теоретические подходы к проблеме миграции, а также роли гражданства и национальности. Одной из важных работ в этом поле стала книга Ясмин Сойсал «Пределы гражданства: мигранты и постнациональное членство в Европе» (1994).

Основным тезисом работы стало то, что развитие дискурса о правах человека на глобальном уровне, подкрепленного как научно, так и идеологически, привело к диффузии норм о правах личности и индивида и их проникновению на уровень национальной иммиграционной политики. Более того, элементы этого дискурса были апропрированы не только государственными институтами, что привело

¹ ТВВ – Turkische Bund Berlin-Brandenburg (Berlin-Brandenburg Turkish Federation) и Семаат (или TGB – Turkische Gemeinde zu Berlin) – две крупнейшие иммигрантские ассоциации в Берлине с диаметрально противоположными взглядами на вопросы интеграции.

к вовлечению не-граждан во многие аспекты жизни государства, но и мигрантами, что отразилось в реконфигурации их стратегий и риторики в борьбе за свои права.

Наиболее смелым утверждением Ясмин Сойсал становится то, что «национальное гражданство более не является главной детерминантой прав и привилегий индивида, и что права сейчас кодифицированы в другой схеме, той, что делает акцент на универсальной личности, нежели национальности» [Soysal 1994, с. 12]. Таким образом, инкорпорация иммигрантов в послевоенной Европе, согласно Сойсал, происходит не в качестве граждан, а в качестве личностей, вне зависимости от их этнической, территориальной или культурной принадлежности, опираясь на универсалистскую модель прав человека. Такую модель инкорпорации мигрантов Ясмин Сойсал называет «постнациональным гражданством». Одним из примеров такого включения Ясмин Сойсал видит в способе существования турок в Берлине: «Будучи иностранными гражданами, турецкие иммигранты в Берлине делят публичное пространство как с другими иностранцами, так и с гражданами Германии. Они платят налоги, владеют своим бизнесом и домами, работают на фабриках и в сфере обслуживания, получают пособия, снимают субсидированные государством квартиры и посещают школы. Они формируют политические ассоциации и вступают в союзы и политические партии, организуют протесты, формируют платформы и выдвигают требования. Отдельно или же на конкурентной основе они обсуждают, формируют и ссылаются на коллективные идентичности, такие как: иммигрант, турок, мусульманин, иностранец и европеец» [Soysal 1994, с. 166].

Таким образом, по Сойсал, полноправными членами немецкого общества их делает отнюдь не кровное родство или же воображаемое историческое прошлое, также не делает этого лояльность государству или же национальным интересам и идеалам, а скорее, укорененные в делении общего публичного пространства «абстрактные принципы и обязанности (такие как права человека, уважение закона, защита окружающей среды, надежда на “лучшее будущее” и “продуктивную жизнь”» [там же].

Здесь надо сказать, что на протяжении 1990-х гг., работы Брубейкера и Сойсал воспринимались исследователями как полярные [Йорке, Morawska 2003]. И если в одном случае интерпретация понятия

«нация» становилась возможной через соотношение с понятием «этничность», то в другом случае оно было связано с понятием «права человека».

На рубеже XX–XXI вв. законодательство в Германии претерпело серьезные изменения, что значительно упростило получение гражданства для второго поколения иммигрантов, рожденных на территории ФРГ. Рассуждая о судьбе двух полярных позиций Брубейкера и Сойсал, Кристиан Йопке и Ева Моравска пишут:

«Однако современная переоценка гражданства в Европе подтверждает, что обе эти крайние позиции оказываются ошибочными. Вместо повторного утверждения традиций национального гражданства или же, напротив, девальвации гражданства как такового, поствоенный иммиграционный опыт (среди других факторов) дал начало тренду в направлении де-этнизации гражданства. Это означает, что гражданство в Европе становится похожим на гражданство в Америке, которое основывается на рождении на определенной территории и определяется политическими ценностями, нежели этничностью» [Joppke, Morawska 2003, с. 17–18].

Таким образом, после изменения процедуры получения гражданства, по их мнению, Германии удалось войти в разряд западноевропейских стран, в которых понятие «нация» больше не может быть описано в этнических терминах. «Для того, чтобы стать гражданином либерального государства, больше не требуется быть членом какого-то конкретного культурного сообщества; единственной ‚культурой‘, которую предлагается разделять, является ‚политическая культура самого либерализма‘», – пишут Йопке и Моравска [Joppke, Morawska 2003, с. 19]. Таким образом, мы можем наблюдать, как понятие «нация», которое практически отождествлялось с «этничностью», оказывается связанным с «политической культурой» и «либеральной демократией».

С другой стороны, развитие дебатов о гражданстве и осмысление практики интеграции мигрантов привели к пониманию того, что обретение паспорта и официального статуса гражданина не гарантирует успешной интеграции и лояльности государству. Так, анализируя демонстрации в Кельне в 2016 г., Басам Тиби пишет: «...большинство турок-демонстрантов обладали немецкими паспортами, но они несли только турецкие флаги в качестве идентификации; при этом они

открыто заявляют, что Эрдоган, а не Гаук является их президентом. Это является не только прямым доказательством провала интеграции многих мусульманских иммигрантов и отсутствием европейской миграционной политики, а также неспособностью европеизировать ислам иммигрантов...» [Tibi 2016, с. 115].

Европейская интеграция и интеграция мигрантов

Сразу же после объединения Германия стала одним из главных промоутеров европейской интеграции, а после Маастрихта (1992), пожалуй, самым влиятельным членом новой супранациональной организации – Европейский союз. Европейская интеграция затронула практически все сферы жизни государств-членов, став одной из важных тем и в дискурсе о мигрантах в Германии.

Создание свободных зон для движения людей, товаров и капитала привело к тому, что иммигранты, обладающие гражданством ЕС, практически уравнивались в правах и возможностях с гражданами Германии, за исключением участия в национальных выборах [Alba, Schmidt, Wasmer 2003, с. 3]. Это позволило создать новую классификацию иммигрантов, которые определялись не через принадлежность к тому или иному государству, этносу или политической культуре, а через включенность / исключенность в Европейский союз. Основными маркерами этой новой классификации стали понятия «гражданин» и «не-гражданин» ЕС (non-EU national). Создание наднациональной организации и делегирование части государственных полномочий европейским институтам по-новому поставили вопрос о национальном суверенитете. Отныне, миграционная политика, которая была преимущественно компетенцией национальных государств, стала полем европейской политики, а движение в направлении стандартизации и синхронизации национальных политик в ЕС позволило говорить о «европеизации» миграционной политики в Германии [Faist, Ette 2007].

Появление нового наднационального уровня политической борьбы привело к изменению стратегий и дискурса иммигрантских ассоциаций. Иммигранты стали формулировать и отстаивать свои права не только на национальном, но и на европейском уровне. Примером таких разукрупненных, «национальных» иммигрантских представительств, действующих на супранациональном уровне, могут служить European Council of Moroccan Associations (CEDAM), Coordination of

Associations of Spanish Immigrants in Europe (CEAEE), Assembly of Portuguese Communities in Europe (ACPE) и European Federation of Associations of Italian Immigrants (FILEF) [Soysal 1994].

Однако европейская интеграция не только изменила ландшафт иммигрантских ассоциаций, взгляд на иммиграцию и органограмму институтов управления в области иммиграционной политики, но и привела к поиску и оформлению культурных основ европейской идентичности. Показательным является рассуждение немецкого социолога Рихарда Мюнха, который пишет о том, что граждане ЕС «...должны быть готовы видеть себя не только в качестве немцев, французов, бельгийцев и т. д., но и в качестве европейцев. Они должны суметь привести в гармонию друг с другом далеко идущие и разнообразные виды лояльности. Их национальная идентичность должна быть скоординирована с европейской» [Münch 2001, с. 136].

Поиск культурных основ европейской идентичности активизировал интерес к цивилизационным теориям, ядром которых в 1990-е гг. стала работа Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой он вводит культуру и цивилизацию в поле мировой политики. По мнению Хантингтона, основой послевоенного противостояния держав была идеология и экономика, в то время как падение Берлинской стены привело к возникновению нового миропорядка, в котором основой конфликтов будут служить культурные различия. Одной из важнейших цивилизационных линий разлома в работе выступает противостояние между «западной цивилизацией» и «цивилизацией ислама». Но если для Хантингтона основной целью было найти новые основания мировой политики после крушения СССР, то для Бассама Тиби, развивающего идеи цивилизационного конфликта между западным (европейским) и исламским миром, цивилизационные различия служат для диалектического поиска культурных оснований современной европейской идентичности. Так, одним из центральных понятий его работы «Европа без идентичности?» становится понятие «европейская ведущая культура» (*europäische Leitkultur*).

Важно то, что это понятие, которое основывается на принципах гражданственности (*Citoyenneté*) и секулярности (*Laizität*) [Tibi 2016, с. 108], оформляется через противопоставление исламской цивилизации. Таким образом, «европейская культура», а также все национальные культуры, причисляющие себя к европейской (западной)

цивилизации, обретают своего «другого» в образе исламского мира. «Европейская ведущая культура», как концепт, важна для нахождения ценностного консенсуса (Wertekonsens) между европейской цивилизацией и мигрантами-мусульманами. Однако трансформации, по Тибби, должна подвергнуться не только европейская идентичность, но и исламская, которая должна быть реформирована в соответствии с теми же просвещенческими принципами. «Либеральное, ориентированное на эпоху модерна (Moderne) толкование ислама могло бы служить основанием для возникновения евроислама, который, по моему мнению, совместим с европейскими конституциями, который делает из мигрантов граждан (Citoyens) вместо мухаджиров (Muhadjirun)...» [Tibi 2016, с. 322].

Важным моментом является то, что культурный консенсус на базе «европейской ведущей культуры» и евроислама направлен не во вне – на исламский мир в целом, а во внутрь – в первую очередь на иммигрантов-мусульман в Европе и в Германии, в частности.¹

Сформированная в цивилизационных концепциях теоретическая рамка позволила противопоставить понятия «европеец» и «мусульманин», а будучи перенесенной в поле миграционных исследований, генерализировать и классифицировать иммигрантов по религиозно-культурной принадлежности.

Здесь важно сказать, что если понятие «нация», понятое как «национальное государство», и «Европа», как политическая супранациональная организация (ЕС), в экономическом и политическом дискурсах чаще всего обнаруживаются в качестве антитетических, то в дискурсе о мигрантах, где этим понятиям придаются преимущественно культурные коннотации, они часто выступают в качестве синонимичных или выступают в отношении включения. Пожалуй, наиболее яркой демонстрацией такой понятийной диспозиции является

¹ Позже понятие «европейская ведущая культура» было деконтекстуализировано и введено в общественно-политический лексикон Германии в форме новой синтагмы – «немецкая ведущая культура». На рубеже столетий оно стало центральным в общественно-политических дебатах об интеграции мигрантов в Германии. Сегодня же его можно найти в программных документах и лозунгах правоконсервативной и свроскептической партий «Альтернатива для Германии» (Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии»: основная программа. URL: www.afd.de/grundsatzprogramm/), но уже с противоположным смыслом тому, который вкладывал в него Тибби.

двойственность понятийного самоопределения движения «Патриотических европейцев против исламизации Запада» (P.E.G.I.D.A.), мобилизовавшего в 2015 году под своими лозунгами около 25 тыс. демонстрантов [Vorländer, Herold, Schäler 2016, с. 8].

«P.E.G.I.D.A. использует в качестве главного аргумента своего протеста перенесение культурных конфликтов в Германию, равно как и страх перед засильем чужеродных культур (Überfremdung) через исламизацию», – пишет Форутан [Foroutan 2016, с. 234]. Однако здесь возникает закономерный вопрос о соотношении понятий «Запад» (Abendland), «Европа» и «Германия» и о возможности быстрого перехода от одного к другому.

«Одна из исторических странностей патриотических европейцев против исламизации Запада кроется уже в самом их названии: в первой и последней букве их акронима P.E.G.I.D.A. Очевидно, протагонисты, ораторы и агитаторы исходят из допущения о том, что «Запад» (Abendland), на защиту которого они вышли на улицу, без всяких оговорок сопоставим с “Германией” и с немецким национальным патриотизмом всех его защитников. Но так ли это на самом деле? [Kallscheuer 2017, с. 167], – задает риторически вопрос Отто Калльшоер. Производя экскурс в историю идей Европы, Германии и Запада, он убедительно демонстрирует всю неоднозначность, а часто противоречивость их отношений друг с другом, в то время как они легко и нерелексивно сопоставляются и уравниваются участниками и идеологами движения P.E.G.I.D.A. в начале XXI в.

Таким образом, дебаты о европейской интеграции в контексте аккомодации мигрантов проблематизировали понятие «нация» через сопоставление с такими понятиями, как «европейская идентичность», «(не)гражданин ЕС», «европейская цивилизация», «западная цивилизация», «цивилизация ислама», «европейская ведущая культура», «иммигранты-мусульмане» (*muslimische/islamische Migranten*) и др.

Этот полемический узел в дебатах о мигрантах является важным, не только потому что он намечает новые контексты, включающие понятие «нация» и связанные с многоуровневым управлением, европеизацией миграционной политики и европейской идентичностью, но и как необходимый элемент в понимании того, каким образом концептуализируются связи между понятиями «нация» и «религия» в дискурсе о мигрантах в Германии.

«Нация» и «религия» – новая понятийная (а)симметрия

Новой главой, изменившей дискурс о мигрантах, стали последствия и реакция на события 11 сентября 2001 г. Реакция на этот новый по форме террористический акт, который не был организован ни другим государством, ни этнонационалистической организацией с ясной политической программой такой, как ЭТА или ИРА [Faist 2006], а обладал глобальным измерением, затронула не только США, но и многие западноевропейские страны, включая Германию. Эта реакция выражалась в секьюритизации иммиграции, которая отныне воспринималась в массовом сознании как источник прямой угрозы. «История 9/11 была не о том, что международные мигранты представляют угрозу “нашим” рабочим местам, доходам, жилищам или культуре. Это было прямой атакой и угрозой жизням людей. Однако связь между международной миграцией и угрозой безопасности является несостоятельной даже после 9/11», – пишет Томас Файст [Faist 2006, с. 109].

Важно то, что восприятие 9/11 и страхи, связанные с ним, сделали возможной и привычной концептуальную оппозицию «“мы” (американцы, немцы и т. д.) против “них” (иммигранты, мусульмане)» [Faist 2006, с. 111]. Таким образом события 11 сентября сделали ислам едва ли не основной темой в исследованиях миграции. И если до этого понятие «нация» в дискурсе о мигрантах было связано с такими понятиями, как этничность, гражданство, права человека, глобализация, европейская интеграция и т. д., то теперь появилась новая, часто латентная, понятийная симметрия: нация – религия (ислам).

Наблюдая усиление национального самосознания в Германии, основанного на исключении меньшинств, Найка Форутан пишет: «Согласно опросам, собственная социальная группа довольно часто (40 %) описывалась в терминах “мы немцы”, “немецкое население”, “немецкое общество” и т. п. Очевидно, что мусульманин и немец воспринимаются в качестве антонимов, и таким образом, мусульмане исключаются из группы “мы-немцы”» [Foroutan 2016, с. 102]. Как и в случае с этничностью, это вызвало обратную реакцию и усиление самоорганизации мигрантов по религиозному признаку. «После террористических атак мусульманская характеристика турецкого иммигрантского сообщества приобрела популярность в качестве политической мобилизации и репрезентации иммигрантов, многие турецкие иммигрантские ассоциации стали артикулировать свои

политические требования в религиозном ключе», – пишет Гёкче Юрдакюль [Yurdakul 2009, с. 87].

По всей видимости, такая понятийная симметрия стала возможной, в частности, благодаря уже сформированному противопоставлению понятий «европейская цивилизация» и «цивилизация ислама», что делало возможным переход от понятийного самоопределения «мы-европейцы» к «мы-немцы». Но если в цивилизационных концепциях речь шла о противостоянии цивилизаций, то в дальнейшем развитии дебатов произошло смещение в сторону религии.

Такое положение дел вернуло на повестку дня вопросы о месте религии в современном национальном государстве. «Рассматривая это на знакомых нам примерах, позвольте напомнить вам, что видимость и резонансность иностранных религиозных сообществ также обращает внимание и на все нам знакомые церкви и конгрегации. Мусульмане по соседству заставляют сограждан-христиан сталкиваться лицом к лицу с вероисповеданием конкурирующей религии. Они также дают понять секуляризованным гражданам, что религия присутствует в публичном пространстве», – пишет Юрген Хабермас, называя современное общество «постсекулярным» [Habermas 2008, с. 19].

Вопрос о роли национального государства в регуляции отношений между религиями обнажил целый ряд проблем и противоречий, связанных с отделением религии от культурных и политических норм.

Наиболее резонансными и обсуждаемыми стали так называемые «дела о платках» или «дела о бурке», которые позволили обнаружить всю сложность и взаимозависимость религии национальной культуры. Рассматривая «дела о бурке» в качестве «зеркала идентичности», Кристиан Йоппке убедительно демонстрирует то, каким образом сложные контрверзы решений Верховного и Конституционного судов Германии, а также практика земельного самоуправления, вводят христианские религиозные символы в область национальной культуры, делая их таким образом объектом защиты государства. По мнению автора, в этих дебатах происходит утверждение Германии в качестве христианского государства, принадлежащего западной цивилизации (Christian-Occidental), в котором происходит сближение национальных и христианских ценностей. В развитии этих дебатов он видит «криптонационализм», в котором государство отдает предпочтение христианству, ущемляя ислам: «Однако, несомненно, “худшей практикой”

в отношении головных платков в Западной Европе является позиция Германии, которая говорит “нет” исламу, но говорит “да” христианству. Она не просто говорит мусульманам о том, что они не могут быть включены, но она также дает возможность латентно-расистскому большинству исключить их» [Йоррке 2009, с. 125].

Заключение

Этот краткий анализ того, каким образом понятие «нация» оказывается в центре академических дебатов о гражданстве, европейской интеграции и о месте религии в рамках дискурса о мигрантах, дает возможность определить тот набор смежных и связанных понятий, благодаря которым оно становится осмысленным. Реконструкция некоторых базовых научных концепций, предпринятая выше, помогает проследить генеалогию этого понятия и то, каким образом новые понятийные связи реактуализируются не только в исследовательской литературе, но и выносятся в общественные и политические дебаты, ложась в институциональную основу и политические программы как иммигрантских ассоциаций, так и политических партий, и движений. Важность изучения истории и социологии понятий заключается в том, что понятия являются не просто «индикаторами», но и факторами социально-политических «мы-групп», именно благодаря понятиям становится возможным оформление группы и исключение из нее «других» [Koselleck 1979, с. 108]. Однако оценить то, какие смыслы включаются в то или иное понятие, а соответственно, и их социально-политическую функцию, помогают те контексты, в которых оно обнаруживается.

Очевидно, что те темы и контексты, в которых возникает понятие «нация» в конце XX – начале XXI вв., предполагают принципиально другие понятийные констелляции и смыслы, нежели те, что вкладывались в него до объединения. И если на первый взгляд некоторые понятийные оппозиции могут показаться не новыми, то те смыслы, которыми наделяются эти понятия сегодня, отличаются от тех, которые существовали в других исторических контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вернер К.-Ф., Гишинцер Ф., Козеллек Р. Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2 т. / сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон,

- И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон ; сост. научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 322–753.
- Козеллек Р.* Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2 т. / сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон ; сост. научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 37–38.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
- Alba R., Schmidt P., Wasmer M.* (Eds.) *Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany.* New York : Palgrave Macmillan US – Palgrave Macmillan, 2003. 320 p.
- Brubaker R.* *Citizenship and nationhood in France and Germany.* London : Harvard Univ. Press, 1992. 288 p.
- Faist T.* The Migration-Security Nexus: International Migration and Security Before and After 9/11 // Bodemann M.Y., Yurdakul G. (Eds.) *Migration, Citizenship, Ethnos.* New York : Palgrave Macmillan US – Palgrave Macmillan, 2006. P. 103–121.
- Faist T. and Ette A.* (Eds.) *The Europeanization of National Policies and Politics of Immigration: Between Autonomy and the European Union.* London : Palgrave Macmillan UK – Palgrave Macmillan, 2007. 273 p.
- Foroutan N.* Nationale Bedürfnisse und soziale Ängste // María do Mar Castro Varela, Paul Mecheril (Hg.). *Die Dämonisierung der Anderen. Rassismuskritik der Gegenwart.* Bielefeld : transcript Verlag, 2016. SS. 97–107.
- Foroutan N.*, Postmigrantische Gesellschaften // Brinkmann H.-U., Sauer M., (Hrsg.). *Einwanderungsgesellschaft Deutschland. Entwicklung und Stand der Integration.* Wiesbaden : Springer VS, 2016. SS. 227–254.
- Habermas J.* *Secularism's Crisis of Faith: Notes on Post-Secular Society* // *New perspectives quarterly.* 2008. Vol. 25. P. 17–29.
- Joppke Ch. and Morawska E.* Integrating Immigrants in Liberal Nation-States: Policies and Practices // Joppke Ch. and Morawska E. (eds). *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation-States.* New York : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–37.
- Joppke Ch.* *Veil: mirror of identity.* Cambridge : Polity Press, 2009. 174 p.
- Joppke Ch.* *Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain.* Oxford : Oxford University Press. 1999. 368 p.
- Kallscheuer O.*, *Abendland – Deutschland – Europa: Vier ideenpolitische Fußnoten zum neudeutschen Diskurs. (und eine französische Marginalie)* // Brömmel W., König H., Sicking M. (Hg.). *Populismus und Extremismus in Europa: Gesellschaftswissenschaftliche und sozialpsychologische Perspektiven (Europäische Horizonte).* Bielefeld : transcript Verlag, 2017. SS. 167–183.
- Koselleck R.* *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. 388 S.

- Münch R.* Nation and Citizenship in the Global Age. From National to Transnational Civil Ties. London : Palgrave Macmillan UK – Palgrave Macmillan, 2001. 247 p.
- Soysal Y.-N.* Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe. University of Chicago Press, 1994. 251 p.
- Tibi B.* Europa ohne Identität?: Europäisierung oder Islamisierung. Stuttgart : ibidem, Online-Ressourcen (epub) 2016. 522 S.
- Vorländer H., Herold M., Schäller S.* PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 165 S.
- Yurdakul G.* From Guest Workers into Muslims: The Transformation of Turkish Immigrant Associations in Germany. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 145 p.

REFERENCES

- Verner K.-F., Gshincer F., Kozellek R.* Narod, nacija, nacionalizm, massa (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) // Slovar‘ osnovnyh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat‘i : v 2 t. / sost.: Ju. Zareckij, K. Levinson, I. Shirle ; per. s nem. K. Levinson ; sost. nauchn. red. per. Ju. Arnautova. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 2. S. 322–753.
- Kozellek R.* Vvedenie (Einleitung) // Slovar‘ osnovnyh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat‘i : v 2 t. / sost.: Ju. Zareckij, K. Levinson, I. Shirle ; per. s nem. K. Levinson ; sost. nauchn. red. per. Ju. Arnautova. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 2. C. 37–38.
- Hantington S.* Stolknovenie civilizacij? // Polis. 1994. № 1. S. 33–48.
- Alba R., Schmidt P., Wasmer M.* (Eds.) Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany. New York : Palgrave Macmillan US – Palgrave Macmillan, 2003. 320 p.
- Brubaker R.* Citizenship and nationhood in France and Germany. London : Harvard Univ. Press, 1992. 288 p.
- Faist T.* The Migration-Security Nexus: International Migration and Security Before and After 9/11 // Bodemann M.Y., Yurdakul G. (Eds.) Migration, Citizenship, Ethnos. New York : Palgrave Macmillan US – Palgrave Macmillan, 2006. P. 103–121.
- Faist T. and Ette A.* (Eds.) The Europeanization of National Policies and Politics of Immigration: Between Autonomy and the European Union. London : Palgrave Macmillan UK – Palgrave Macmillan, 2007. 273 p.
- Foroutan N.* Nationale Bedürfnisse und soziale Ängste // María do Mar Castro Varela, Paul Mecheril (Hg.). Die Dämonisierung der Anderen. Rassismuskritik der Gegenwart. Bielefeld : transcript Verlag, 2016. SS. 97–107.

- Foroutan N.* Postmigrantische Gesellschaften // Brinkmann H.-U., Sauer M., (Hrsg.). Einwanderungsgesellschaft Deutschland. Entwicklung und Stand der Integration. Wiesbaden : Springer VS, 2016. SS. 227–254.
- Habermas J.* Secularism's Crisis of Faith: Notes on Post-Secular Society // *New perspectives quarterly*. 2008. Vol. 25. P. 17–29.
- Joppke Ch. and Morawska E.* Integrating Immigrants in Liberal Nation-States: Policies and Practices // Joppke Ch. and Morawska E. (eds). *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation-States*. New York : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–37.
- Joppke Ch.* *Veil: mirror of identity*. Cambridge : Polity Press, 2009. 174 p.
- Joppke Ch.* *Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain*. Oxford : Oxford University Press. 1999. 368 p.
- Kallscheuer O.* Abendland – Deutschland – Europa: Vier ideenpolitische Fußnoten zum neudeutschen Diskurs. (und eine französische Marginalie) // Brömmel W., König H., Sicking M. (Hg.). *Populismus und Extremismus in Europa: Gesellschaftswissenschaftliche und sozialpsychologische Perspektiven (Europäische Horizonte)*. Bielefeld : transcript Verlag, 2017. SS. 167–183.
- Koselleck R.* *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. 388 S.
- Münch R.* *Nation and Citizenship in the Global Age. From National to Transnational Civil Ties*. London : Palgrave Macmillan UK – Palgrave Macmillan, 2001. 247 p.
- Soysal Y.-N.* *Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe*. University of Chicago Press, 1994. 251 p.
- Tibi B.* *Europa ohne Identität?: Europäisierung oder Islamisierung*. Stuttgart : ibidem, Online-Ressourcen (epub) 2016. 522 S.
- Vorländer H., Herold M., Schäller S.* *PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung*. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 165 S.
- Yurdakul G.* *From Guest Workers into Muslims: The Transformation of Turkish Immigrant Associations in Germany*. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 145 p.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 6 (822)	Issue 6 (822)

Ответственный редактор выпуска 6 (822)

кандидат филологических наук, доцент И. В. Баринаова

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 31.05.2019
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,6
Заказ № 74/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.